

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Серия «Юридические науки»

Том 27 (66). № 4

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2014

Печатается по решению Ученого совета Таврического национального университета
им. В. И. Вернадского, протокол № 10 от 14.11.2014

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Таврического национального университета
имени В. И. Вернадского»:**

1. Багров Н. В. – д-р географ. наук, проф., академик НАНУ (главный редактор)
2. Шульгин В. Ф. – д-р хим. наук, проф. (зам. главного редактора)
3. Дзедолик И. В. – д-р физ.-мат. наук, доц. (секретарь)

Члены Совета (редакторы серий и разделов серий):

4. Бержанский В. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф.
7. Копачевский Н. Д. – д-р физ.-мат. наук, проф.
5. Богданович Г. Ю. – д-р филол. наук, проф.
8. Подсолонко В. А. – д-р экон. наук, проф.
6. Вахрушев Б. А. – д-р геогр. наук, проф.
9. Ротань В. Г. – д-р юрид. наук, проф.
7. Гришковец В. И. – д-р хим. наук, проф.
10. Темурьянц Н. А. – д-р биолог. наук, проф.
8. Казарин В. П. – д-р филол. наук, проф.
11. Шоркин А. Д. – д-р филос. наук, проф.
9. Климчук С. В. – д-р филол. наук, проф.
12. Юрченко С. В. – д-р полит. наук, проф.

Редакционная коллегия серии «Юридические науки»

Ротань В. Г., д-р юрид. наук, проф. (редактор серии)
Даниленко В. М., д-р истор. наук, проф., член-корр. НАНУ
Носик В. В., д-р юрид. наук, проф., член-корр. АПРНУ
Скакун О. Ф., д-р юрид. наук, проф., член-корр. АПРНУ
Бахин В. П., д-р юрид. наук, проф.
Карпов Н. С., д-р юрид. наук, проф.
Рыскельдиева Л. Т., д-р филос. наук, проф.
Донская Л. Д., канд. юрид. наук.
Бугаев В. А., канд. юрид. наук, доц.
Михайлов М. А., канд. юрид. наук, доц.
Гармаев Ю. П., д-р юрид. наук, проф. (Российская Федерация)
Комиссарова Я. В., канд. юрид. наук, доц. (Российская Федерация)
Змерзлый Б.В., докт. ист. наук, проф. (секретарь)

**Постановлением Президиума ВАК Украины № 1-05/2 от 10.03.2010 г. журнал внесен в список
специализированных изданий (юридические науки)**

Подписано в печать 29.12.2014. Формат 70x100 1/16
23,72 усл. п. л. Тираж 500. Заказ № 29/12-УЗ.

Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ.
пр. Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007

«Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського»

Науковий журнал. Серія: Юридичні науки. Том 27 (66). № 3.

Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2014

Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано в інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету
ім. В. І. Вернадського. Пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

© Таврический национальный университет, 2014 г.

Каралкіна Т. В.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Юридические науки». Том 27 (66). 2014. № 4. С. 3-8.

**ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА,
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА;
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО
И КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС**

УДК 346.52

**ВДОСКОНАЛЕННЯ ПРАВОВОЇ РОБОТИ
ВИЩИХ НАВЧАЛЬНИХ ЗАКЛАДІВ**

Каралкіна Т. В.

*Східноукраїнський національний університет імені Володимира Даля
м. Луганськ, Україна*

Досліджено особливості правової роботи вищих навчальних закладів, яка є необхідним господарсько-правовим засобом регулювання їх діяльності в сучасних умовах. Пропонується наповнити зміст правової роботи в цих закладах такими напрямками, як організація роботи з підвищення правової культури працівників та правове забезпечення оформлення прав інтелектуальної власності на результати науково-дослідної діяльності вищих навчальних закладів.

Ключові слова: правова робота, господарсько-правовий засіб, вищі навчальні заклади, юрисконсульт, локальна нормотворчість, науково-дослідна діяльність, захист прав інтелектуальної власності, правова культура працівників.

Зростання потреби в належному правовому регулюванні господарсько-інноваційних відносин за участі ВНЗ вимагає не лише посилення ролі господарського законодавства в діяльності останніх, але й належної організації правової роботи в них, яка би враховувала специфіку їх правового статусу як безпосереднього учасника інноваційних відносин.

На жаль, ВНЗ послабили увагу до правової роботи, її роль або применшується, або взагалі не організована. Слід констатувати, що в ВНЗ здійснюється лише юридичне обслуговування процесів із надання платних освітніх послуг. Натомість майже відсутнє правове забезпечення наукової діяльності ВНЗ, особливо правове оформлення та подальше використання її результатів.

Досить часто керівництвом ВНЗ ігноруються пропозиції юрисконсультів щодо необхідності прийняття нових або приведення існуючих актів ВНЗ у відповідність із діючим законодавством. Отже, в умовах активізації участі ВНЗ у господарсько-інноваційних відносинах актуалізується потреба забезпечити їхню діяльність господарсько-правовим регулюванням, у тому числі шляхом використання такого засобу, як належна організація правової роботи у ВНЗ.

Метою цієї статті є дослідження особливості змісту правової роботи ВНЗ в умовах активізації їхньої участі в господарсько-інноваційних відносинах.

В науці господарського права з приводу змісту поняття «правова робота» дискусії ведуться давно, проте її поняття в сучасному українському законодавстві ще дотепер не закріплене, а тому доводиться користуватися в цьому питанні дослідженнями і законодавством радянських часів.

Наука господарського права, починаючи з свого чергового післявоєнного періоду становлення, значну увагу приділяла питанням правової роботи в народному господарстві, надаючи тим самим реальну допомогу практиці [1, с. 94–95]. Багато аспектів цієї проблематики знайшли своє відбиття в наукових публікаціях Т.Є. Абової, О.В. Бельської, І.Є. Замойського, Г.Л. Знаменського, Р.Ф. Калістратової, В.В. Лаптева, Б.І. Минця, В.К. Мамутова, Г.В. Пронської, А.А. Рябова та інших. За останні роки приділяли увагу: дослідженням суті правової роботи, її місця та значення в управлінні виробництвом – А.М. Долгополов, організації юридичної служби на підприємстві – В.І. Горевий, співвідношенню правової роботи та юридичного обслуговування підприємств – С.Ф. Домбровський, правової роботи як механізму захисту прав суб'єктів господарювання – І.В. Головань, організаційно-правових механізмів охорони та захисту професійних прав юрисконсультів – М.І. Клеандров.

Дослідження щодо змісту правової роботи тривалий час не мали великої зацікавленості серед вчених, оскільки правова робота вважалася незначним або не дуже важливим науковим напрямом у правознавстві. Дослідження в цій сфері проводилися в основному представниками господарського і частково цивільного права, які розглядали цю діяльність як функції управління. Сам термін «правова робота» в сучасному значенні використовується порівняно недавно. Спочатку правова робота зазвичай пов'язувалася з функціями органів юстиції. У зв'язку з діяльністю господарських організацій цей термін вперше був застосований у постанові ЦК КПРС і Ради Міністрів СРСР від 23.12.1970 № 1025 «Про поліпшення правової роботи в народному господарстві» [2]. Після цього термін набув більшого поширення. Разом із тим дотепер у нормативних правових актах не дається «легального» визначення поняття правової роботи, що породило множинність трактувань цього поняття. Такий стан зберігається й понині в Україні.

Згрупувавши різні точки зору вчених, які займалися дослідженням цієї проблеми, можна виділити два основних підходи до визначення сутності правової роботи. Ряд авторів обґрунтовують вузьке розуміння цього терміна, вбачаючи в правовій роботі лише діяльність юридичної служби [3, с. 3]. Інші вчені вважають, що поняттям «правова робота» охоплюється діяльність не тільки юридичної служби, але також й інших посадових осіб і функціональних підрозділів [4, с. 3; 5, с. 362–363]. Як зазначає Г.Л. Знаменський, вітчизняна наука господарського права вивчила й розкрила поняття та механізм функціонування правової роботи, з'ясувала ланки суб'єкта господарювання, які мають займатися правовою роботою, виявила результативність цієї роботи та її вплив на загальний результат діяльності суб'єкта господарювання [6, с. 164].

Ряд сучасних дослідників трактують правову роботу у сфері підприємництва як систему заходів щодо забезпечення прав та інтересів суб'єктів підприємницької діяльності [7, с. 30; 8, с. 15; 9, с. 20]. Достатньо обґрунтовано І.В. Головань наполягає на

необхідності ширшого використання можливостей правової роботи в економіці, що передбачає активізацію функціонування самих суб'єктів підприємницької діяльності з підвищення рівня реалізації чинного законодавства, спрямованого на захист їхніх прав і законних інтересів, необхідність застосування в процесі здійснення правової роботи заходів, що мають універсальне значення для протидії будь-яким порушенням прав суб'єктів підприємницької діяльності та для профілактики порушень [10, с. 3].

Наведений перелік точок зору на сутність правової роботи не характеризується наявністю вичерпного юридичного змісту та свідчить про відсутність однаковості та визначеності в її розумінні, що обумовлено високою складністю цього явища. Не підлягає сумніву, що поняття правової роботи охоплює не лише загальні її напрями, які стосуються будь-яких підприємств, організацій, установ, але й напрями, пов'язані зі специфікою діяльності та функціональними особливостями того чи іншого підприємства, організації, установи. Тому, на наш погляд, універсального визначення правової роботи не можна та й не слід досягати.

Отже, незважаючи на значні дослідження змісту правової роботи, напрямів та форм її здійснення будь-якими підприємствами, організаціями, установами, необхідно все ж таки визначати зміст та напрями правової роботи в кожній сфері діяльності з урахуванням її особливостей в окремих галузях економіки, соціальної сфери. Проте ще й серед цих галузей, наприклад, характер правової роботи в охороні здоров'я, культурі, освіті тощо не є тотожними. Різним є також об'єм і напрями цієї роботи в міністерствах, відомствах, господарських організаціях, установах. Навіть в організаціях і установах одного рівня характер цієї роботи неоднозначний.

В Україні спочатку в 1995 р., а потім у 2008 р. [11] Постановою Кабінету Міністрів України затверджено Загальне положення про юридичну службу міністерства, іншого органу виконавчої влади, державного підприємства, установи та організації, в якому зміст правової роботи (без змін з попереднім) окреслюється через основні завдання юридичної служби (п. 4) як роботи, спрямованої на правильне застосування, неухильне дотримання та запобігання невиконанню вимог законодавства підприємством, його керівником та працівниками під час виконання покладених на них завдань і функціональних обов'язків, а також представлення інтересів підприємства в судах. Як бачимо, у такому легальному визначенні правової роботи не врахований накопичений досвід й теоретичні розробки з багатьох питань удосконалення правової роботи в економіці в цілому, в окремих галузях промисловості. У Постанові Кабінету Міністрів України від 14.12.2001 № 1693 «Про вдосконалення організації правової роботи в міністерствах, інших центральних органах виконавчої влади» також акцент робиться далеко не на всі напрями правової роботи, а лише на забезпечення належного рівня правової роботи, якісне методичне керівництво нею та на обов'язкове погодження з юридичною службою проектів нормативно-правових актів [12].

Проте у сфері вищої освіти дуже часто не виконуються навіть і ці заходи. На жаль, у більшості ВНЗ традиційно склалося так, що юристи відіграють майже останню роль у виконанні функцій управління закладом. Однак правові знання та культура необхідні для обґрунтованого прийняття рішень та захисту прав і законних інтересів ВНЗ. Тому ректори мають усвідомити повною мірою необхідність і корисність роботи юрисконсульта у своєму колективі.

Стосовно змісту правової роботи у ВНЗ слід звернути увагу на такий її напрям, як захист результатів наукової та науково-дослідної діяльності ВНЗ, яка є одним із основних їхніх видів діяльності. Практика господарювання в Україні свідчить, що для забезпечення інтересів національних виробників функціонувати в умовах відкритого ринку й жорстокої конкуренції їм необхідно активізувати процеси залучення майнових прав та об'єктів прав інтелектуальної власності, у тому числі й ВНЗ. Разом із тим досягнення прогнозованих результатів від оформлення об'єктів прав інтелектуальної власності ВНЗ до здійснення господарської діяльності з їхнім залученням ускладнюються значними проблемами, які набувають сьогодні системного характеру.

У більшості ВНЗ, наприклад, майнові права інтелектуальної власності не введені до складу майна ВНЗ як нематеріального активу. Нерозвиненість захисту прав промислової власності, відсутність у ВНЗ фахівців з інтелектуальної власності, не закріплення в посадових інструкціях працюючих науковців ВНЗ обов'язків щодо оформлення прав на об'єкти інтелектуальної власності, які створюються в ВНЗ, не дозволяє останнім правомірно користуватися перевагами правовласника передових науково-технічних розробок, що були створені в процесі науково-дослідної діяльності закладу. В останні часи постійно зростає різноманіття й масштаби правопорушень у сфері неправомірного використання об'єктів промислової власності, що завдає непоправної шкоди правам й інтересам ВНЗ як правовласникам або правоволодільцям об'єктів промислової власності.

Отже, в умовах активізації участі ВНЗ у господарсько-інноваційних відносинах актуалізується потреба належним чином забезпечити правовим регулюванням такий напрям роботи ВНЗ, як управління у сфері інтелектуальної власності, просування на ринок та комерціалізація науково-технічних розробок ВНЗ, залучення інвестицій та розвиток співробітництва з підприємствами і науковими організаціями України та іноземних держав з використанням результатів вказаної діяльності.

На наш погляд, ефективність розв'язання накопичених проблем залежить від комплексної дії численних факторів, важливе місце серед яких посідає створення локального нормативно-правового регулювання відносин щодо залучення прав на об'єкти промислової власності ВНЗ до господарського життя. Аналіз нинішнього стану законодавчої бази свідчить, що зазначені відносини регулюються цілою низкою законодавчих актів, які між тим не забезпечують належним чином системного й узгодженого опосередкування всього різноманіття відносин у цій сфері. Тому ВНЗ мають створювати локальну правову базу, сукупність правових норм якої регулювала б відносини у промисловій власності щодо правової охорони і використання результатів інтелектуальної власності у своїй діяльності та іншими суб'єктами господарювання.

На підставі вищенаведеного вважаємо, що до змісту правової роботи ВНЗ слід ввести такий необхідний для них напрям, як локальне правове регулювання відносин промислової власності, у тому числі роз'яснення по застосуванню законодавства, розроблення проектів відповідних договорів щодо формування умов, прав і обов'язків ВНЗ (правова охорона, використання об'єктів інтелектуальної власності, розподіл прав, забезпечення конфіденційності, виплата винагороди, щодо витрат і доходів тощо), здійснення підготовки та подання документів (заявок) на об'єкти інтелектуальної власності у визначені законодавством органи для патентування в Україні та іноземних державах відповідно до національних і міжнародних процедур.

Реалізація цього напрямку правової роботи ВНЗ за допомогою всього потенціалу господарсько-правових засобів дозволить активно вплинути на процеси залучення прав промислової власності ВНЗ у сферу господарювання, конструювати моделі можливої й необхідної поведінки певних працівників та ВНЗ у цілому у сфері комерціалізації їх виключних прав, зміцнити правові основи захисту прав і охоронюваних інтересів ВНЗ на об'єкти промислової власності, що у свою чергу дозволить захистити від недобросовісної конкуренції, неправомірного одержання прав на використання об'єктів інтелектуальної власності, що належить ВНЗ, третіми особами, та несанкціоноване використання таких об'єктів.

Таким чином, з урахуванням наукових досліджень щодо змісту правової роботи, а також враховуючи активність ВНЗ як учасника господарсько-інноваційних відносин вважаємо за необхідне, по-перше, підвищити роль і значення правової роботи в діяльності ВНЗ, по-друге, з урахуванням необхідності участі ВНЗ в процесі формування інноваційно-орієнтованої економіки наповнити її зміст новим напрямом, спрямованим на правове оформлення результатів наукових досліджень та захист прав і охоронюваних інтересів ВНЗ при використанні їхніх об'єктів промислової власності у сфері господарювання іншими суб'єктами.

За таких умов пропонуємо під правовою роботою ВНЗ розуміти спільну діяльність юридичної служби (юрисконсульта) з іншими структурними підрозділами ВНЗ, адміністративно-управлінським персоналом, скеровану на забезпечення законності, дисципліни й правопорядку, використання прав й правових засобів при виконанні ВНЗ своїх цілей та основних завдань з метою неухильного дотримання та запобігання невиконанню вимог законодавства в ході діяльності ВНЗ.

До основних напрямів правової роботи ВНЗ слід віднести такі: локальна нормотворчість (положення про порядок здійснення всіх напрямів діяльності ВНЗ, накази, розпорядження тощо); договірні та претензійно-позовна діяльність; організація роботи з підвищення правової культури працівників; правове забезпечення оформлення прав інтелектуальної власності на результати науково-дослідної діяльності ВНЗ та захисту їхніх прав і законних інтересів, у тому числі при використанні об'єктів промислової власності у сфері господарювання.

Організація правової роботи у ВНЗ за всіма вищенаведеними напрямками в сукупності з іншими господарсько-правовими засобами дозволить забезпечити системність господарсько-правового регулювання діяльності сучасних ВНЗ.

Список літератури:

1. Хозяйственное право : [учебник] / [В.К. Мамутов, Г.Л. Знаменский, К.С. Хахулин и др.] ; под ред. В.К. Мамутова. – К. : Юринком Интер, 2002. 912 с.
2. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве» : от 23.12.1970, № 1025 // СП СССР. – 1971. – № 1. – Ст. 1.
3. Минц Б.И. Организация правовой работы на предприятии : [учебное пособие] / Б.И. Минц. – Свердловск : Изд-во Урал.ун-та, 1983. – 182 с.
4. Замоиский И.Е. Эффективность хозяйственно-правовой работы / И.Е. Замоиский. – Киев : Наук. думка, 1982. – 170 с.
5. Хозяйственное право : [учебник] / [Т.Е. Абова, Н.Н. Веденин, Т.М. Гандилов, З.М. Заменгоф и др.] ; под ред. В.В. Лаптев. – М. : Юрид. лит., 1983. – 527 с.
6. Знаменський Г.Л. Совершенствование хозяйственного законодательства: цель и средства / Г.Л. Знаменський. – К. : Наук. думка, 1980. – 187 с.

Вдосконалення правової роботи вищих навчальних закладів

7. Сазонов А.С. Проблемы организации правовой работы на предприятии / А.С. Сазонов. // Бизнес, менеджмент, право. – 2002. – № 1. – С. 30–35.
8. Домбровський С.Ф. Організація правової роботи та юридичного обслуговування підприємств, установ та організацій : [навчальний посібник для студентів навчальних закладів та факультетів] / С.Ф. Домбровський. – Харків : Консум, 2005. – 396 с.
9. Горевий В.І. Організація юридичної служби на підприємстві : [навчальний посібник] / В.І. Горевий. – 2-ге вид., випр. і доп. – Суми : ВТД «Університетська книга», 2008. – 319 с.
10. Правова робота у механізмі захисту прав суб'єктів підприємництва : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.04 / І.В. Головань ; НАН України. Ін-т екон.-правових дослідж. – Донецьк, 2003. – 16 с.
11. Постанова Кабінету Міністрів України «Загальне положення про юридичну службу міністерства, іншого органу виконавчої влади, державного підприємства, установи та організації» ; від 26.11.2008 № 1040 // Офіційний вісник України. – 2008. – № 93. – Ст. 3068.
12. Постанова Кабінету Міністрів України «Про вдосконалення організації правової роботи в міністерствах, інших центральних органах виконавчої влади» : від 14.12.2001 № 1693 // Офіційний вісник України. – 2002. – № 51. – Ст. 2298.

Каралкіна Т. В. Усовершенствование правовой работы высших учебных заведений / Т.В. Каралкіна // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Юридические науки. – 2014. – Т. 27 (66), № 4. – С. 3-8.

Исследованы особенности правовой работы вузов, которая является необходимым хозяйственно-правовым средством регулирования их деятельности в современных условиях. Предлагается наполнить содержание правовой работы в этих заведениях такими направлениями, как организация работы по повышению правовой культуры работников и правовое обеспечение оформления прав интеллектуальной собственности на результаты научно-исследовательской деятельности вузов.

Ключевые слова: правовая работа, хозяйственно-правовое средство, высшие учебные заведения, юрисконсульт, локальное нормотворчество, научно-исследовательская деятельность, защита прав интеллектуальной собственности, правовая культура работников.

THE IMPROVEMENT OF LEGAL WORK OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

*Karalkina T. V.
East Ukrainian National University named after Volodymyr Dal,
Lugansk, Ukraine*

The peculiarities of the legal work of the higher educational institutions (further – universities), which is a necessary economic and legal means of regulation of their activity in modern conditions. Offered to the contents of the legal work of the universities to introduce such a need for them, as the local legal regulation of relations of industrial property, including clarifications on the application of legislation, drafting relevant agreements forming conditions, rights and obligations of the universities (legal protection, the use of objects of intellectual property rights, distribution rights, ensure privacy, remuneration, expenses and income, and so on), the implementation of the preparation and filing of documents (applications) on intellectual property law in certain organs for patenting in Ukraine and foreign States in accordance with national and international procedures. Given the activity of the universities as a participant in a business-innovation relationship we believe it is necessary, first, to increase the role and value of legal work in the activities of the universities, and secondly, taking into account the need for participation of universities in the process of formation of an innovation-based economy to fill its content with the new direction aimed at the legalization of the results of scientific research and protection of the rights and legitimate interests of the universities in the use of industrial property objects in the field of management with other entities.

Under such conditions proposed under the legal work of the universities to understand the joint activities of legal services (legal counsel) with other structural units of the universities, administrative staff, aimed at ensuring the rule of law, discipline and order, rights and legal means of execution universities, their objectives and main tasks of the order of strict observance and prevent breaches the requirements of the legislation in the course of a university activity. As to the main areas of legal work of the university include the following: local rulemaking (the regulations on the procedure for implementation of all activities of the university, orders, decrees, and so on); contractual and claim-related activities; organization of work on improving the legal culture of employees; legal support of registration of intellectual property rights on the results of research activities of universities and protection of their rights and legitimate interests including when using industrial property objects in the field of management.

Key words: legal work, economic-legal means, higher educational institutions, legal adviser, local norm-setting, scientific-research activities, protection of intellectual property rights, legal culture workers.

ПРАВО В ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Кащенко С. Г., Таран П. Е.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

В статье рассматривается возникновение и становление еврейского права, его основные источники и некоторые его нормативные предписания. Показано, что правовые нормы Торы были сформулированы и существовали независимо от еврейского государства задолго до его появления, что в этом состоит существенное отличие еврейского права от права подавляющего большинства других стран, в которых закреплен приоритет государства перед правом.

Ключевые слова: еврейское право, Библия, Ветхий завет, Танах, Тора, Пятикнижие, Яхве, Авраам, Моисей, Израиль, Иудея, Саул, Давид, Соломон.

Иудаизм тесно связан с историей семитских народов и еврейского народа. В соответствии с Библией, родоначальником еврейского народа был Авраам – потомок Сима, первого сына Ноя [1, 10:1; 11:10–27]. Семья последнего, как повествует библейская традиция, была единственной человеческой общиной, уцелевшей после всемирного потопа [1, 6:17–18].

Авраам из Ура халдейского со своей семьей совершил длительный переход из Южного Междуречья в Ханаан [1, гл. 12]. По пути в него в Харане, находившемся в Северной Месопотамии, Авраам заключил завет с Богом в обмен на его обещание отдать ему Ханаан и обеспечить многочисленное потомство. Произошло это предположительно в XX в. до н. э. [1, 13:14–17].

Тогда же Бог известил Авраама о том, что его потомки будут рабами «в земле не своей» на протяжении 400 лет. Это предсказание исполнилось во время пребывания колен израилевых в Египте (предположительно, в XIII в. до н. э.). После этого избранник Бога Моисей вывел «бней Исраэль» (сыновей Израиля) из египетского рабства и после сорокалетнего скитания по Синайской пустыне снова привел их в Ханаан.

Моисей подтвердил завет Авраама с Богом, что нашло свое выражение в десяти заповедях и законодательных положениях Торы, дарованных согласно Танаху Моисею на Синайской горе [2, 19:3–25]. Десять заповедей обязывали евреев соблюдать весьма простые и доходчивые правовые и морально-этические нормы.

С образованием объединенного Израильско-Иудейского царства при Давиде в 1004 г. до н. э. Ковчег завета был перенесен в Иерусалим, а в 945 г. до н. э. Сыном Давида Соломоном (965–928 гг. до н. э.) в святом городе были возведены царский дворец и храм в честь бога. Храм обслуживался сословием священников (коханим) и их помощников (левитов) [3, с. 137–138].

Вскоре древнееврейское государство разделилось на две самостоятельные части – Израиль и Иудею. Израильское государство было уничтожено в 722 г. до н. э. Ассирией, Иудейское – в 597–586 гг. до н. э. Вавилонией. Большая часть евреев была переселена Навуходоносором II из Иудеи в Вавилон. Персидский правитель Кир, который в 538 г. до н. э. разгромил Вавилонию, позволил евреям вернуться в Иудею, восстановить иерусалимский храм и город, создать храмовую общину и жить по своим законам [4, с. 106].

Исторические и лингвистические исследования Ветхого завета показывают, что законодательство Пятикнижия в дошедшей до нас форме не было обнародовано в Синайской пустыне до вступления евреев в Палестину, что свою окончательную обработку оно получило спустя некоторое время после завоевания Иерусалима Навуходоносором II в 586 г. до н. э. Следовательно, законодательная часть Торы в ее нынешнем виде принадлежит к позднему периоду еврейской истории. Законы эти были изданы и обнародованы незадолго до конца еврейской национальной независимости, а также во время пленения и сразу после него [5, с. 413].

В общей массе законов, составляющих значительную часть Торы, различаются три составные части или отдельные сборники предписаний нормативного характера – Книга завета, Второзаконие и Жреческий кодекс [5, с. 415].

Книга завета входит в состав Исхода (20–23). Она отражает эпоху царей и судей. Общественная структура по этому законодательному памятнику крайне проста. Основа жизни – земледелие. Скот и продукты земледелия были единственными элементами богатства. Они являлись исключительными объектами права собственности. Основными началами гражданского и уголовного права были возмездие и денежная компенсация. Убийство влекло за собой кровную месть, но невинный человек, обвиненный в убийстве, мог искать убежище у божественного алтаря.

В одном ряду с убийством стояли похищения людей, преступления против родителей и колдовство. Другие преступления наказывались путем самосуда или по заявлению потерпевшего дело кончалось примирением сторон в святилище. Личные обиды, как и убийство, подпадали под закон талиона – удар за удар.

Второзаконие включало в себя наибольшую часть нынешней книги «Второзаконие», за исключением исторического введения и заключительных глав. Дж. Фрезер об этом сборнике написал так: «Этот сборник есть, по существу, та самая Книга заветов, которая была найдена в Иерусалимском храме в 621 г. до н. э. и принята царем Иосией в качестве основы религиозной реформы. Последняя состояла, во-первых, в упразднении по всей стране святилищ или так называемых, и во-вторых – в сосредоточении культа Яхве исключительно в Иерусалимском храме... Это был первый случай в истории Израиля, когда писанный Кодекс был опубликован правительством в качестве собрания руководящих норм, регулирующих жизнь народа. До сих пор страна не знала писанного закона, существовало лишь обычное право, авторитет которого поддерживался уважением к общественному мнению и силой привычки; его происхождение объяснялось ссылками на предания или вовсе терялось в глубине веков» [5, с. 416–417].

Этот сборник был обнародован в 18-й год правления Иосии (621 г. до н. э.). Новое законодательство было объявлено восходящим к глубокой древности и основанным

на божественных предписаниях. На основании новых законов принимались жесткие меры по централизации культа Яхве вплоть до физического уничтожения жрецов иных культов [5, с. 418].

В вавилонском плену среди еврейского духовенства образовалась группа «книжников», которая занималась обработкой и систематизацией привезенных из Иудеи религиозных, правовых и других источников.

Особенно активизировалась эта работа после возвращения евреев в Иерусалим. Был разработан так называемый Жреческий кодекс, основная часть которого вошла в ветхозаветные книги Левит и Числа [4, с. 107].

В Пятикнижии наряду с правовыми, имеются чисто религиозные нормы, совпадающие с первыми по содержанию своих предписаний. И заповеди, и ветхозаветные правовые нормы запрещают убивать, воровать, прелюбодействовать, верить в других богов и так далее.

Но если нарушение религиозных норм согласно Библии влечет только божественную кару, то в соответствующих им правовых нормах предусматривается земная санкция, которая применялась по решению суда.

К середине V века до н. э. Редакция Торы была завершена. Содержавшиеся в ней нормы были правовыми, так как их применение и соблюдение обеспечивалось государственным принуждением. Включение же их в состав священных книг объяснялось тем, что еврейском государстве того времени светских школ не существовало и право могло сформироваться и развиваться только в религиозной оболочке [4, с. 107].

Ветхозаветное и основанное на нем талмудическое право иногда объединяют под названием «Еврейское право». Правoverные евреи считают, что Тора, являющаяся основным источником еврейского права, имеет божественное происхождение. Бог Яхве продиктовал свои заповеди, свои законы, а Моисей их записал. Так получилась письменная Тора. Кроме того, Бог давал устные пояснения, которые от Моисея передавались из поколения в поколение и впоследствии также были записаны и вошли в Талмуд.

История еврейского народа делится на два периода – догосударственный и государственный. В догосударственный период высшей социальной единицей древнееврейского общества было колено – племя [7, 7:16]. Социальные связи имели характер кровнородственных, межличностных отношений. Собственность на землю была коллективной, общинной. Владельцем земли являлось колено [7, 7:16].

Общая политическая власть в этот период у древних евреев отсутствовала. Управление осуществлялось через институты временных военных вождей и старейшин. Старейшины, как и вожди, избирались всеми членами колена. В случае любых ситуаций отдельные племена, а то и весь племенной союз добровольно подчинялись избранному ими избавителю – «судье», который обладал божественной благодатью.

В это время отсутствовал институт строгой последовательной власти, богатые и бедные внутри колена пользовались значительным равноправием, проявлявшимся прежде всего в равном участии в выборах власти. Жизненные проблемы и коллизии, имущественные споры и другие социальные конфликты решались в соответствии с законами Торы, которые были записаны еще в начале истории еврейского народа.

Процесс объединения древнееврейских колен в единое государство под властью единого правителя затянулся на долгие времена. Евреи не считали его царственностью

элементом акта божественного творения, постоянно подчеркивая длительность догосударственного периода в истории Израиля: «В те дни не было царя у Израиля» [8, 21:25].

Государство в древнееврейской литературе представлялось как явление, возникающее по воле, инициативе и желанию самих людей, их руководителей и лидеров. Древние евреи никогда не считали своих правителей богами, никогда не утверждали, что они не простые смертные, а сверхъестественные существа. В Торе не встретишь утверждение по формуле «царь = бог» и нигде нет даже намека на богорожденность древнееврейских царей. «Из среды братьев твоих» – такова природа еврейских правителей.

Пятикнижие содержит в себе статьи и ограничения о положении и поведении царя в обществе:

1) он должен быть прирожденным евреем: «Поставь над собою царя из среды братьев твоих; не можешь поставить иноземца, который не брат тебе» [9, 17:15];

2) не должен накапливать в своих руках большое количество коней, золота, серебра, обзаводиться большим гаремом: «Только чтоб он не умножал себе коней, ... жен, ... серебра и золота чрезмерно» [9, 17:16–17].

3) он обязан не нарушать право собственности, относиться к своим подданным как к братьям и сестрам, руководствоваться учением и законами: «Чтоб старался исполнять все слова и постановления сии» [9, 17:19].

4) правитель, избранный на престол, должен все эти законы-ограничения досконально изучить: «Но, когда он сядет на престол царства своего, должен списать для себя список закона сего с книги, находящейся у священников-левитов, и пусть он будет у него, и пусть он читает его все дни жизни своей» [9, 17:18–19].

Следовательно, власть израильских правителей была ограничена наличием документов о ее пределах. В основании этих ограничений лежал договор, который вновь избранный царь согласно традиции при вступлении на престол должен был заключать с народом и по которому он обязывался исполнять все законы, определяющие пределы его власти: «И заключил Иодай завет между господом и между царем и народом» [10, 11:17].

Самым главным ограничением власти правителя в Израиле был принцип, согласно которому истинным и единственным царем всех израильтян был Яхве, а потому цари, как и все другие институты власти в Израиле, были лишь органами, слугами Яхве, его заместителями на земле обетованной. В силу этого принципа цари не могли произвольно ни вносить в законы новых статей, ни изменять старые в свою пользу.

В Танахе есть перечень и описание главных функций иудейско-израильских царей, которые возлагались на них всем народом в момент заключения с ними договора. Речь идет об известном описании воцарения Давида, неотъемлемым элементом которого было заключение договора от имени всего народа израильскими старейшинами, с одной стороны, и Давидом, с другой: «И пришли все колена Израилевы к Давиду в Хеврон и сказали: «Вот мы, кости твои и плоть твоя, еще вчера и третьего дня, когда еще Саул царствовал над нами, ты выводил и вводил народ Израиля; и сказал Господь тебе: Ты будешь пасти народ Израиля и ты будешь вождем Израиля». И пришли все старейшины Израиля к царю в Хеврон, и заключил с ними царь Давид завет в Хевроне перед Господом, и помазали Давида в царя над всем Израилем» [11, 5:1–3].

В этом договоре перечислялись те обязанности, которые по договору брал на себя Давид, а вслед за ним и другие иудейско-израильские цари. К числу этих обязанностей относились следующие функции правителя:

- 1) быть вождем, военачальником, защитником;
- 2) быть пастырем, пастухом, кормильцем народа Израиля.

В библии повествуется о создании первыми израильскими царями регулярной армии [12, 13:2, 14:52], о принципах ее организации и управления, об ее вооружении [8, 20:16], о создании государственной мобилизационной системы учета и призыва к службе израильтян [11, 24:1–17], об укреплении пограничных районов путем строительства крепостных сооружений с многочисленными гарнизонами.

Тора предписывала евреям соблюдать ряд правил в войнах с другими народами. В начале войны необходимо было предложить им мирное соглашение на условии сохранения жизни врагам взамен их территории.

Если такое условие ими принималось, следовало обложить их налогами: «Когда подойдешь к городу, чтобы завоевать его, предложи ему мир. Если он согласится на мир с тобой и отворит тебе ворота, то весь народ, который найдется в нем, будет платить тебе дань и служить тебе» [9, 20:10–11].

Если они не согласны на мир, то «осади его и порази в нем весь мужской пол острием меча, только жен и детей, и скот, и все, что в городе, всю добычу его возьми себе» [9, 20:12, 14].

Разбивая военный лагерь, необходимо было подготовить место, в которое следует ходить по нужде: «Место должно быть у тебя вне стана, куда бы тебе выходить» [9, 23:12].

Кроме того, у каждого воина в военном лагере наряду с оружием должна была быть подвешена лопатка, чтобы он мог вырыть ямку в специально отведенном месте, вне лагеря, и «опять зарой (ею) испражнение твое» [9, 23:13].

Одновременно библейские книги подчеркивают положительность и высочайшую ценность именно мирных дней и годов в жизни еврейского народа: ведь в функции государства входит не только защита подданных правителя, но также его забота о пропитании населения, строительстве домов, благоустройстве территории, организации и управлении мирной жизнью.

Таким образом, правовые нормы Торы были сформулированы и существовали независимо от еврейского государства задолго до его появления у евреев, до первых их царей – Саула, Давида и Соломона, а потому по Торе право и закон – первичны; власть же, государство – вторичны.

Это объясняет, почему, когда те или иные древние народы лишались государственности, их правовые системы постоянно теряли свою силу и исчезали, тогда как еврейское право продолжало существовать и развиваться как право самобытности, независимое даже после того, как еврейская государственность перестала существовать.

Это объясняет и то, почему, находясь большую часть своей истории под юрисдикцией нееврейской государственности, евреи сохраняли свое право вплоть до настоящего времени.

Согласно иудаизму, право и закон, чтобы быть справедливыми, должны иметь божественное происхождение, должны быть от Бога. В силу этого право и закон –

первичны, а государство и власть – вторичны. В этом состоит существенное отличие еврейского права от права подавляющего большинства других стран, в которых закреплён приоритет государства перед правом.

Список литературы:

1. Библия, Бытие [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://jesuschrist.ru/bible/5#.VN3V7-asWCK>.
2. Библия, Исход [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://otveti.org/tolkovanie-biblii/ishod>.
3. Основы религиоведения / под ред. И.Н. Яблокова. – Москва : Высшая школа, 2002. – 346 с.
4. Ключков В.В. Религия, государство, право / В.В. Ключков. – Москва : Мысль, 1978. – 443 с.
5. Фрезер Дж. Фольклор в Ветхом завете / Дж. Фрезер. – Москва : Политиздат, 1989. – 291 с.
6. Грубарг М.Д. Основные элементы учения иудаизма о государстве и праве // Государство и право. – 2002. – № 5. – С. 86–99.
7. Библия, Книга Иисуса Навина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://otveti.org/tolkovanie-biblii/iisus-navin>.
8. Библия, Книга судей израилевых [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://antimatrix.org/Convert/Books/Bible/Ru/Old/sud.htm>.
9. Библия, Второзаконие [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://antimatrix.org/Convert/Books/Bible/Ru/Old/vtorozakonie.htm>.
10. Библия, Четвертая книга царств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://antimatrix.org/Convert/Books/Bible/Ru/Old/4car.htm>.
11. Библия, Вторая книга царств [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://antimatrix.org/Convert/Books/Bible/Ru/Old/4car.htm>.
12. Библия, Первая книга царств [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://antimatrix.org/Convert/Books/Bible/Ru/Old/4car.htm>.

Кашенко С. Г., Таран П. Е. Право в давньоєврейській державі / С. Г. Кашенко, П. Е. Таран // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія: Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66), № 4. – С. 9-14.

У статті розглядається виникнення і становлення єврейського права, його основні джерела і деякі його нормативні приписи. Показано, що правові норми Тори були сформульовані й існували незалежно від єврейської держави, задовго до його появи, що в цьому полягає суттєва відмінність єврейського права від права переважної більшості інших країн, в яких закріплений пріоритет держави перед правом.

Ключові слова: єврейське право, Біблія, Старий Заповіт, Танах, Тора, П'ятикнижжя, Яхве, Авраам, Мойсей, Ізраїль, Іудея, Саул, Давид, Соломон.

LAW IN ANCIENT HEBREW STATE

***Kashchenko S. G., Taran P. E.
Taurida National University named after V. I. Vernadsky,
Simferopol***

The present article reviews origin and establishment of the Jewish law, its main sources and some of its regulatory directives. It is shown that legal provisions of the Torah were formed and existed independently from the Jewish state, far before its origin, which forms the main difference of the Jewish law from laws of majority of other countries, where priority of the state is assigned before the law.

Key words: Hebrew law, Bible, Old Testament, Tanakh, Torah, Pentateuch, Yahweh, Abraham, Moses, Israel, Judea, Saul, David, Solomon.

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОСТИ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ В СРАВНЕНИИ С ОСЕДЛЫМИ НАРОДАМИ

Кошман В. А.

*Таврический университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

В статье анализируются проблемные вопросы, которые возникают при сравнении кочевых государственных образований с земледельческими. Проводится сравнение с государствами Древней Месопотамии и Латинской Америки доколумбовой эпохи.

Ключевые слова: кочевые народы, государственность, Мезоамерика, Древняя Месопотамия.

В свете разработки данного вопроса такими политологами и антропологами, как А.М. Хазанов, Т. Барфилд, Д. Снэт, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынниковой возникает ряд проблем при характеристике политических образований кочевников.

В истории государства и права же вопросу государственности кочевых народов как специфическому виду догосударственных и государственных образований уделялось незначительное внимание. Необходимость восполнения данного пробела и обуславливает актуальность данного исследования.

Целью работы является проведение сравнения ранних государственных образований кочевых народов с аналогами среди наиболее ранних форм земледельческих государств и выявление общих признаков, присущих этим государствам.

Поскольку государственные институты оседлых народов к моменту появления кочевников прошли значительный путь развития, то сравнение значительно позже образованных государств кочевников с одновременно существовавшими земледельческими является неверным.

Кочевники хоть и создавали свои высокоорганизованные политии (вроде кочевых империй), однако они не копировали государственные институты у оседлых народов, а формировали их самостоятельно. За исключением случаев, когда кочевники инкорпорировались в систему существующего государства (например, Тоба-Вэй и империя Ляо Киданей).

Как нам видится, наиболее оправданным является сравнение с первыми земледельческими государствами, которые впервые в истории своего региона проходили путь трансформации старой родоплеменной иерархии и выработки новой, которая заложила основные направления формирования государственности для многих последующих государств. В данном случае необходимо вести речь о шумерских городах-государствах и Эламе, классическом периоде культуры майя и постклассическом периоде тольтеко-майя, а также ацтеков и сапотеков. Такой выбор для сравнения обосновывает-

ся тем, что выработка управляющей надстройки развития полития от временных форм, зависящих от лидера – вождества, к созданию стабильной общественной надстройки, обладающей высшим суверенитетом над всеми остальными и имеющей преемственность власти, то есть данная структура выделяется и трансформирует существующую родоплеменную, что и происходило в вышеуказанных обществах.

Центральной проблемой, которая является камнем преткновения по классификации кочевых политий как государства, является то, что при существовании надстройки основная часть кочевого населения сохраняла действующую родоплеменную иерархию и не поддавалась постоянной эксплуатации со стороны сформированной надстройки управления. Рассматривая концепции различных авторов (А.М. Хазанова, Т. Барфилда, Н.Н. Крадина) [1; 2], можно прийти к заключению, что основной формой эксплуатации в так называемых «кочевых империях» были даннические взаимоотношения с оседлым населением или подчиненными объединениями кочевников. Что характеризуется указанными выше авторами как «ксенократические политии». Можно сделать вывод, что основной формой эксплуатации было подчинение иных народов, прежде всего земледельческих. Если вопрос о формах эксплуатации оседлого населения в форме «подарков» и неравноценной торговли, что было фактически данью, не вызывает существенных разногласий у различных авторов, то ответ на вопрос об эксплуатации остального кочевого населения правящим племенем дается отрицательный.

В тоже время на примере Монгольской империи Т.Д. Скрынникова, делает вывод, что не только сами монголы, но и подчинённые народы основывались на военной иерархии (система туменов) [2, с. 512–522]. Поскольку основной формой дохода политической надстройки кочевой империи была дань, то можно предположить, что основной и, главное, регулярной формой эксплуатации была обязанность членов доминирующего кочевого объединения участвовать в военных походах на подчиненные народы. Подобная форма эксплуатации принималась советскими авторами за феодальные отношения, что, по нашему мнению, является неверным, поскольку кочевые народы никогда не имели основы для создания феодальных отношений. Однако, поскольку рядовые кочевники несли военную обязанность, это позволяет сделать вывод, что именно такая форма эксплуатации и была характерной для развитых кочевых политий и имела регулярный характер, что можно рассматривать как воинскую повинность. Тем самым они обеспечивали основой доход политической надстройки кочевой империи.

Одним из важных источников доходов кочевых политий, в частности Монгольской империи и политии скифов, была международная торговля с земледельческими обществами. Так, монголы впервые объединили в мир-систему пространство между Китаем и Европой включительно, обеспечив бесперебойную работу караванов. А скифы поставляли многочисленных рабов и иные товары, которые пользовались спросом на обоих побережьях Эгейского моря. Пример такого оседлого государства, как островная империя Маджпапахит в юго-восточной Азии, которая жила на основе получения необходимого прибавочного продукта за счет контроля путей международной торговли, подтверждает тот факт, что интенсивная международная торговля выступала существенным фактором образования государства.

В.И. Гуляев и А.Н. Веретенников приводят свидетельства того, что первые города-государства выросли из объединения нескольких крупных сельских поселений, имевших в своей основе родоплеменную иерархию, как объединения вокруг общих культовых центров, которые, несмотря на внушительное население, первоначально были незначительно заселены [3; 4].

Также первоначальный рост населения городов-государств был связан с процессом урбанизации и перехода жителей сел и деревень в первоначально единый культовый центр, который затем становился городом государством, сохраняя при этом атрибуты родоплеменной структуры и неустойчивой надстройки политической, характерной для вождеств.

По мнению Ю.Е. Березкина, инкское общество находилось где-то на пороге перехода от общинно-родственной формы определения социальных связей к сословно-классовой [5]. Правящая группа в нем являлась одновременно кастой и этносом. В индейских догосударственных обществах внутри- и межобщинные отношения находят свое самое яркое выражение (и тем самым закрепляются как должные, утвержденные волею божественных предков) во время так называемых переходных обрядов: посвячительных и поминальных. У инков такие обряды были переосмыслены и использованы для закрепления уже не половозрастных или этнических, а социально-кастовых различий. Инки превратили почитание мумифицированных останков своих вождей, а позже императоров, в государственный культ. Столичная аристократия представляла собой лишь небольшую часть привилегированного слоя империи, в основном состоявшего из провинциальных вождей и старейшин. Степень знатности определялась местом человека в общинно-родовой структуре того или иного этноса.

Также согласно анализу ряда отечественных авторов в протописьменный и раннединастический периоды в структуре управления города-государства повторялось устройство крупной племенной общины, для которой были характерны родоплеменная иерархия и ряд специфических органов, вроде совета старейшин и временно выбираемого вождя [6]. И только в процессе развития и появления Державы Саргона Аккадского вводится ряд нововведений, при которых иерархия покоренных городов-государств окончательно теряет свое значение, замещается вместо системы дворцового и храмового хозяйства во главе с лугалем и энси системой наместников. Стоит отметить, что первоначально лица, имевшие титул лугаля, были временными вождями, которые выполняли функции военачальников.

Полагаем, что мнение о признании в качестве необходимого признака государства наличие письменности со стороны представителей интегративного подхода в политической антропологии является неверным. Так, высокоразвитая иерархия Инкской империи приводит убедительный пример существования государства без применения письменности, несмотря на наличие так называемого «кипу» – узелковой системы счета.

Вопрос об отсутствии у кочевников одного из признаков государства, в частности монополии на применение насилия исключительно государственным аппаратом, является одним из спорных. Данный признак государства является обязательным в теории государства и права, однако в условиях ранних государств при сохранении ро-

дового строя закреплялось право главы рода или старейшин на санкционированное применение насилия. Подобные институты сохранялись в существовавших длительное время государствах, например в Древнем Китае. Известно право отца на распоряжение жизнью и применение насилия в отношении своих детей и членов рода, вплоть до убийства. Несомненно, подобные древние традиции санкционировались государством, однако их наличие в столь развитых (на тот момент) государствах позволяет выдвинуть гипотезу об отсутствии монополии на применение насилия исключительно представителями власти в ряде ранних государств, в которых сохранялись еще старые традиции, таких как вышеупомянутые города-государства постклассического периода майя и иных. Фактическое признание ранними государствами и внешняя легитимация применения подобного насилия свидетельствует о том, что государство (особенно в условиях отсутствия письменности) всего лишь принимало как данное такие традиции и не препятствовало их осуществлению. В процессе развития земледельческих государств подобная монополия устанавливалась. Доказательством того, что монополия власти на применение насилия не является обязательным признаком наиболее ранних государств есть и тот факт, что в ряде вождеств (например, у североамериканских нагезов) такой признак присутствовал.

Поскольку условия жизни кочевых народов не позволяли провести в жизнь полноценную монополию на применение насилия, однако, учитывая построение политики на основе военной иерархии, позволяет предположить, что монополия на применение насилия действовала в сфере военного дела (в случае совершения военных преступлений). На это указывает С.А. Васютин в статье «Типология потестарных и политических систем кочевников»: «У номадов чиновничий аппарат возникал и осуществлял свою деятельность, как правило, только в военной и судебной сферах (для большинства кочевых народов характерна жестокость наказаний, как правило, любые нарушения военной дисциплины карались смертью)» [1, с. 63–71].

Поэтому на основе вышеизложенного можно сделать вывод, что с учетом особенностей кочевого хозяйства кочевники в развитии своей политической организации прошли такой же путь, как и наиболее ранние земледельческие государства Старого и Нового Света. Стоит отметить, что сходным является и то что, ксенократическими политиями можно назвать многие земледельческие государства, например Ацтекское государство, поскольку процветание столь крупных политических надстроек возможно исключительно за счёт экстенсивного получения прибавочного продукта в виде даннических отношений с условным подчинением гегемону других политий и передачи дани ему.

Изучение государственных образований Нового Света позволяет решить проблему о сохранении родоплеменной структуры у кочевых народов, а также показать, что это образование классов, как это происходило в итоге развития государственности оседлых народов, а кочевые народы так никогда и не смогли пересечь черту превращения раннего государства в последующие формы государственного устройства. Однако они не были единственными, кто столкнулся с подобной проблемой. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении государств доколумбовой эпохи Латинской Америки. По нашему мнению, препоной являлось отсутствие качественных изменений в способах извлечения прибавочного продукта через земледелие и скотоводство.

Таким образом, считаем необходимым говорить об аналогии структурной сложности и признаков между кочевыми империями и государствами доколумбовой эпохи Латинской Америки, а также с шумерскими городами в протописьменный и частично в раннединастический периоды, что позволяет предположить о наличии наиболее ранних форм государства у кочевых народов Евразийской степи, вроде скифов, монголов и иных в определенные этапы функционирования этих политий. Об этом свидетельствует общность признаков с признанными ранними формами государства при отсутствии ряда необязательных признаков, которые выделяют современные ученые-государствоведы.

Список литературы:

1. Кочевая альтернатива социальной эволюции : сборник статей / под. ред. Н.Н. Крадин, Д.М. Бондаренко. – М. : ПМЛ Института Африки РАН, 2002 – 187 с.
2. Раннее государство, его альтернативы и аналогии : сборник статей / под. ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Кортаева. – Волгоград : Учитель, 2006. – 560 с.
3. Гуляев В.И. Города-государства майя (структура и функции города в раннеклассовом обществе) / В.И. Гуляев. – М. : Наука, 1979. – 304 с.
4. Веретенников А.М. Города майя и ацтеков / А.М. Веретенников. – М. : Вече, 2003. – 208 с.
5. Берёзкин Ю.Е. Инки. Исторический опыт империи / Ю.Е. Березкин. – Ленинград : Издательство «Наука», 1991. – 234 с.
6. История Древнего Востока: зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации : в 2 ч. / под ред. И.М. Дьяконова. – М. : Наука, 1983– . – Ч. 1 : Месопотамия. – 1983. – 534 с.
7. Дьяконов И.М. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней / И.М. Дьяконов. – Изд. 2-е, испр. – М. : КомКнига, 2007. – 384 с.

Кошман В. О. До питання про державність кочових народів у порівнянні з осілими / В. О. Кошман // Вчені записки Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського. Серія: Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 15-19.

У статті аналізуються проблемні питання, які виникають під час порівняння кочових державних утворень з осілими. Проводиться порівняння з державами Стародавньої Месопотамії та Латинської Америки доколумбової епохи.

Ключові слова: кочові народи, державність, Мезоамерика, Давня Месопотамія.

ABOUT QUESTION OF NOMADIC STATEHOOD IN COMPARISON WITH SETTLED

*Koshman V. A.
Taurida National University named after V.I. Vernadsky,
Simferopol*

Author analyzes problem questions of comparison between nomadic and agricultural states. Nomadic states compare with states of the Ancient Mesopotamia and Latin America of pre-Columbian epoch.

Key words: nomads, statehood, Mesoamerica, Ancient Mesopotamia.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Юридические науки». Том 27 (66). 2014. № 4. С. 20-27.

УДК 344.3/.462(470+571) «16/19»

ЛИКВИДАЦИЯ ГЕТМАНСКОЙ СИСТЕМЫ ВОЕННОГО ПРАВОСУДИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННЫХ СУДОВ В РОССИИ В XVIII В.

Курабцева А. П.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

Публикация посвящена проблеме изучения процесса ликвидации существовавшей в Гетманщине системы военного правосудия и введения вместо нее специализированных судебных учреждений Российской империи. Указаны основные виды и типы действовавших в этот период военных судов, их правовая база, особенности ее разработки, использования, эволюции. Дан анализ Устава Воинского, принятого Петром I в 1716 г.

Ключевые слова: военные суды, гетманщина, правосудие.

Необходимость поддержания в вооруженных силах жесткой дисциплины не только общеизвестна, но и воспринималось как необходимый элемент армии еще в древнейшие времена. Опыт создания различных специальных судов имеет очень древнюю историю. Так, известно, что военные суды существовали уже в Афинах и Риме. Именно в римском праве выработался принцип, в силу которого военному суду подсудны не только воинские, но и все преступления, совершаемые солдатами. Данный принцип сохранялся долгое время в европейских странах, за исключением Англии, где военному суду согласно общему правилу подведомственны только преступления специально военные.

Однако в средневековье этот институт оказался практически утраченным. Основной причиной этого стало то, что армии средневековой Европы были не многочисленны, а основную их ударную силу составляли рыцари – и так связанные узами вассалитета со своим сюзереном. Эта система в том или ином виде долгое время сохранялась как в Великом княжестве Литовском, так и в Речи Посполитой, которая не имела значительной постоянной армии, а опиралась лишь на вооруженные силы магнатов и шляхты.

Зарождение и развитие армии нового образца, опиравшейся исключительно на профессиональных офицеров, системный набор основного состава из населения страны, со строгой дисциплиной и первыми попытками регулирования правовых отношений на основе специальных документов (уставов) произошло в Швеции – одной из сильнейших европейских держав XVII – начала XVIII вв. В дальнейшем же именно шведский опыт был использован Петром I как при построении самой армии, так и ее судебной системы.

Обращаясь к истории военных судов на территории Украины, следует указать, что наиболее известными из них являются суды запорожского и реестрового казачества.

Все они зародились на основе обычного права, используя традиции, многолетний боевой опыт как самого казачества, так и его союзников, а также противников. При этом история и принципы создания, правовые основы деятельности, структура и устройство как судебной системы гетманщины в целом, так и военных судов казачества на сегодняшний день изучены достаточно полно и представлены трудами таких ученых, как Д. Багалий, А. Биркович, А. Гуржий, А. Денський, И. Джиджора, А. Лазаревский, Р. Лащенко, В. Липинський, Я. Падох, А. Пашук, Н. Сизая, М. Слабченко и многими другими [1–16]. Как известно, войсковые суды украинского казачества получили свое официальное признание и закрепление в многочисленных грамотах и прочих документах, начиная от даруемых польскими королями, в том числе при создании реестрового казачества, так и при вооруженной борьбе украинского народа за свои права (Ординация войска Запорожского реестрового 1638 г., Зборовский мирный договор 1649 г., Белоцерковский мирный договор 1651 г.).

При этом одним из важнейших результатов освободительной войны стало и то, что принятая в казачестве судебная система была распространена на всю контролируемую ими территорию – Гетманщину. Это, безусловно, не отменяло деятельность других форм суда (церковные, магистратские, копные и так далее), но в дальнейшем сотенным и полковым казацким судам стали подсудны не только собственно казаки, но и значительная часть местного гражданского населения. Этим самым они утратили свою узкую специализированную направленность.

Важнейшим же документом, закрепившим автономность деятельности украинской военной судебной системы в новом историческом периоде, стала «Жалованная грамота Гетману Богдану Хмельницкому и всему войску Запорожскому на принятие их в Российское подданство; с подтверждением прав и вольностей, дарованных им от Королей Польских и Великих Князей Литовских, на основании статей, вновь постановленных 12 марта в Москве, с посланцами их Самойлом Богдановым и Павлом Тетерею» от 27 марта 1654 г. (№119) [17, с. 322].

В ней, в частности, читаем: «Велети прежние их права и вольности войсковые, как издавна бывали при Великих Князях Русских и при Королях Польских, что суживались и вольности свои имели в добра и в судах, и чтоб в те их войсковые суды никто не вступался, но от своих бы старшин судились, подтвердить и прежних бы их прав <...> и судитись им велели от своих старшин по своим прежним правам...» [17, с. 326].

При этом широкое самоуправление и сохранение прежних прав и привилегий, в том числе и судебных, обещано и прочим категориям населения и даже городам. Так, 16 июля 1654 г. была издана «Жалованная грамота городу Киеву, в следствие просительного листа государю царю Алексею Михайловичу от Запорожского Гетмана Богдана Хмельницкого. – О подтверждении оному городу прежних прав и вольностей» (№ 133). Царь обещал «утвердить при всех тех судах и вольностях права Магдебургского оставить, как и сперва за Короля Польского мели» [17, с. 342].

В приложении к первому тому Полного собрания законов Российской империи находится «Список с листа, что писал к Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея России Богдан Хмельницкий Гетман войска Запорожского с Переяславскими мещаны в нынешнем 1652 году Марта в 13 день». Не обращаясь к сути вопроса об идентичности данного документа, укажем, что в нем под п. 2 находим:

«В которых бы больших городах будут Государевы Воеводы, и в вех городах для судов были б урядники их казацкие, и судиться в им Шляхте и казакам и мещанам по своим правам; а Государевым бы Воеводам их не судить; а буде кому суд их казацкий будет нелюб, а похочет дело свое перенести к Государеву Воеводу, и в то время Государев Воевода меж ими раправу учинить, по своему рассмотрению» [17, с. 4]. Пункт 14 этого же документа предусматривал наличие царских воевод лишь в Киеве и Чернигове [17, с. 5]. Именно с этого, собственно, и начался процесс размещения в Украине российских войск, а вместе с тем и знакомство с судебной системой российской армии.

Первыми под власть, сначала российских воевод, а затем полковников, попали Слободские полки (Ахтырский, Изюмский, Острогожский, Харьковский, Сумской), изначально созданные и располагавшиеся на российской территории. В связи с этим их самостоятельное судебное устройство было ликвидировано еще раньше, а на его место пришло общероссийское законодательство. Важнейшими вехами этого процесса стало принятие следующих решений.

16 декабря 1764 г. был утвержден доклад сенаторов князя Шаховского, генерал-аншефа Панина и тайного советника Олсуфьева «Об учреждении из всех Слободских полков особой Губернии и о сборе податей на содержание и учреждение Слободских легких полков» (12293) [18, с. 1003]. В нем, в частности, предписывалось: «Ненешнее правление Канцелярии Слободских полков совсем уничтожить; а согласно общему в Государстве Правлению, учредить из всех Слободских полков особую Губернию. В полках создали воеводские канцелярии [18, с. 1005]. При этом формально признавалось сохранение данных им ранее привилегий.

Следующим шагом стало принятие 6 июля 1765 г. инструкции «Слободской Губернии Губернатору с Губернской и Провинциальными Канцеляриями» (12430) [19, с. 181]. В ней опять-таки, с одной стороны, предписывалось сохранение ранее подтвержденных привилегий, но в остальном регион превращался в обычную губернию, в том числе с введением общероссийских судов («7. О словесных судах») [19, с. 183].

С ликвидацией в 1764 г. института гетманата традиционная судебная казацкая система также была обречена. Именным указом от 26 октября 1781 г. (15265) фактически ликвидировалась старая судебная система вместе с прежним территориально-административным устройством, перестали существовать многие казацкие подразделения, в том числе и артиллерия [20, с. 295–297]. Постепенно большинство казацких полков были преобразованы в регулярные части российской армии, а на украинское население распространена рекрутская повинность. Таким образом, с постепенной ликвидацией украинской государственности и таких ее важнейших составляющих, как судебная система, в том числе и военная, на территорию Украины вместе с российскими войсками и преобразованием казацких полков в регулярные была распространена и общероссийская военно-судебная система.

В отличие от Украины и некоторых других стран, в России специальные военные суды появились только со становлением абсолютизма и переходом к регулярной армии. Н. Петухов в монографической работе «История военных судов России» рассматривает в ее первой главе проблемы развития законодательства о суде в допетровский период [21, с. 5–29]. Автор обращается к истокам древнерусского права, для чего дает характеристику основных законодательных актов удельно-вечевого и Московского

периодов Российского государства, изучает такие источники военно-уголовного права Московского государства, как «Устав сторожевой и станичной службы» (1571 г.), «Устав Ратных, пушкарских и иных дел» (1621 г.), «Ученье и хитрость ратного строя» (1647 г.) и так далее

Первые упоминания о военных судах в Московском государстве историки относят к началу XVII в. Из постоянных воинских формирований тогда имелись лишь стрелецкие и пушкарские полки. Появление военных судов было связано с необходимостью осуществления судебной власти в армии, особенно при ведении боевых действий.

Важнейшим источником права в московском государстве в допетровскую эпоху являлось Соборное уложение 1649 г. О нем следует упомянуть хотя бы еще и потому, что некоторые его нормы действовали до принятия в 1832 г. «Свода законов Российской империи» [21, с. 28–29]. Согласно Уложению 1649 г. органы судебной власти в войсках уже подразделялись на низшие и высшие. К числу низших судебных органов относились начальники отдельных частей войск: стрелецкие, пушкарские, осадные и казачьи головы, а также полковники войск иноземного строя (солдатские и рейтарские) относительно лиц, им подчиненных.

Надзор за отправлением правосудия воинскими начальниками был возложен на местных областных или городских воевод, где размещались войска. Высшей разновидностью судов для войск были приказы, под ведением которых находились воинские формирования: Стрелецкий, Пушкарский, Казачий, Рейтарский, Иноземный, Оружейный, Бронный [21, с. 33]. Стрелецкий ведал делами стрельцов, кроме разбоя и татьбы (кражи) с поличным. В 1700 г. все дела иноземного приказа передали боярину – князю Я. Долгорукову, но приказ продолжал существовать и 23 июня 1701 г. был переименован в приказ военных дел и действовал под этим названием до учреждения коллегий. Кроме того, Преображенский приказ ведал также уголовными и гражданскими делами чинов гвардии. С учреждением же военной коллегии к ней перешли все дела, бывшие в ведении военного приказа, в том числе и судебные, а сама она получила статус высшего военно-уголовного апелляционного суда [22, с. 443].

В судебной системе России высшим судьей в государстве оставался царь. Его утверждению подлежали решения по всем наиболее сложным и важным делам, поступавшим из Сената. Царь рассматривал и единолично многие дела, в частности дело о стрельцах, которые были казнены в 1698–1699 гг. по его приговору.

Разрядный приказ функционировал до 1711 г., а его дела были переданы образованному при Сенате разрядному столу. В его компетенцию входили суд и расправа над полковниками и всем начальствующим составом полков, а также некоторыми другими воинскими чинами, подьячими. Продолжали свою деятельность Стрелецкий, Посольский, Казенный, Военных дел, Артиллерийский, Иноземный и Рейтарский, Аптекарский и другие приказы, каждый из которых являлся судебным органом для подведомственных ему лиц. Приказы состояли из 3–4 судей, назначавшихся царем, и дьяков или подьячих, назначавшихся председателями приказов. Приказы были центральными судебными органами, поскольку дела, превышавшие их компетенцию, передавались на рассмотрение уже царя или расправной палаты [23, с. 58].

22 февраля 1711 г. вышел указ «Об учреждении Правительствующего Сената и о бытии при оном разрядному столу вместо Разрядного приказа, и по два Комиссара из

Губерний» (2321). Кроме того, в нем указывалось: «Вместо приказа Разрядного быть столу разрядному при вышеописанном Сенате» [24, с. 627]. В последующих указах уточнялись положения о деятельности сената и его устройство: 2 марта 1711 г. (2328) «О власти и ответственности Сената» [24, с. 634-635], 2 марта 1711 г. (2330) «О поручении Правительствующему Сенату попечения о правосудии, об устройстве государственных доходов, торговли и других отраслей государственного хозяйства» [24, с. 635], 5 марта 1711 г. (2331) «О порядке заседаний и делопроизводства в правительствующем Сенате, и о должности Обер-Фискала» [24, с. 635-636], 27 марта 1711 г. (2342) «О новом устройстве канцелярии Правительствующего Сената и о разделении всех дел по столам». В нем указывалось: «4. Разрядному столу во всем состоянии быть по-прежнему...» [24, с. 652-654]. Так выглядела высшая судебная власть. Что касается собственно системы военных судов и их нормативно-правовой базы, то она при Петре I формировалась так.

Еще в начале XVIII в. появилось два важнейших военно-уголовных устава: «Уложение или право воинского поведения генералов, средних и младших чинов и рядов солдат», изданное 27 января 1702 г. фельдмаршалом Б. Шереметьевым, и Краткий артикул 1706 г. [21, с. 44]. О судеустройстве и судопроизводстве в указанном уложении говорилось весьма кратко. Так, в нем упоминается о том, что судебная власть в войске принадлежит полковнику (командиру полка), обязанного привлекать к судебной ответственности подчиненных за совершенные ими преступления. О суде говорится как о коллективном органе. Вопрос о вменении в вину преступлений решался «собранным военным судом», назначаемым для рассмотрения дела командиром полка [21, с. 46].

Краткий артикул был издан в Санкт-Петербурге в 1706 г. [21, с. 47-48]. Согласно этому артикулу военные суды устанавливались 3 видов: полковые, генеральные и скорорешительные. Полковым судам были подсудны дела обер-офицеров (младших офицеров – прапорщиков, поручиков, капитанов) и все дела о преступлениях, за которые полагались лишение жизни, чести, чина и телесные наказания. За менее тяжкие преступления следовали дисциплинарные наказания, назначаемые военачальником без суда. Полковой суд состоял из президента – штаб-офицера (старшего офицера – подполковника, полковника), 2-х сержантов, 2-х капралов и 4 ефрейторов или рядовых, всего – 15 человек. В его работе мог принимать участие и аудитор (юрист) [21, с. 49]. Решение суда принимались коллегиально, большинством голосов. При этом президент имел 2 голоса. Если же президент был не согласен с мнением суда, то дело окончательно решал (по докладу президента) вышестоящий начальник, обычно генерал. Генералу же принадлежало право изменения или отмены приговоров.

Генеральному суду были подсудны дела о штаб-офицерах, преступлениях, совершенных целыми частями войск, а также дела о преступлениях, связанных с интендантскими нарушениями, которые могли повлечь тяжелые последствия для войск. В состав этого суда входили: президент (в генеральском чине) и члены, по 2 из каждого штаб-или обер-офицерских чинов (полковники, майоры, капитаны, лейтенанты, прапорщики). В его работе участвовал генерал-аудитор. Порядок производства в нем был, как и в полковом военном суде, а его приговоры утверждались вышестоящим генералом (главнокомандующим, командиром корпуса или отдельного отряда).

Скорорешительный суд действовал только в походах, в период осады крепости неприятелем, то есть в боевой обстановке, когда это было необходимо для поддержания

или восстановления дисциплины [21, с. 50]. Об особенностях его функционирования известно немного, но, как видно из самого названия, порядок производства дел в нем был упрощенным.

Специальными указами военнослужащие в этот период получали определенный иммунитет в различных гражданских делах во время службы. Такой подход обеспечивал проводимую Петром I линию выделения военнослужащих в особую касту, живущую по собственным, специальным правилам. К таким указам, например, можно отнести следующие: от 17 мая 1702 г. «О наряде в поход разных чинов служивых людей и об отсрочке им во всяких судебных делах, кроме татевных, разбойных и убийственных» [24, с. 197], 1 февраля 1706 г. «О явке на службу всяких чинов служивым людям в Пензе и об отсрочке им во всех судебных делах, кроме татевных разбойных и убийственных, впредь до указа» [24, с. 336], 16 мая 1706 г. «О немедленном выступлении в поход Брянским и карачаевским служивым людям, которые были в Москве на смотре; о приезде на смотр тем, которые прежде на оном не явились; о взыскании денег с отставленных от службы и об отсрочке отправляющимся на службу во всех судебных делах кроме татевных, разбойных и убийственных» [24, с. 350], 11 августа 1706 г. «О неподаче просьб на военных людей, находящихся в походе и об отсылке в Армию под военный суд тех, которые судебными исками или самоуправством причинят обиду находящимся в походе военного чина людям» [24, с. 354] и 16 декабря 1706 г. «Об отсрочке военнослужащим во всех судебных делах, кроме татевных, разбойных и убийственных» [241, с. 358].

Устав Воинский, принятый Петром I, датируют 1715–1716 гг., в связи с тем, что данный документ принимался не целиком, а частями, то есть постепенно. Формально в Полном собрании законов Российской империи Устав Воинский Петра I вышел под № 3006 30 марта 1716 г. Глава XXIV данного документа была посвящена генерал-аудитору [25, с. 235], а гл. XXV генерал-аудитор-лейтенанту, гл. XLI «О Генерал-Гевалдигере (или Румор-Мейстер)» (наблюдение за правопорядком в армии) [25, с. 250–251].

Важная роль в судебной системе армии принадлежала фискалам (гл. XLII.). Фискалы были в каждом полку, старшими над ними был дивизионный обер-фискал, в свою очередь подчинявшийся генерал-фискалу [25, с. 251–252].

Глава L посвящена военному совету и скорорешительному суду. В ней указывалось, что они учреждались «двояким образом» и назывались «вышним или низшим Советом или Судом». Высший занимался делами особой важности, или целых полков. Высший суд создавался для рассмотрения дел генералов, штабных чинов и состоял из генералов и бригадиров. В некоторых случаях допускалось присутствие полковников.

Преступлениями, совершенными в конкретном полку, занимался нижний военный совет. Чины до обер-офицеров включительно судились в нижних судах, создаваемых «в крепости у Губернатора или Коменданта, а в компании у полковника от полку отправляется, к которому Полковник или Подполковник или Майор, яко Президент, и к тому 2 капитана, 2 поручика, 2 прапорщика, 2 сержанта, 2 корпорала, 2 или четыре рядовых, а в совете Аудитор яко Ассессор, употребляется...». Решение на таком суде принималось большинством голосов, подававшихся начиная с нижних чинов, и были окончательными. Военная коллегия о таких судах лишь информировалась [25, с. 266]. Прочие особенности деятельности этих судов в уставе не прописаны обстоятельно [25, с. 266–267].

Таким образом, указанным уставом были развиты основные положения военного судоустройства, заложенные еще кратким артикулом. Военный суд состоял из генерального кригсрехта и полкового. В генеральном рассматривались такие дела: «(1) вина и оскорбления Величества и Государственные дела. (2) Погрешения от целого или половины полка, от батальона, шквадрона или роты происходящие. (3) Когда на знатных и высоких офицеров жалобы, чести и живота касающиеся, приносятся. (4) Также, если кто Фельдмаршала или другого кого из высоких офицеров лишит чести или живота».

Полковой кригсрехт разрешал дела, которые «между унтер-офицерами и рядовыми происходят, или когда в чем от преступление от оных учиниться и прочия в сей жизни между офицерами и рядовыми случающиеся причины». Количество судей в них определялось в 13 человек. Генеральный кригсрехт возглавлял фельдмаршал или его наместник, а полковой – полковник или подполковник. Учитывая, что различные обстоятельства не всегда позволяли собрать всех заседателей, разрешалось проводить заседания даже 7 особам. В генеральном кригсрехте в качестве ассессоров присутствовали по 2 генерал-поручика, генерал-майора, бригадира или полковника. В полковом кригсрехте ассессорами выступали 2 капитана, а также 2 поручиков и прапорщиков. Обязательным было нахождение в судах аудиторов. Их обязанностью было наблюдение за соблюдением законности при отправлении суда, вмешиваться в сам же процесс они права не имели [25, с. 383–385].

Суд проходил тайно. Обвиняемый или жалобщик мог требовать обоснованного отвода одного из судей (п. 12). Разрешалось подавать дело на рассмотрение, если тяжущийся остался недоволен, в высший суд (Генеральный кригсрехт), особо важные приговоры отправляли на утверждение фельдмаршалу [26, с. 408–409]. Таким образом, на основе воинского устава стала формироваться новая судебная система в армии, действовавшая без особых изменений до XIX в. Тем не менее только с принятием устава сама система военных судов еще не заработала, ее нужно было создавать, обеспечить соответствующими кадрами и приводить в движение. Также в процессе внедрения данной реформы необходимо было корректировать некоторые положения, дополнять, изменять при применении к конкретным условиям и так далее.

Список литературы:

1. Багалій Д. Історія Слобідської України / Д. Багалій. – Х., 1990. – 358 с.
2. Биркович О. «Березневі статті» Б. Хмельницького в контексті українського державно-правового будівництва 1648–1654 рр. / О. Биркович // Науковий вісник НАВСУ. – 2000. – № 1 – С. 308–319.
3. Биркович О. Діяльність Б. Хмельницького в становленні судової системи Гетьманщини 1648–1657 рр. / О. Биркович // Науково-практичний збірник. – 2003. – № 23. – С. 7–12.
4. Биркович О. Основні правові засади процесу судочинства в період правління Б. Хмельницького / О. Биркович // Науково-практичний збірник. – 2003. – № 24. – С. 3–6.
5. Биркович О.І. Судова система Української держави (Гетьманщини) 1648–1657 рр. : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 / О.І. Биркович. – К., 2004. – 180 с.
6. Гуржій О. Право української козацької держави / О. Гуржій. – К., 2002. – 56 с.
7. Гуржій О. Українська козацька держава в другій половині XVII – XVIII ст.: кордони, населення, право / О. Гуржій. – К. : Основи, 1996. – 223 с.
8. Денський А. Система каральних мер в Запорозької Сечи / А. Денський // Киевская старина. – 1893. – Т. 40. – С. 209–239.

9. Липинський В. Україна на переломі. 1657–1659. Замітки до історії українського державного будівництва в XVII-ім столітті / В. Липинський // Липинський В. Твори. Архів. Студії. – Філадельфія, 1991. – Т. 3. – 356 с.
10. Падох Я. Ґрунтове судочинство на Лівобережній Україні у другій половині XVII – XVIII столітті Я. Падох. – Львів, 1994. – 189 с.
11. Падох Я. Ґрунтовий процес Гетьманщини / Я. Падох. – Львів : Діло, 1938. – 35 с.
12. Пашук А. Суд і судочинство на Лівобережній Україні в XVII – XVIII ст. / А. Пашук. – Львів, 1967. – 179 с.
13. Сиза Н. Суди і кримінальне судочинство України в добу Гетьманщини / Н. Сиза. – К. : Українська Видавнича Спілка, 2000. – 120 с.
14. Сиза Н. Формування незалежного судочинства України в період гетьманства Богдана Хмельницького / Н. Сиза // На пошану 80-річчя професора Теодора Мацьківа. – К. : Твім інтер, 1999. – С. 63–70.
15. Сиза Н. Судочинство в період Гетьманщини / Н. Сиза, В. Мікулін // Збірник наукових праць Національної академії Служби безпеки України. – К., 2002. – № 5. – С. 148–154.
16. Слабченко М. Судівництво на Україні XVII – XVIII ст. / М. Слабченко. – Х., 1919. – 38 с.
17. Полное собрание законов Российской империи : в 45 т. – СПб., 1830– . – Т. I : С 1649 по 1675 гг. – 1 830. – 1029 с.
18. Полное собрание законов Российской империи : в 45 т. – СПб., 1830– . – Т. XVI : С 28 июня 1762 по 1765 гг. – 1830. – 1018 с.
19. Полное собрание законов Российской империи : в 45 т. Т. XVII : С 1765 по 1766 гг. – СПб., 1830. – 1135 с.
20. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. – СПб., 1830– . – Т. XXI : С 1781 по 1783 гг. – 1830. – 1083 с.
21. Петухов Н.А. История военных судов России / Н.А. Петухов ; под ред. с предисл. д. ю. н., проф. В.М. Лебедева. – М. : НОРМА, 2003. – 352 с.
22. Филиппов М.А. Судебная реформа в России: популярный исторический и теоретический обзор судоустройства : в 2 т. / М.А. Филиппов. – СПб., 1871– . – Т. 1 : Судоустройство. – Ч. 1. – 1871. – 622 с.
23. Троцина К. История судебных учреждений в России / К. Троцина. – СПб., 1851. – 210 с.
24. Полное собрание законов Российской империи : в 45 т. – СПб., 1830– . – Т. IV : 1700 по 1712 гг. – 1830. – 881 с.
25. Полное собрание законов Российской империи : в 45 т. – СПб., 1830– . – Т. 5 : 1713 по 1719 гг. – 1830. – 780 с.
26. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке: военно-экономический потенциал России / Л.Г. Бескровный. – М. : Воениздат, 1973. – 220 с.

Курабцева А. П. Ліквідація гетьманської системи військового правосуддя й організація військових судів у Росії в XVIII ст. / А. П. Курабцева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського. Серія: Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 20-27.

Публікація присвячена проблемі вивчення процесу ліквідації системи військового правосуддя і введення, що існувала в Гетьманщині, замість неї спеціалізованих судових установ Російської імперії. Указані основні види й типи військових судів, що діяли в цей період, їх правова база, особливості її розробки, використання, еволюції. Проаналізовано Статут Військовий, прийнятий Петром I в 1716 р.

Ключові слова: військові суди, гетьманщина, правосуддя.

LIQUIDATION OF THE HETMAN SYSTEM OF BOENHOHO JUSTICE AND ORGANIZATION OF COURTS MARTIAL IN RUSSIA IN XVIII OF CENTURY

*Kyrabzeva A. P.
Taurida National University named after V.I. Vernadsky,
Simferopol*

A publication is sanctified to the problem of study of process of liquidation of the existing in Гетманщине system of military justice and introduction instead of her the specialized judicial establishments of the Russian empire. Basic kinds and types of operating in this period courts martial, their legal base, features of her development, use, evolution are indicated. The analysis of Charter Military, accepted by Peter I in 1716, is Given.

Key words: courts martial, гетманщина, justice.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Юридические науки». Том 27 (66). 2014. № 4. С. 28-35.

УДК 347.97

РОЛЬ СУДОВОЇ ПРАВОТВОРЧОСТІ В ПРОЦЕСІ ЗДІЙСНЕННЯ СУДОВОЇ РЕФОРМИ В УКРАЇНІ

Сердюк В. О.

*Національний університет державної податкової служби України,
м. Ірпінь, Київська область, Україна*

Автор аналізує сучасні тенденції правотворчості в процесі здійснення правосуддя. На основі історичного досвіду проведено аналіз основних положень різних шкіл юриспруденції. Також досліджується їх зв'язок із власною школою права та юридичного позитивізму. Доводяться положення про допустимість внесення змін до судового законодавства в Україні. Метою статті є вивчення закономірностей взаємодії судової правотворчості та правосуддя.

Ключові слова: правотворчість, законотворчість, судова правотворчість, правова реформа, судово-правова реформа.

Вступ. Будь-який вітчизняний практикуючий юрист неодноразово у своїй практичній діяльності зустрічався з проблемою існування прогалин у чинному законодавстві та шляхами їх подолання. Історично склалося так, що в країнах, де відсутнє прецедентне право, ці недоліки в законодавстві прийнято усувати шляхом застосування аналогії закону чи аналогії права.

Важливий напрям, який потребує особливої уваги в процесі підготовки Концепції змін до Конституції України – це питання вдосконалення судоустрою. Існує об'єктивний ресурс нормативно-конституційних змін щодо розширення впливу громадян на процес здійснення правосуддя (запровадження конституційних гарантій суду присяжних, зміна порядку формування та складу Вищої ради юстиції з метою мінімізації участі в її роботі осіб, які представляють політичні структури).

Взаємозв'язок між правотворчістю та правосуддям є надзвичайно актуальними для розвитку правової системи України. Це обумовлено початком у 2010 році судово-правової реформи. Актуальність дослідження цього питання полягає в тому, що у вітчизняній та російській науковій думці вивчення правосуддя не мало комплексного характеру, а судова правотворчість взагалі лише нещодавно стала предметом уваги вчених у галузі держави та права.

Проте нині в юридичній науці відсутнє концептуально обґрунтоване та розкрите в юридичних категоріях розуміння співвідношення правосуддя та правотворчості [1, с. 47].

З огляду на зазначене *метою* статті є вивчення закономірностей взаємодії судової правотворчості та правосуддя.

Основний матеріал. Протягом двох десятиліть в Україні розвивається інститут, що отримав назву «судова нормотворчість». Слід зазначити, що ця проблема впи-

сується в загальноєвропейський процес посилення ролі судових рішень як джерела права в країнах із романо-германською правовою системою, до яких традиційно відносять і Україну. Нормотворча діяльність судів в Україні розвивається в основному за такими основними напрямками, як застосування закону (норми права) за аналогією під час розгляду конкретної справи; створення судового прецеденту; формування правових рішень Конституційного Суду України; видання Верховним Судом України роз'яснень із питань судової практики.

Водночас більшість учених до результатів судової правотворчості відносять виключно судовий прецедент, а також інші, схожі на нього за своєю природою, правові явища. Так, М. Марченко вважає, що до них належить судова практика, судовий прецедент, судовий розсуд [2, с. 99].

С. Шевчук до результатів судової правотворчості включає судову практику, судовий прецедент, правові позиції, правоположення, роз'яснення вищих судів [3]. Б. Малишев актами судової правотворчості називає судові прецеденти, квазі-прецеденти та нормативно-правові акти [4, с. 30]. На думку О. Верещагіна, формами судової правотворчості є судові прецеденти, правила судів, роз'яснення вищих судів, судові звичаї [5, с. 137–182]. С. Чередніченко до результатів судової правотворчості відносить судові прецеденти, акти роз'яснення судової практики, правоприпиняючі акти [6, с. 19]. Є. Сем'янов актами судової правотворчості вважає нормативно-правові акти, акти нормативного тлумачення, роз'яснення пленумів вищих судів, правоприпиняючі акти, акти квазіпрецедентного права [7, с. 163–164]. О. Попов актами судової правотворчості називає судові прецеденти та постанови [8, с. 156, 206].

Важлива роль у «прецедентоутворенні» належить вищим судам, наприклад Верховному Суду України, рішення яких публікуються в офіційних виданнях і служать своєрідними правовими моделями для нижчих за ієрархією органів судової влади. Так, на офіційному сайті Верховного Суду України розміщені тексти актів, які можуть містити правові позиції та витяги з рішень інших судів загальної юрисдикції, якщо вони пройшли інстанційний розгляд у суді та схвалені ним.

Зовсім іншого забарвлення проблема судової правотворчості отримала з моменту створення Конституційного Суду України (далі – КСУ). Компетенція КСУ та права природа його рішень прямо говорять про те, що рішення Конституційного Суду України не тільки роз'яснюють чинне законодавство на предмет конституційності, але й змінюють і доповнюють закон. За час свого існування Конституційний Суд України створив чимало прецедентів, які активно використовуються. Наприклад, саме завдяки Конституційному Суду України як захисники в кримінальному процесі можуть виступати не тільки адвокати, а й інші фахівці в галузі права. Фактично цим рішенням були змінені положення Кримінально-процесуального кодексу України. Будь-який практикуючий юрист може назвати велику кількість випадків, коли рішення Конституційного Суду України вносили «революційні» зміни до законодавства. Причому на адресу таких рішень досить часто лунали негативні відгуки від безпосереднього законодавця – Верховної Ради України [8].

Як відомо, судова правотворчість є різновидом правотворчості, а тому їй притаманні всі ознаки останньої, а саме: здійснення спеціально-уповноваженим суб'єктом; спрямованість на створення, зміну або скасування нормативних приписів; ви-

знання її процедурно-процесуальною діяльністю; закріплення її результатів у певних юридичних актах-документах [9, с. 50–51].

При цьому судова правотворчість характеризується й специфічними ознаками, що відрізняють її як від інших видів правотворчості, так і від інших типів юридичної діяльності: здійснення спеціально-уповноваженими судовими органами; пов'язаність із реалізацією функцій судової влади; здійснення в особливій процесуальній формі; спрямованість правотворчої активності на встановлення нормативно-правових приписів; їх фіксація в судових правотворчих актах [10, с. 1].

Оскільки судова правотворчість виокремлюється з-поміж інших видів правотворчості за суб'єктивним критерієм, то найбільш виразною її властивістю є здійснення судовими органами. У юридичній літературі наявні різні позиції щодо належності тих чи інших судових органів до суб'єктів судової правотворчості. Одні вчені відносять до них як вищі судові інстанції, так і інші судові органи [10, с. 2]. Проте переважна більшість науковців переконані в тому, що суб'єктами судової правотворчості можуть бути лише вищі судові органи [10, с. 2].

Саме тут цілком можемо погодитися з думкою Н. Стеценка, що віднесення до суб'єктів судової правотворчості в межах національних правових систем виключно вищих судових органів є більш коректним. Пов'язано це з тим, що саме вищі судові органи можуть, по-перше, забезпечити загальнообов'язковість результатів судової правотворчості, по-друге, проявляти правотворчу активність у повному обсязі (створення, зміна, скасування), а не лише однієї її частини (скасування) [10, с. 2].

Крім того, необхідно зазначити, що правотворчість здійснюють не лише національні, але й міжнародні судові органи. Так, згідно зі ст. 30 та 38 Статуту Міжнародного Суду ООН цей суд виконує функції регламентарної та прецедентної правотворчості [10, с. 2].

Те ж саме можна сказати про рішення Європейського суду з прав людини, позиція якого або безпосередньо відтворюється національними судами в рішеннях за конкретними справами, або включається в них через акти Конституційного Суду України чи Верховного Суду України.

Розглянемо це питання докладніше. Так, Україна як незалежна держава Законом України «Про ратифікацію Конвенції про захист прав людини і основоположних свобод 1950 року, Першого протоколу та протоколів 2, 4, 7 та 11 до Конвенції» (п. 1) визнала обов'язковою юрисдикцію Європейського суду з прав людини в усіх питаннях, що стосуються тлумачення та застосування Конвенції в 1997 році [11]. Згідно із цим законом Україна повністю визнає на своїй території дію ст. 46 Конвенції 1950 р. щодо визнання обов'язковою й без укладення спеціальної угоди юрисдикцію Європейського суду з прав людини в усіх питаннях, що стосуються тлумачення й застосування Конвенції 1950 р.

Наукова думка України, зокрема погляд судді Європейського суду з прав людини від України в 2009 році С. Шевчука [3], розглядає пункти «а» та «б» частини 3 ст. 31 Віденської Конвенції «Про право міжнародних договорів» від 23 травня 1969 р. (ратифікована Україною 14 травня 1986 р. у складі СРСР), у яких спеціально наголошується, що разом із текстом міжнародних договорів враховується практика його застосування й тлумачення, якщо на це дається згода сторін договору, яку дала Верховна

Рада України, ратифікувавши цей закон як додаткову аргументацію на користь цього твердження.

Таким чином, рішення Європейського суду можна вважати офіційною формою роз'яснення основних (невідчужуваних) прав кожної людини, закріплених і гарантованих конвенцією, яка є частиною національного законодавства, та у зв'язку із цим – джерелом законодавчого правового регулювання і правозастосування в Україні. Отже, рішення Європейського суду мають становити ідеологічно-правову (ціннісну) основу для здійснення правосуддя в Україні. Фактичне закріплення цього положення відбулося в низці постанов Пленуму Верховного Суду України, у яких надавалися роз'яснення законодавства судам загальної юрисдикції, ще до прийняття Закону України «Про судоустрій і статус суддів». Звернімося й до того Закону України «Про виконання рішень та застосування практики Європейського суду з прав людини», яким встановлюється імперативна норма щодо застосування вітчизняними судами Конвенції про захист прав людини й основоположних свобод та практики (тобто рішень) Європейського суду саме як джерел права.

Таким чином, як бачимо, на сьогодні достатньо чинних законодавчих актів, які підтверджують, що рішення Європейського суду є джерелами права, але, напевно, для остаточного підтвердження не вистачає тільки рішення Конституційного Суду України із цього питання [12]. Враховуючи це, слід зазначити, що простежується зв'язок сутності правових позицій, сформульованих у рішеннях Європейського суду, які мають загальнообов'язкову природу для практики вітчизняних судів загальної юрисдикції, з висновками (рішеннями) Конституційного Суду України та Верховного Суду України (далі – ВСУ).

Таким чином, щоб остаточно визначити статус практики (тобто рішень) Європейського суду як джерела права, варто звернутися за тлумаченням положень ст. ст. 8, 9 Конституції України до Конституційного Суду України та отримати його рішення із цього питання. Можливо, за наявності рішення Конституційного Суду України, новоспечені адвокати не будуть мати сумнівів щодо належності рішень Європейського суду до джерел права [12].

На сьогодні можна виділити ще два підходи щодо вирішення зазначеного питання, пов'язаного насамперед із тією загальнотеоретичною (навіть філософською) позицією, яку займає той чи інший автор. Зокрема, прихильники позитивістського підходу, аналітичного та соціологічного його напрямів слідом за І. Бентамом визнають, що суди є творцями права. Такий висновок випливає з основної ідеї позитивізму щодо походження права від держави. У такому випадку нормотворчість судів визнається на тій підставі, що вони – державні органи [13, с. 4]. Г. Харт відзначає, що в системі, де встановлений і діє принцип *stare decisis*, функції судів подібні делегованим нормотворчим повноваженням виконавчих органів [14, с. 811].

Однак різні автори по-різному оцінювали сам факт визнаної ними суддівської правотворчості. Так, Д. Остін вважав створене суддями право дуже корисним і навіть «абсолютно необхідним», засуджуючи їх за «боягузливу, обмежену та ступінчасту манеру, у якій вони здійснюють законотворчість» [15, с. 48]. Навпаки, І. Бентам негативно ставився до того, що він назвав *judge-made law*.

Протилежної точки зору щодо проблеми правотворчості суддів дотримуються автори, які стоять на позиціях природно-правової теорії. З цієї точки зору класич-

ною можна вважати деклараторну теорію, запропоновану в XVII столітті М. Хейлом. У XVIII столітті В. Блекстон назвав судові рішення практичними доказами змісту загального права [14, с. 45]. Лорд Дж. Саймон у справі *Jones v. Secretary of State* в 1972 р. сказав: «У нашій країні довго вважалося, що судді не творять право, а тільки виявляють і витлумачують його. Теорія полягала в тому, що кожна справа врегульована відповідним правилом права, де є існуючим <...> Але дійсна, навіть обмежена, природа судової правотворчості стала більш широко визнаватися в останні роки» [15, с. 147].

Питання допустимості судової правотворчості нині найчастіше розглядається в рамках англо-саксонської та романо-германської правових сімей. Особливу проблему правотворча діяльність судів утворює саме в країнах романо-германської правової сім'ї.

Судова правотворчість в англо-саксонській правовій сім'ї ототожнюється з класичним англійським судовим прецедентом. Джерело права в Англії сприймається не інакше як «той чи інший шлях, відповідно до якого право в цій системі стає правом і відповідно до якого воно буде визнане та стане застосовуватися англійськими судами». З цього випливає, що судовий прецедент в Англії утворюється в результаті правотворчої діяльності вищих судів, поряд зі статутним правом є первинним джерелом права. Доктрина судового прецеденту в Англії будується на основі того, що судові прецеденти, створені вищими судами, обов'язкові для всіх нижчих за ієрархією судів і, не будучи суворо обов'язковими для самих цих судів, мають дуже важливе значення й зазвичай використовуються під час обґрунтування рішень. Англійські судді нерідко зобов'язані слідувати раніше прийнятим рішенням навіть у тих випадках, коли є досить переконливі докази, які в інших обставинах дозволили б не робити цього [16].

Загальний підхід щодо діяльності судів у країнах романо-германської правової сім'ї зводиться до того, що суд зобов'язаний приймати рішення в повній відповідності з нормами матеріального права, без посилань на попередні судові рішення. Якщо суд прийме рішення, що не відповідає нормам матеріального права, воно буде скасовано вищою судовою інстанцією. Однак класична парадигма, яка розглядає позитивне право як закриту систему, наповнену статтями кодексу та вимагає чіткого дедуктивного виведення рішення з конкретних норм закону, не раз піддавалася сумніву. Нині практично загально визнано, що будь-яка система чітко встановлених правових правил завжди має прогалини та застаріває відразу ж після прийняття. Нездатність законодавця вчасно відреагувати на зміну суспільних відносин служить рушійною силою розвитку судової правотворчості [16].

В Україні, що загалом належить до романо-германської правової сім'ї, домінуюча правова доктрина протягом тривалого часу заперечувала судову правотворчість. Компетенція суду зводилася виключно до застосування права. Радянська теорія права завжди виходила з постулату, що судова практика не є джерелом права. С. Зівс підкреслював, що зворотне суперечило б принципам підзаконності судової діяльності. Правотворча діяльність суду з неминучістю зменшує значення закону. Вважалося, що в законодавця під час формування правових норм є можливість врахувати набагато більше факторів, ніж це здатен зробити суд [16].

У сучасних умовах такий підхід зберігає свої домінуючі позиції, підкріплюючись новим доказом: судова практика не може бути джерелом права, оскільки це суперечить принципу поділу влади. Проте, на нашу думку, правотворча функція судів цілком сумісна з конституційним принципом поділу державної влади. Судова влада формує правозастосовчу практику (відповідні правила) у процесі вирішення конкретних спірних ситуацій, що розглядаються в рамках загальних норм закону, і не претендує на узурпацію переваг законодавчої гілки влади щодо встановлення абстрактних загальнообов'язкових норм. Визнання за окремими органами судової влади правотворчої функції здатне забезпечити велику «еластичність» та ефективність законодавчих приписів [16].

Суддя Конституційного Суду України Д. Лилак свого часу наголошував на визнанні судової правотворчості, на заваді якій, на його думку, стоять позитивістські настрої, що переважають у юриспруденції України, а також, що судді поставлені в жорстку залежність від закону [17, с. 68]. Крім того, він зазначав, що вирішення цієї проблеми може відбутися шляхом застосування судьями України принципу верховенства права, який може бути покладений в основу «вільної суддівської правотворчості» [17, с. 68].

Таким чином, підводячи підсумки з вищесказаного, доцільно зазначити таке. Ставлення до такого джерела права, як прецедент у сучасний період радикально змінилося, насамперед у зв'язку зі створенням Конституційного Суду України, а також зі зміною ставлення до прецеденту практиків і вчених-юристів.

Розглядаючи прецедент як можливе джерело українського права, слід виділити два аспекти цієї проблеми, а саме: прецедент розглядається як безпосереднє джерело права, тобто належним чином оформлене положення, на яке можна посилалися під час прийняття юридично значимих рішень; розглядається вплив прецеденту на процеси правотворчості та правозастосування, а також на формування юридичної практики в цілому.

Висновки. Проблема єдності судової практики в Україні дійсно нагальна, проте вирішити її за допомогою судового прецеденту на сьогодні просто неможливо. Причини зростаючої неправосудності судових рішень лежать зовсім в іншій площині. Недосконалість та подекуди абсурдність судової системи, відсутність об'єктивного відбору кандидатів на посаду судді не можуть бути усунені за допомогою права судового прецеденту. Потреба в прецеденті виникає у двох випадках: коли законодавство є негнучким, тобто орган, уповноважений вносити зміни в закони, не робить це своєчасно, у результаті чого зміни до законодавства не встигають за змінами в суспільних відносинах; законодавство є настільки недосконалим, суперечливим та незрозумілим, що унеможливує його однакове застосування без допомоги інших вказівок та форм права. В Україні функцію «квазісудових прецедентів» виконують рішення КСУ щодо тлумачення законів та Конституції України та постанови Пленуму ВСУ про практику застосування законодавства судами. Враховуючи, що КСУ не виправдав покладені на нього надії, адже є органом заполітизованим, відірваним від життя та судової практики, існує концепція реформування конституційної юстиції та передачі його функцій ВСУ. У такому разі узагальнення судової практики, що здійснює ВСУ, могли б бути легітимізовані шляхом прийняття їх у формі тлумачення зако-

нодавства, що є загальнообов'язковим нарівні із законами. Такий механізм швидкого «вирішення» законодавчих проблем ВСУ без зазіхання на повноваження Верховної Ради України як єдиного органу законодавчої влади міг стати доречним як з огляду на незавершеність правової реформи, так і відсутність єдності судової практики. А говорити про запровадження в Україні континентального права судового прецеденту «в чистому вигляді» досить складно, адже за існуючої ситуації в судах ми можемо отримати безліч прецедентів, що суперечитимуть один одному та здоровому глузду. Тоді суд під час винесення неправосудного рішення керуватиметься не тільки «внутрішнім переконанням», а й «безпрецедентними» прецедентами.

Нині в країнах зі змагальною системою правосуддя спостерігається тенденція зростання ролі закону, а в континентальній системі – ролі судової практики. У зв'язку із цим відзначається, що зміцнення ролі судів в Україні як третьої гілки влади в державі може привести до офіційного закріплення керівних роз'яснень Пленуму Верховного Суду України.

Список літератури:

1. Притченко Р.С. Судебное нормотворчество: опыт западных систем / Р.С. Притченко // Порівняльно-правові дослідження. – 2009. – № 2. – С. 21–24.
2. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право / М.Н. Марченко. – М. : ТК Велби ; Изд-во Проспект, 2008. – 512 с.
3. Шевчук С. Судова правотворчість: світовий досвід і перспективи в Україні / С. Шевчук. – К. : Реферат, 2007. – 640 с.
4. Малишев Б.В. Судовий прецедент у правовій системі Англії / Б.В. Малишев. – К. : Праксіс, 2008. – 344 с.
5. Верещагин А.Н. Судебное правотворчество в России. Сравнительно-правовые аспекты / А.Н. Верещагин. – М. : Междунар. отношения, 2004. – 344 с.
6. Чердниченко С.П. Судебное правотворчество: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 / С.П. Чердниченко. – М., 2005. – 203 с.
7. Семьянов Е.В. Судебное правотворчество (вопросы общей теории права) : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 / Е.В. Семьянов. – М., 2005. – 193 с.
8. Попов О.В. Теоретико-правовые вопросы судебного правотворчества в РФ : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 / О.В. Попов. – Тольятти, 2004. – 221 с.
9. Ленгер Я.І. Реформування правової системи, як засіб підвищення її ефективності : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.01. / Я.І. Ленгер. – К., 2007. – 205 с.
10. Стецик Н.В. Судова правотворчість: загальнотеоретична характеристика / Н.В. Стецик // Часопис Академії адвокатури України – 2010. – № 8. – С. 1–6.
11. Про ратифікацію Конвенції про захист прав людини і основоположних свобод 1950 року, Першого протоколу та протоколів 2, 4, 7 та 11 до Конвенції : Закон України від 17.07.1997 № 475/97-ВР // Відомості Верховної Ради України. – 1997. – № 40. – Ст. 263.
12. Рішення Європейського суду – джерело права для українського правосуддя? [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.interlegal.com.ua/blog/?p=2102>.
13. Лозовская С.В. О судейском правотворчестве / С.В. Лозовская // Вопросы теории и истории государства и права. – 2004. – № 5. – С. 4–21.
14. Llevellin K.N. The Case law system in America / K.N. Llevellin // Columbia law review. – 1988. – Vol. 88. – № 5.
15. Богдановская И.Ю. Прецедентное право / И.Ю. Богдановская. – М., 1993. – 263 с.
16. Корнев А.В. Сравнительный анализ понимания судебного правотворчества в англо-саксонской и романо-германской правовых системах / А.В. Корнев [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.kapartner.ru/sravnitelanii_analiz.
17. Лилак Д.Д. Судочинство і проблеми суддівської правотворчості / Д.Д. Лилак // Вісник Верховного Суду України. – 2003. – № 3. – С. 61–71.

18. Про Конституційний Суд України : Закон України від Закон від 16.10.1996 № 422/96-ВР // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 49. – Ст. 272.

19. Белов Д.М. Проблеми реформування української моделі державної влади / Д.М. Белов // Вісник Запорізького національного університету. Серія «Юридичні науки». – 2012. – № 2 (Ч. I) . – С. 57–62.

Сердюк В. О. Роль судового правотворчества в процессе осуществления судебной реформы в Украине / В. О. Сердюк // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 28-35.

Автор анализирует современные тенденции правотворчества в процессе осуществления правосудия. На основе исторического опыта проведен анализ основных положений различных школ юриспруденции. Также исследуется их связь с собственной школой права и юридического позитивизма. Доводятся положения о допустимости внесения изменений в судебное законодательство в Украине. Целью данной статьи является изучение закономерностей взаимодействия судебного правотворчества и правосудия.

Ключевые слова: правотворчество, законотворчество, судебное правотворчество, правовая реформа, судебно-правовая реформа

THE ROLE OF JUDICIAL LEGISLATION IN THE PROCESS OF JUDICIAL REFORM FULFILLMENT IN UKRAINE

Serdyk V. O.

*National University of the State Tax Service of Ukraine,
Irpın, Ukraine*

Any domestic practitioner repeatedly in their practice had a problem with the existence of gaps in the current legislation and ways to overcome them. Historically, in countries where there is no case law these shortcomings in the legislation passed by eliminating the use of similar law or similar law.

An important area that needs special attention in the preparation of the Concept of amendments to the Constitution-is on improving the judicial system. There is an objective resource regulatory and constitutional amendments to expand citizens to influence the process of justice (the introduction of constitutional guarantees of the jury, changing the order of formation and of the members to minimize participation in the work of individuals who represent the political parties).

The relationship between the law-making and judgment are extremely important for the development of the legal system of Ukraine. This is the start of the 2010 judicial reform. The relevance of the study of this issue is that judicial law-making in general only recently become a subject of attention of scientists in the field of law.

At the moment there is no jurisprudence conceptually grounded and opened a legal categories understanding of the relationship of justice and law-making.

The author makes analysis of modern tendencies of law-making development in the process of administration of justice. On the base of historical experience he presents analysis of main provisions of different schools of jurisprudence, its relation with school of intrinsic law and legal positivism and proves position of admissibility of judicial legislation in Ukraine.

Key words: lawmaking, judicial law-making, law reform, judicial reform.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Юридические науки». Том 27 (66). 2014. № 4. С. 36-42.

УДК 340:908[(470+571):(477.75)] «19»

**ВОССОЗДАНИЕ ЕДИНОЙ РОССИИ КАК ОСНОВНАЯ ЦЕЛЬ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЫМСКОГО КРАЕВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ С. КРЫМА**

Сорокин Р. А.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь*

Статья содержит исследование и анализ целей работы Крымского краевого правительства С. Крыма, закрепленных в его декларации. Сделан вывод о том, что главной целью деятельности Крымского Совета Министров под председательством С. Крыма было воссоздание единой и сильной России, а также обязательное пребывание Крыма в ее составе.

Ключевые слова: государство, право, политика, Крымское краевое правительство С. Крыма.

Воссоединение Крыма с Российской Федерацией, осуществленное в марте 2014 г., опирается на давние исторические традиции. В периоды различных потрясений, происходивших в нашем государстве, население Крыма выражало волю и стремление быть в единстве с Россией и не отделяться от нее. Одним из таких периодов была гражданская война в России, охватившая также и Крымский полуостров.

За время гражданской войны в Крыму сменилось несколько правительств, за каждым из которых стояли определенные политические силы, в том числе и внешние. *Целью* настоящей работы является исследование и анализ основ внешнеполитического курса Крымского краевого правительства под председательством С. Крыма, основные цели его деятельности, которые были закреплены в декларации [1] указанного правительства.

Деятельность Крымского краевого правительства под председательством С. Крыма исследовали В.Г. Зарубин и А.Г. Зарубин [2; 3], А.Л. Копыленко [4], Ю.А. Полканов [5], М.Б. Кизилов [6], П.Н. Надинский [7]. Упоминания о работе Крымского краевого правительства содержатся в мемуарах А.И. Деникина [8] и М.М. Винавера [9].

Второе Крымское краевое правительство (ноябрь 1918 – апрель 1919 гг.) занимает особое место среди центральных органов управления в Крыму в соответствующий период нашей истории. Указанное обстоятельство можно объяснить следующими фактами.

Так, свои особенности имеет сам процесс формирования второго Крымского краевого правительства. Сформированное в июне 1918 г. при непосредственном участии командования немецких оккупационных войск краевое правительство С. Сулькевича к ноябрю того же года вызывало острое недовольство местного населения своей политикой [2, с. 98]. Надвигающееся поражение Германии в Первой мировой войне,

которое стало очевидным к ноябрю 1917 г., поставило командование немецких войск перед необходимостью эвакуации из Крыма. Эту эвакуацию немцы собирались провести в максимально спокойной обстановке, установлению которой явно не способствовала противоречивая политика правительства С. Сулькевича.

В сложившейся ситуации немецкое командование приняло решение устранить правительство С. Сулькевича и предоставить крымскому земству возможность самому сформировать новое правительство в соответствии с интересами и пожеланиями большинства жителей Крыма [2, с. 99]. Подобное решение, по мнению немецкого командования, должно было способствовать установлению необходимой ему для эвакуации спокойной политической обстановки.

14 ноября 1918 г. немецкий генерал Кош официально уведомил крымскую губернскую земскую управу об отстранении правительства С. Сулькевича от власти и о формировании земством нового правительства, которое приступило к своим обязанностям на следующий день [2, с. 100].

Новое крымское правительство, приступившее к работе 15 ноября 1918 г., возглавил С. Крым – старый земский деятель, гласный Таврического губернского Земского собрания с 1898 г. и депутат Государственной Думы Российской империи I и IV созывов. За период своей деятельности в Таврическом губернском Земском собрании С. Крым зарекомендовал себя перед крымским обществом как политик, знающий проблемы региона и предлагающий эффективные механизмы их решения [10–13]. В Государственной Думе С. Крым принимал участие в разработке положений аграрной реформы [14, с. 1754–1755], а также выступал за разрешение всех внутренних социальных конфликтов и противоречий исключительно в рамках правового поля, без применения вооруженной силы [14, с. 1943–1944].

Кроме того, во многом благодаря усилиям С. Крыма в Крыму в октябре 1918 г. был открыт Таврический университет [15, с. 5–15].

Вышеуказанные факты предопределили популярность С. Крыма среди местного населения, выразившего доверие и оказавшего поддержку новому крымскому правительству.

Большая часть членов Крымского краевого правительства (Совета Министров) под председательством С. Крыма, как и сам председатель, представляли российскую Конституционно-демократическую партию («Партию народной свободы»), что предопределяло политическую деятельность нового правительства. Так, одним из ключевых положений политической программы Конституционно-демократической партии, которое стремились реализовать крымские кадеты, было возрождение единой и сильной России [16, с. 89–92].

Первым нормативно-правовым актом крымского Совета Министров под председательством С. Крыма была Декларация, провозглашающая цели и устанавливающая основы деятельности нового правительства.

Декларация содержит оценку Крымским краевым правительством ситуации, сложившейся в России вследствие гражданской войны: «Близится окончание мировой войны, но Единая Великая Россия, создававшаяся в течение тысячи лет, более не существует. Россия раздроблена, и на большом ее протяжении преступные силы, разжигающие взаимную ненависть и низменные инстинкты, продолжают разрушение

основ права и культурной жизни... Расщепление и разруха России явились результатом анархии и взрывов диких страстей» [1, с. 171]. Рядом с указанными положениями Декларации содержались главные цели и задачи работы Крымского Краевого правительства: «В таких условиях правительство признает, что патриотический долг каждого гражданина и общенациональная задача состоит в стремлении к возрождению Единой России. На этой почве должно возникнуть объединение всех вновь возникших, пока еще разобщенных и дезорганизованных государственных образований <...> возрождение России невозможно без установления во всех отдельных частях ее порядка и законности и основанной на них свободы. К этой цели должны быть направлены общие усилия». Как видно из текста Декларации, основной задачей второго Крымского краевого правительства было содействие возрождению единой Великой России, неотъемлемой и неоспоримой частью которой является и Крым. Более того, Совет Министров призывал все народы и народности, населяющие Россию, в общем и Крым в частности, объединится в деле воссоздания единой и неделимой России: «Правительство убеждено, что счастье и благополучие отдельных народов не может покоиться на отрицании Единой России, на ее ослаблении и на попытках полного отделения от нее» [1, с. 172]. Завершается текст Декларации второго Крымского краевого правительства призывом к представителям всех слоев населения, независимо от социальной и национальной принадлежности, политической идеологии, объединить свои усилия в «в высоком порыве, в служении священному делу восстановления и возрождения нашей общей Родины» [1, с. 172–173].

Положения Декларации второго Крымского краевого правительства вызвали положительный отклик со стороны крымчан, разделявших идеи, закрепленные в документе.

К началу декабря 1918 г. сложилась благоприятная обстановка для поэтапной реализации идеи воссоздания единого государства путем объединения существовавших на юге России государственных образований. Этому способствовали военные и внутривластные успехи руководства Добровольческой Армии в регионе. Представители киевского правительства гетмана П. Скоропадского, Совета Министров Крыма и Добровольческой Армии планировали сплотить украинское, крымское, кубанское и донское правительства под одним управлением с целью дальнейшего объединения с другими государственными образованиями и воссоздания единой России. По инициативе С. Крыма, Симферополь предполагался в качестве места для проведения учредительного съезда. Осуществлению этих планов помешал очередной переворот в Киеве, произошедший 14 декабря 1918 г., когда украинский режим гетмана П. Скоропадского в Киеве был свергнут. Отдельные попытки политических партий (кроме большевиков) продолжения в регионе объединительного процесса также не достигли успеха [3, с. 112–113].

Кроме того, Совет Министров под председательством С. Крыма работал в условиях гражданской войны: рядом с полуостровом шли боевые действия. Собственных вооруженных сил для обороны у Крымского краевого правительства не было, поэтому их надо было привлекать извне. В сложившейся тогда ситуации единственными силами, которые могли бы оказать военную помощь крымскому Совету Министров в борьбе с большевиками, были Добровольческая Армия (позднее – Вооруженные Силы Юга России) и страны-участники Антанты, прежде всего Англия и Франция.

Тем более и Крымское Краевое правительство, и командующий Добровольческой Армией генерал А. Деникин конечной целью своей деятельности провозглашали воссоздание единой России и видели Крым только ее неотъемлемой частью.

Конференция с участием представителей российских антибольшевистских сил и Англии с Францией, прошедшая 15 ноября 1918 г. в Яссах, дала формальный повод указанным сторонам ввести свои войска в Крым, поскольку на ней было достигнуто соглашение о предоставлении союзниками военной помощи российским вооруженным силам, противостоящим большевикам.

В конце ноября 1918 г. флот Антанты вошел в Севастополь. На состоявшейся встрече командования эскадры с членами Крымского краевого правительства, которое в полном составе прибыло для встречи своих союзников, обе стороны выразили свою заинтересованность в сотрудничестве. При этом единственной официальной властью, признаваемой правительствами Англии и Франции в Крыму, была власть генерала А. Деникина [3, с. 108].

Как показали дальнейшие события, взаимоотношения командований Добровольческой Армии (Вооруженных Сил Юга России) и союзников из Антанты были достаточно специфическими, при этом они накладывали свой отпечаток на взаимоотношения краевого правительства, возглавляемого С. Крымом и союзников. По свидетельству М.М. Винавера, министра внешних сношений Крымского краевого правительства, штаб Вооруженных сил Юга России в Крыму находился в Симферополе, штаб сил Антанты – в Севастополе. Несмотря на это, командующий Вооруженных Сил Юга России и его начальник штаба в течение четырех месяцев не общались с командующим союзными войсками в Крыму. Иногда доходило и до открытых конфликтов. По свидетельству генерала А. Деникина, командование Вооруженных Сил Юга России планировало в конце декабря 1918 г. – начале января 1919 г. перенести свою Ставку в Севастополь, но натолкнулось на отпор со стороны командования сил Антанты [8, с. 426–427]. В тоже время сам А. Деникин вел прямую переписку со штаб-квартирами союзников в Одессе и Бухаресте, игнорируя крымскую гражданскую власть (Совет Министров). В этих посланиях он предлагал союзникам варианты действий в Крыму, подчеркивая, что именно Добровольческая Армия (Вооруженные Силы Юга России) является определяющей силой в Крыму, а Крымское краевое правительство не следует воспринимать всерьез. Однако командование вооруженных сил Антанты в регионе иногда само использовало противоречия между гражданской и военной властью в Крыму в собственных целях. Так, А. Деникин рассчитывал ввести в Крыму военное положение, но интервенты его не поддержали.

В январе 1919 г. начинает проявляться кризис в работе крымского правительства. Причиной этому послужили осложнения в продовольственной, аграрной и иных сферах. Но наиболее губительной для правительства С. Крыма стала политика командования Добровольческой Армии. Ставя перед собой одну цель – воссоздание великой России – Крымское краевое правительство и командование Вооруженных Сил Юга России по-разному видели способы ее достижения. Совет Министров под председательством С. Крыма изначально провозглашал и устанавливал различные демократические ценности (свободу слова, собраний, неприкосновенность собственности и так далее), его члены занимались подготовкой проведения выборов представительный орган – крымский

сейм, разрабатывая соответствующее законодательство [17; 18]. Несмотря на либерально-демократический характер такой деятельности, она явно не отвечала объективным условиям реальности, то есть гражданской войны. Иначе действовала Добровольческая Армия. Занимаясь поиском и уничтожением большевиков и им сочувствующих, ее солдаты и офицеры часто устраивали террор местного населения, вызывая, в свою очередь, еще большую неприязнь к себе. Правительство фактически потеряло контроль над ситуацией. В феврале под давлением командования Вооруженных Сил Юга России Совет Министров под председательством С. Крыма начал отменять собственные демократические введения и идти на нехарактерные ему реакционные меры [19]. 7 февраля 1919 г. Крымское краевое правительство приняло постановление «О борьбе с большевиками», на основании которого было сформировано Особое совещание из министров Крымского Краевого правительства и представителей штаба Вооруженных Сил Юга России армии, получившее право применять репрессии против тех, кто будет признан несущим угрозу общественной безопасности и правопорядку.

В марте 1919 г. политический кризис достиг своего пика. Крупные забастовки прокатились по крымским городам, в том числе по Севастополю, где стояли войска Антанты. Их командованию пришлось вывести солдат на улицы для предотвращения распространения беспорядков. В это же время с севера на Крым наступали большевики. К концу месяца союзники все же откликнулись на просьбу правительства предоставить войска для укрепления Перекопа и направили туда трехтысячный греческий отряд. Но ситуацию это уже спасти не могло. 4 апреля 1919 г. части Первой Заднепровской советской стрелковой дивизии вошли на территорию Крыма.

10 апреля С. Крым вместе с другими министрами, членами Крымского краевого правительства, прибыл в Севастополь под защиту вооруженных сил Антанты с дальнейшей целью покинуть полуостров. Однако командование интервентов поставило перед членами крымского правительства условие, которое во много характеризует истинное отношение представителей Англии и Франции к воссозданию единой России вообще и к Крымскому Краевому правительству в частности. Так, командующий сухопутными силами Антанты в Крыму, полковник Труссон, заставил крымских министров отдать все подготовленные к вывозу ценности, а также около семи миллионов рублей, пригрозив в противном случае не выпустить их из Крыма. После выполнения этого условия, 15 апреля 1919 г. С. Крым с членами возглавляемого им правительства на греческом судне «Надежда» навсегда покинул полуостров [20].

На основании вышеизложенного историко-правового материала можно сделать следующие выводы и обобщения.

Крымское краевое правительство под председательством С. Крыма было сформировано при поддержке большей части крымского населения. Провозглашенные в Декларации правительства задачи и цели его деятельности отвечали интересам большей части крымчан.

Основной целью работы Крымского краевого правительства под председательством С. Крыма было содействие воссозданию единой России, неотъемлемой частью которой должен быть Крым.

Для решения поставленных задач и достижения целей крымский Совет Министров обратился за помощью к командованию Добровольческой Армии и вооружен-

ных сил Антанты в Крыму. Имея общую цель, Крымское Краевое правительство и командование Добровольческой Армии видели ее достижение разными, иногда взаимоисключающими способами, что приводило к конфликтам между ними.

Уступая давлению командования Вооруженных Сил Юга России, Крымское краевое правительство изменило свою либеральную внутреннюю политику и пошло на деятельность реакционного характера, вследствие чего потеряло значительную часть своих сторонников в Крыму.

Конфликты между правительством С.С. Крыма, командованием Вооруженных Сил Юга России и представителями Антанты приводили к частой несогласованности их действий, что привело к занятию большей части Крыма большевиками и падению власти Крымского краевого правительства. Второе Крымское краевое правительство перестало существовать, дело воссоединения России пришлось продолжать уже другим силам.

Список литературы:

1. Декларация Крымского правительства Соломона Крыма // Копиленко О.Л. Конституція Автономної Республіки Крим: проблеми прийняття, затвердження, реалізації / О.Л. Копиленко. – К., 2001. – С. 171–173.
2. Зарубин В.Г. Соломон Крым и второе Крымское краевое правительство / В.Г. Зарубин // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 10. – С. 97–108.
3. Зарубин А.Г. Второе Краевое правительство к «единой и неделимой» / А.Г. Зарубин, В.Г. Зарубин // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 20. – С. 107–146.
4. Копиленко О.Л. Конституція Автономної Республіки Крим: проблеми прийняття, затвердження, реалізації / О.Л. Копиленко. – К., 2001. – С. 36–173.
5. Полканов Ю.А. Забытое имя – Соломон Крым / Ю.А. Полканов // Крымская правда. – 1993. – № 11. – С. 4.
6. Кизилов М.Б. Караим Соломон Крым: жизнь и судьба / М.Б. Кизилов // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 10. – С. 86–96.
7. Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма : в 2 ч. / П.Н. Надинский. – Симферополь : Крымиздат, 1957–. – Ч. 2. – 1957. – 303 с.
8. Деникин А.И. Очерки русской смуты : в 5 т. / А.И. Деникин. – М., 2005–. – Т. 5. – 2005. – 631 с.
9. Винавер М.М. Наше правительство / М.М. Винавер. – Париж, 1928. – 225 с.
10. Журналы заседаний Таврического губернского земского собрания XXXII сессии. – Симферополь. – 1898. – 251 с.
11. Журналы заседаний Таврического губернского земского собрания XXXIV сессии. – Симферополь. – 1900. – 177 с.
12. Журналы заседаний Таврического губернского земского собрания XXXV сессии. – Симферополь. – 1901. – 630 с.
13. Журналы заседаний Таврического губернского земского собрания XXXVI сессии. – Симферополь. – 1902. – 507 с.
14. Стенографические отчеты : в 2 т. // Сессия первая. Государственная Дума. Том II., СПб., 1906–. – Т. 2. – С. 1754–1944.
15. Маркевич А.И. Краткий исторический очерк возникновения Таврического университета / А.И. Маркевич // Крымский архив. – 2000. – № 6. – С. 4–16.
16. Программа партии Народной свободы (Конституционно-демократической) // Кувшинов В.А. Программа политической партии кадетов / В.А. Кувшинов // Вопросы истории КПСС. – 1991. – № 8. – С. 89–95.
17. Государственный архив Республики Крым (ГАРК)ч. – Ф. Р. – 1000. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 2–14.
18. ГАРК. – Ф. Р. – 1000. – Оп. 4. – Д. 4. – Л. 1–17.
19. ГАРК. – Ф. Р. – 1000. – Оп. 1. – Д. 125. – Л. 3–16.
20. ГАРК. – Ф. Р. – 1000. – Оп. 4. – Д. 20. – Л. 1–4.

Сорокін Р. О. Відтворення єдиної Росії як основна мета діяльності кримської крайової уряду під головуванням С. Крима / Р. О. Сорокін // Вчені записки Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського. Серія: Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 36-42.

Стаття містить дослідження й аналіз цілей роботи Кримського крайового уряду С. Крима, закріплених у його декларації. Зроблено висновок про те, що головною метою діяльності Кримської Ради Міністрів під головуванням С. Крима було відтворення єдиної і сильної Росії, а також обов'язкове перебування Криму в її складі.

Ключові слова: держава, право, політика, Кримський крайовий уряд С. Крим.

RECREATION OF UNITED RUSSIA AS THE MAIN OBJECTIVE OF THE CRIMEAN REGIONAL GOVERNMENT UNDER THE CHAIRMANSHIP OF SOLOMON KRYM

Sorokin R. A.

*Taurida National University named after V. I. Vernadsky
Simferopol*

The article contains research and analysis work purposes Crimean Regional Government of Solomon Krym, enshrined in its Declaration. It is concluded that the main objective of the Crimean Council of Ministers, chaired by Solomon Krym was the recreation of a united and strong Russia, as well as a mandatory stay of Crimea in its composition.

Key words: state, law, policy, Crimean Regional Government of Solomon Krym.

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Шармоянц А. Н.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

Статья посвящена рассмотрению особенности конституции Республики Крым после вхождения в состав Российской Федерации. Сопоставляются между собой уставы республик Российской Федерации как по содержанию, так и по структуре. Анализируется практика принятия законов, детализирующих конституции как в Республике Крым, так и в других республиках Российской Федерации. Рассматривается практика использования в Республике Крым и других республиках Российской Федерации конструкции, при которой совмещается должность главы республики и председателя правительства.

Ключевые слова: республика, конституция, устав, статус.

Постановка проблемы. После вхождения Республика Крым в состав Российской Федерации статус республики претерпел существенные изменения. В Конституции Республики Крым, принятой 11 апреля 2014 года, республика получила такой уровень полномочий, о котором можно было только мечтать в унитарной Украине. Однако такие изменения на фоне возросшей ответственности и сжатых сроков налагают на органы власти республики и более серьезные требования в части качества принимаемых правовых актов, необходимости гармонично интегрироваться в правовое пространство Российской Федерации.

Целью статьи является рассмотрение особенности новой конституции Республики Крым после вхождения в состав Российской Федерации. Подобный анализ до сих пор не проводился.

Изложение основного материала исследования. Статус Республики Крым определяется Конституцией Российской Федерации и Конституцией Республики Крым, принятой 11 апреля 2014 года [1]. В соответствии с Конституцией РФ положения конституции (устава) субъекта РФ должны соответствовать основам ее конституционного строя, Федеральному закону «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и другим федеральным законам [2].

Конституция РФ, наряду с системой разграничения сфер правового регулирования федерации и регионов, закрепляет за субъектами федерации широкий объем полномочий, а именно: самостоятельно устанавливать систему органов государственной власти; взаимно делегировать полномочия (ч. 2 и 3); устанавливать права субъектов в отдельных сферах жизни (ст. 68); иметь своих представителей в Совете Федерации; обращаться в Конституционный Суд с запросом о толковании Конституции Российской Федерации (ч. 5 ст. 125) и проверке конституционности положений подведом-

ственных ему актов; согласовывать вопрос о назначении прокурора субъекта Федерации (ч. 3 ст. 129); одобрять поправки к гл. 3–8 Конституции (ст. 136) и так далее. Однако осуществление указанных полномочий регламентируется самой Федерацией, в том числе путем определения пределов их ведения [3]. К одной из особенностей конституционно-правового статуса республики в составе РФ от других субъектов РФ относится право республики устанавливать государственный язык.

Эти положения получили свое закрепление в принятой Конституции Республики Крым. По своей структуре она состоит из десяти глав и не существенно отличается от аналогичных конституций других республик РФ. В ней воспроизводятся основные принципы основ конституционного строя, правового статуса личности, федеративного устройства, закрепленные в Конституции Российской Федерации. Таким образом, обеспечивается распространение правовых норм Конституции РФ на уровень субъектов, что обеспечивает единство и целостность правовой системы государства.

Республика Крым провозглашается демократическим правовым государством в составе Российской Федерации, однако государственный характер Республики Крым не означает признания ее суверенитета в современном конституционном и международно-правовом значениях этого качественного состояния (свойства) государства. Следует отметить, что не все республики, входящие в состав Российской Федерации, называют себя государствами. Республики Алтай, Калмыкия, Хакасия в конституциях провозглашаются просто субъектом Российской Федерации без указания на статус правового государства в составе РФ.

В Республики Крым имеется конституционно-правовая система, состоящая из конституции республики, республиканских законов и других нормативно-правовых актов, а также договоров и соглашений республики, актов о делегировании полномочий, а также своя система органов государственной власти состоящая из таких органов:

- Главы Республики Крым – высшего должностного лица и главы исполнительной власти Республики Крым;
- Государственного Совета Республики Крым – высшего законодательного (представительного) органа государственной власти Республики Крым;
- Совета министров Республики Крым – высшего исполнительного органа государственной власти Республики Крым;
- иных исполнительных органов государственной власти Республики Крым.

В устройстве органов государственной власти республики Конституцией Республики Крым предусматривается возможность по усмотрению Главы Республики Крым совмещать свою должность с должностью Председателя Совета министров Республики Крым. Даная конструкция не нова в устройстве органов государственной власти республик и применяется с незначительными модификациями во многих республиках. Как правило, совмещение должности главы республики и председателя правительства императивно закреплено в конституциях республик (Бурятия, Карелия, Коми, Тыва, Марий Эл, Хакасия, Алтай, Саха (Якутия)), возможность же выбора совмещать или нет должности, как и в Конституции Республики Крым, присутствует только в Конституции Чеченской Республики. В остальных республиках РФ (Чувашия, Дагестан, Мордовия, Северная Осетия-Алания, Калмыкия, Башкортостан, Карачаево-Черкессия, Татарстан, Кабардино-Балкария, Ингушетия, Адыгея, Удмуртия) председатель правительства назначается главой республики с одобрения парламента республики.

Сопоставление между собой конкретных уставов республик позволяет выявить многообразие в подходах их составителей как к содержанию уставов, так и к их структуре. В первую очередь обращает на себя внимание различие в объеме уставных документов. Например, Конституция Республики Калмыкия состоит из 48 статей, а Конституция Республики Алтай – из 7 разделов, 18 глав и 151 статьи. Для сравнения отметим, что в Конституции Республики Карелия всего 76 статей, Республики Коми – 103 статьи, Республики Хакасия – 10 глав и 135 статей, Республики Чувашия – 10 глав и 105 статей, Республики Дагестан – 11 глав и 105, Республики Мордва – 10 глав и 112 статей, Республики Северная Осетия-Алания – 10 глав и 111 статей, Республики Башкортостан – 2 раздела 11 глав и 126 статей, Республики Татарстан – 7 разделов и 126 статей, Чеченской Республики – 9 глав и 112 статей. Такое различие в объеме конституций объясняется тем, что ряд нормотворческих органов республик в рамках конституций не всегда считают целесообразным детализировать правоотношения по некоторым сферам функционирования субъекта федерации. По этой причине в содержании многих уставов имеются указания на необходимость принятия отдельных законов.

Конституция Республика Крым состоит из 10 глав и 95 статей, в которых существуют указания на необходимость принятия отдельных законов и постановлений, а именно: о статусе государственных языков Республики Крым (ст. 10); о пользовании и распоряжении землей и другими природными ресурсами в Республике Крым (ст. 29); о государственном флаге, гербе и гимне Республики Крым (ст. 60); о статусе столицы Республики Крым (ст. 60); о выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым (ст. 70); о статусе депутата Государственного Совета Республики Крым (ст. 71, 80); о счетной палате Республики Крым (ст. 73); регламент Государственного Совета Республики Крым (ст. 73, 81); об обнародовании законов Республики Крым (ст. 79); о местном самоуправлении в Республике Крым (ст. 88, 92) и другие. Многие из названных законов на момент проведения исследования уже приняты. В зависимости от того, насколько детализирована конституция той или иной республики зависит и количество указаний на необходимость принятия отдельных законов.

Анализ практики принятия законов, детализирующих конституции как в Республике Крым, так и в других республиках Российской Федерации, позволяет заключить, что правовой статус этих законов ниже конституционного и для внесения изменений в законы необходима такая же процедура, как и для принятия обычных законов, что в свою очередь, несмотря на их важность, понижает их правовую значимость и делает правовую систему Республики менее стабильной и устойчивой. Обычные же законы республик принимаются как и поправки к ним, в отличие от уставов не 2/3 от предусмотренного уставом числа депутатов, а большинством (пп. 1, 2 ст. 7 Федерального закона № 184-ФЗ) [4]. Как нам представляется, правовой статус таких отдельных законов, учитывая значимость регулируемых ими отношений, должен быть таким же, как и у Конституции Республики Крым, соответственно, процедура принятия и внесения изменений в них должна осуществляться также 2/3 от предусмотренного Конституцией Республики Крым числа депутатов.

Выводы. Таким образом, в новой Конституции Республика Крым получила такой уровень полномочий, о котором можно было только мечтать в унитарной Украине, а именно: право принимать законы, устанавливать государственный язык, устанавли-

вать свою систему органов государственной власти и гораздо больший объем полномочий, предусмотренный системой разграничений полномочий между центральными органами власти и республикой. Однако больший объем полномочий возлагает и больше ответственности за регион, бросает новые вызовы. Правовому пространству республики предстоит пройти в кратчайшие сроки путь, на который другие республики РФ потратили более двух десятилетий. Конституция Республики, не смотря на такие сжатые сроки и множество других сложностей при ее создании и принятии, не существенно отличается от других республик РФ и гармонично вписывается в правовое пространство Российской Федерации.

Бесспорно, это только начало долгого пути, и законодательному органу республики еще предстоит как принять множество отдельных правовых актов, детализирующих конституцию, так и вносить изменения в саму конституцию, совершенствуя правовой статус республики. В рамках этой деятельности необходимо учитывать опыт других республик РФ для решения не только проблем, которые уже возникли, но и предотвращать появление новых.

Список литературы:

1. Конституция Республики Крым от 11.04.2014 г. // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162130.
2. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.
3. Конституция Российской Федерации от 12. 12. 1993 г. – М. : Юрид. лит., 1993. – 96 с.
4. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (с изм. и доп.) // Российская газета. – 1999. – № 43.

Шармоянц А. Н. Особливості Конституції Республіки Крим / А. Н. Шармоянц // Вчені записки Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського. Серія: Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 43-46.

Стаття присвячена розгляду особливості конституції Республіки Крим після входження до складу Російської Федерації. Зіставляються між собою статuti республік Російської Федерації як за змістом, так і за структурою. Аналізується практика прийняття законів, що деталізують конституції як у Республіці Крим, так і в інших республіках Російської Федерації. Розглядається практика використання в Республіці Крим та інших республіках Російської Федерації конструкції, за яких поєднуються посада глави республіки та голови уряду.

Ключові слова: республіка, конституція, статут, статус.

FEATURES OF THE CONSTITUTION OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

*Sharmoyants A. N.
Taurida National University named after V. I. Vernadskiy,
Simferopol*

The article considers the features of the Constitution of the Republic of Crimea after joining the Russian Federation. Compared with each other statutes republics of Russia, both in content and structure. The practice of adopting laws detailing how the constitution of the Republic of Crimea, and in other republics of the Russian Federation. We consider the use in practice of the Republic of Crimea and other republics of the Russian Federation with the design that combines the position of head of the republic and the prime minister.

Key words: republic, constitution, statute, status.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

УДК 343.8

ЗЕМЕЛЬНОЕ И АГРАРНОЕ РЕЙДЕРСТВО В КРЫМУ

Герасименко В. А.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

В статье «Земельное и аграрное рейдерство в Крыму» рассматриваются понятие и суть рейдерства как опасного явления, приносящего ущерб экономике Крыма и Российской Федерации, и являющееся фактически самостоятельным видом высокодоходной криминальной деятельности, носящий организованный характер. Исследуются основные виды рейдерства и их различие. На примерах рейдерских атак на агропромышленные предприятия (НПАО «Массандра»), земельные участки («Красного камня», «Массандры», «полян протеста», «самозахватов») и производимую сельскохозяйственную продукцию АО в Крыму, анализируются причины, методы и способы осуществления рейдерства и предлагаются рекомендации и меры по предупреждению и борьбе с ним.

Ключевые слова: рейдерство, земельные участки, «белое рейдерство», «серое рейдерство» и «черное рейдерство».

Экономисты и юристы в своей практической деятельности могут встретиться с таким явлением, как рейдерство. Они могут участвовать в нем с обеих сторон, с какой-либо корыстной целью или без неё, осуществляя рейдерские атаки или противодействуя им. Они также, защищая свое промышленное или сельскохозяйственное предприятие, обязаны упреждать рейдерский захват. Поэтому экономисты и юристы должны знать суть этого явления и его причины, способы его осуществления, меры предупреждения и борьбы с ним.

Тема «рейдерства» остается одной из самых популярных в СМИ, в деловых и политических кругах. Поскольку рейдеры наносят урон имущественным интересам конкретных собственников. Рейдерство – это опасное явление для всей экономики страны, существенно снижающее ее инвестиционную привлекательность. В настоящее время ущерб от рейдерства для экономики Российской Федерации по различным экспертным оценкам достигает от 20 до 50 млрд долларов ежегодно. Современное российское рейдерство – это фактически самостоятельный вид высокодоходной криминальной деятельности, которая нередко носит организованный характер (планирование преступной деятельности, разделение ролей, получение доходов, наличие источников финансирования и тому подобные) и сопряжена с коррупционными злоупотреблениями в правоохранительной, судебной, чиновничьей и предпринимательской среде.

Официального законодательного определения понятий «рейдер» и «рейдерство», то есть иностранного «гринмейл» в Российской Федерации нет. Тем не менее, все чаще о них говорят как о самостоятельных юридических категориях. Определяет-

ся «рейдерство» исключительно на основании косвенных признаков и по аналогии с тем, что называют «рейдерством» за рубежом. Английское слово *raid* означает внезапное нападение, налет. А само слово «рейдер» означает «налетчик», «захватчик». В самом общем виде, «рейдерский захват» – это недружественное поглощение бизнеса.

В классическом виде рейдерство появилось с введением в оборот акций, которые существуют исключительно в капиталистической экономике. Благодаря свободно обращающимся на рынке акциям появилась возможность приобретения компании без согласия её фактического владельца. Рейдерство – поглощение предприятия против воли его собственника или руководителя. При этом рейдерством на Западе называют как обычное и совершенно законное приобретение компании без согласия фактического собственника и менеджмента, так и силовой захват с целью смены собственника.

Таким образом, существует законное и незаконное рейдерство. На Западе криминального оттенка в понятии рейдерства нет. Законное рейдерство во всех странах – высокоинтеллектуальный юридический бизнес. Он разрешён, контролируемый и регулируемый законом

Рейдерство характерно для стран с переходной экономикой, такой, какой является Российская Федерация. В ней открывается возможность стать миллиардером, за бесценок «приватизировав» стратегическое предприятие или целую отрасль. Условия для рейдерства создаются в тот момент, когда предприятие незаконным путём приватизируется и через процедуры банкротства предприятия со стоимостью активов в миллиарды долларов были куплены за миллионы (ЗИЛ – 4 миллиона долларов, Уралмаш – 3,72 миллиона).

Размах рейдерства возрос в начале XXI века и доминирует среди поглощений: в 2002 году в России состоялось 1870 поглощений, из них три четверти (76 %) недружественных. С 2004 по 2007 год сумма недружественных сделок возросла более чем в четыре раза [6].

Только за 2008 год МВД зарегистрировало более 3000 обращений о рейдерских захватах [7].

Большая часть громких скандалов, связанных с рейдерскими атаками на крупнейшие стратегические предприятия, отгремели до 2005 года и представляются СМИ, как вершина российского рейдерства.

С ними были связаны жёсткие заявления представителей ЕС и российского правительства, что повлекло с их стороны ряд кардинальных мер. В том числе были приняты законы, вносящий поправки в ряд основных законодательных актов – АПК, законы «Об акционерных обществах», «О рынке ценных бумаг», поправки в УК РФ от 5 июля 2010 год, которые называют «Антирейдерские законы».

В Российской Федерации сегодня существуют оба вида рейдерства. Первое, легальное, законное недружественное поглощение, которое даже полезно для российской национальной экономики, поскольку выбивает с рынка неэффективный менеджмент и собственников. В российской практике существуют несколько законных способов лишить владельца контрольного пакета управления акционерным обществом, а также много существенно отличающихся от рейдерской практики в других странах [10]:

- (законный) владелец контрольного пакета добровольно продаёт свои акции;
- (законный) собрание акционеров принимает решение о дополнительном выпуске акций, и захватчик приобретает их;
- (законный) акционер лишается своих акций за долги в силу судебного решения;
- подкуп генерального директора общества с выводом активов из компании;
- подкуп генерального директора общества с продажей им контрольного пакета акций;
- проведение акционерного собрания без кворума с решениями о назначении нового руководства и дополнительном выпуске акций, после которого контрольный пакет переходит к рейдеру;
- незаконный перевод акций реестродержателем;
- подделка соглашения о продаже акций с предъявлением его в реестре;
- подделка долгового обязательства с предъявлением его в суде и получение решения о взыскании;
- подкуп генерального директора с формированием фиктивной задолженности;
- подкуп генерального директора с доведением компании до банкротства;
- путём оспаривания приватизации: условия для такого рейдерства создаются в тот момент, когда предприятие приватизируется незаконным путём.

А второй, бандитский захват, при котором неизбежно нарушается закон, и сознательно задействуются уголовные элементы, а также допускается насилие против личности.

Сегодня рейдерство от господства в промышленности перемещается в агропромышленный комплекс и сельское хозяйство. Для земельного и аграрного рейдерства в Российской Федерации характерны несколько его видов. С целью упорядочить многообразные способы рейдерства, учесть особенности его осуществления отразить, насколько оно недружественное, Современное российское рейдерство принято разделять на три разновидности рейдерских атак: «белое», «серое» и «черное» рейдерство. Деление это весьма условно.

– белое рейдерство – (западный вариант) в рамках закона, легальный М&А (слияние и поглощение-синоним рейдерства в западном понимании), посредством, например, организации забастовок или проверок контролирующими органами.

– серое рейдерство – с нарушением гражданско-правовых норм, поглощение посредством подкупа должностных лиц, подделки документов (более мягкий вариант);

– чёрное рейдерство – с нарушением уголовного законодательства [9], криминализированный, насильственный метод захвата (подкуп, шантаж, силовой вход на предприятие, подделка реестра акционеров);

Первый вид – «белое рейдерство» – легальная деятельность как бизнес. Рейдер действует исключительно по закону, используя оставленные законодателем дыры, организовывает скупку акций или долгов предприятия, пытается временно ухудшить его экономическое и финансовое положение, удешевив его акции, ищет прорехи в уставе и так далее. По мнению некоторых исследователей, в России основная масса «белой» рейдерской деятельности сводится к корпоративному шантажу, то есть созданию с помощью миноритарного пакета акций помех для нормальной работы предприятия в расчёте на то, что руководство компании выкупит этот пакет по за-

вышенной цене, чтобы избавиться от шантажиста. Слабость российских правовых норм и процедур (например, само понятие «поглощение» отсутствует в гражданском и корпоративном законодательстве РФ[8]) приводит к предпочтительности других видов рейдерства, если целью является захват предприятия.

– Суть этого рейдерства заключается в том, что миноритарием применяется корпоративный шантаж собственника с целью более дорогой продажи своих акций. А затем их перепродажа с целью получения прибыли. На Западе такие действия именуются «**гринмейлом**» и отделяется от рейдерства как такового, поскольку считается, что целью рейдера является не получение прибыли от перепродажи акций, а установление полного контроля над бизнесом.

Однако в Российской Федерации зачастую бывает невозможно различить цель, преследуемую рейдерами, тем более, что она может меняться. Приобретая миноритарный пакет, рейдеры, как правило, хотят захватить весь бизнес. Но если атака по каким-либо причинам срывается, они могут удовлетвориться получением прибыли от перепродажи мажоритария втроедорога, приобретённого пакета акций, ликвидировав базу конфликта.

Второй вид – «серое рейдерство». Здесь уже речь идёт о балансировании на грани закона, однако, как правило, эта грань переходится. Для «серого рейдерства» характерно использование фальсифицированных документов, двойного реестра, незаконного собрания акционеров. Естественно, здесь есть простор и для коррумпирования судей.

Третий вид – «черное рейдерство». Это откровенно силовой, явно незаконный захват собственности. Силовой **рейдерский захват предприятия** сопровождается букетом уголовных преступлений. Ими обеспечивается силовой захват чужой собственности, а их собственники становятся жертвами угроз, шантажа, фальсификации документов.

«Черное рейдерство» идёт рука об руку с бандитизмом. Здесь тоже используются фальсифицированные документы и прочие методы «серого рейдерства», но значительно больше внимания уделяется коррумпированию чиновников разного рода администраций, министерств, представителей правоохранительных органов, судей. Фактически, коррупция – питательная среда и базис «чёрного рейдерства».

Однако помимо коррупционных незаконных и не правосудных решений, «черное рейдерство» характеризуется обязательным применением физического насилия для реального воплощения этих решений в жизнь.

Следует отметить, что в Российской Федерации грань между «белыми», «серыми» и «чёрными» рейдерами предельно размыта.

Несовершенство законодательства приводит к тому, что первоначально проведённая в «белых перчатках» операция, которую можно было бы и вовсе считать «гринмейлом», требует для своего завершения «серых» и «чёрных» методов. Именно поэтому в российском обществе в последнее время рейдерство и бандитизм стали синонимами.

К основным методам рейдерства можно отнести:

– мошенничество, то есть поглощение посредством взяток, подкупов, подделки документов;

- «гринмейл» – психологическое давление (квазизаконный метод);
- банкротство;
- силовой захват;
- административный ресурс (местные или федеральные власти);
- акционерный капитал (приобретение до 15% акций – собрание собственников – смена руководства);
- наёмное руководство;
- путём оспаривания приватизации (когда предприятие приватизируется незаконным путем);
- через кредиторскую задолженность (рейдер скупает мелкие задолженности предприятия и предъявляет их к единовременной оплате).

В сельском хозяйстве рейдеры в своей деятельности используют различные условия, схемы и методы. Наиболее часто используются следующие:

1. Несовершенство российского корпоративного права, высокая коррумпированность бюрократии и правоохранительных органов.
2. Устранение неугодного менеджмента. Покупка долгов предприятия, его искусственное банкротство или начало процедуры санации.
3. Скупка земельный паев и заключение двойной аренды земельного участка.
4. Скупка миноритарных пакетов акций, на фондовом рынке или непосредственно у мелких держателей, с целью создания контрольного пакета.
5. Использование миноритарного пакета и неправосудных судебных решений, определяющих, что добросовестный акционер вообще акционером не является, не может принимать участия в собрании акционеров и т.д., для размывания контрольного пакета.
6. Манипуляции с реестрами собственников.

Детально рассматривая указанные способы и методы земельного и аграрного рейдерства в Крыму, которые аналогично применялись как при действии украинского законодательства, так и при действии российского законодательства, можно отметить некоторые особенности.

1. Во-первых, как указано выше, одно из благоприятных условий рейдерства в сельском хозяйстве Крыма, является несовершенство российского и украинского корпоративного права, высокая коррумпированность бюрократии и правоохранительных органов, которые делают возможным бандитский захват практически любого промышленного и сельскохозяйственного предприятия, независимо от формы собственности, легитимности приобретения, качества оформления уставных документов, реестра акционеров и иных документов, а также от эффективности менеджмента.

Ярким примером «серого рейдерства» являются рейдерские атаки в сельском хозяйстве Крыма при попытках захватить земли жемчужины винной отрасли – Национальное производственно-аграрное объединение «Массандра» (НПАО «Массандра»). Круг влиятельных лиц и правоохранителей, замешанных в попытках урвать лакомый кусочек знаменитых виноградников, с каждым годом все растет. Цена вопроса очень высокая. Охотятся некоторые представители власти за 4120 гектаров земель под виноградниками близ моря при самом минимальном «тарифе», превышающие стоимость 100 млн долларов США.

Самые очевидные способы стать властелином хотя бы маленького кусочка этой золотой земли – прибрать «Массандру» целиком, что сложнее всего, или же сначала разделить ее на части, а потом уже либо довести «до ручки», то есть до банкротства, либо просто передать в частные руки путем приватизации.

Уничтожить и разобрать «Массандру» по деталям рейдеры пытались не менее восьми раз. Даже после присвоения производственно-аграрному объединению в 1999 году охранный статуса «национальное» и принятия позднее закона «О структуре, полномочиях и особенностях правового и экономического режима имущественного комплекса Национального производственно-аграрного объединения «Массандра»» не стали преградой против покушений на бесценную землю этого предприятия. Украинское и Крымское правительство демонстративно грозились, что не допустят никакого «дербана» земель «Массандры». Говорят о принятии моратория на отчуждение земель госпредприятия, но выглядит все наоборот. Процесс рейдерства продолжается.

Один из способов рейдерского захвата – это перевод предприятия или целого комплекса, или отрасли под полное руководство органа власти. Что и рассматривается как «захват предприятия». Все многолетние действия органов государственной власти Крыма и Украины в отношении «Массандры» именно этим и отличаются.

Например, в 2003 году профильный комитет Верховной Рады пытался вывести из состава объединения «Массандра» государственные предприятия «Гурзуф» и «Ливадия», однако Президент Леонид Кучма смог отстоять неприкосновенность национального достояния Украины. В декабре 2005 года экс-министр аграрной политики Александр Баранивский также попытался прибрать к рукам винную «золотую жилу». Схема была довольно простой: разделяй и властвуй. Именно министр подписал приказ, в соответствии с которым каждый из девяти государственных совхозов-заводов НΠΑО становился самостоятельным юридическим лицом с отдельным уставом, расчетным счетом, печатью и прямым подчинением Минагропрому. В течение 2008–2010 годов прокуратура уже выявляла попытки отобрать у предприятий объединения «Массандра» земельные участки, предназначенные для развития виноделия. Прокуратура до сих пор неустанно шьёт дела, ежегодно арестовывает и отправляет в «командировки» в места не столь отдаленные чиновников, предпринимателей и депутатов, причастных к масштабному грабежу госимущества. Однако это никого не останавливает. Если произойдет передача «Массандры» под крыло Совмина, тогда уже на эту землю никто не посягнет, если чиновники этого не захотят. И ни прокуратура, ни КРУ, ни СБУ просто к ним не подкопаются.

2. При другом способе рейдерства, используется выявление недостатков на предприятии, устранение неугодного менеджмента и искусственное банкротство.

Ярким примером устранения неугодного менеджмента применялось ив рейдерской атаке на «Массандру». На «Массандре» прокуратура вдруг обнаружила массу нарушений на предприятии. В частности, 5 сентября 2010 государственной винодельческой компании выдвинули обвинение в использовании средств госбюджета на рекламу частных фирм, торгующих ее продукцией. В деятельности национального винодельческого объединения «Массандра» сотрудники Контрольно-ревизионного управления обнаружили нарушений на 4,4 млн долл. Среди нарушений – незаконное списание автотехники на металлолом (были списаны автомобили «КАМАЗ» и

Mitsubishi). «Массандра» тратила средства на благотворительность, несмотря на то, что эта статья расходов предусмотрена в бюджете не была. Завышены нормы списания материалов при проведении строительных работ. Основная сумма нарушений выявлена в процедурах закупки оборудования. «Массандра» без проведения тендеров заключила 9 договоров на 3,2 млн. долларов. Коррупционная схема была выявлена при реализации продукции предприятия. Руководство «Массандры» продало своей продукции на 115 тысяч долларов по ценам ниже рыночных. По «серым» схемам реализовывалось и коллекционное вино – сумма недополученной официальной прибыли превышает 1 млн долларов. В КРУ также обнаружили тот факт, что «Массандра», пользуясь монопольным правом установки цен на закупочную продукцию, вынуждала государственные винсовхозы продавать виноматериал предприятию по цене ниже себестоимости. По результатам ревизии 4 должностных лица НВАО «Массандра», в частности генеральный директор, привлечены к административной ответственности. Материалы ревизии переданы в прокуратуру Крыма. Вполне вероятно, что вхитрой схеме захвата «Массандры» многие чиновники в доле, поэтому «Массандру» так и трясет ежеминутными проверками, арестами и нарушениями.

Проблема исполнительной власти Крыма даже не в том, что она хочет что-то присвоить себе, так как это еще не факт. Проблема в том, что она не может противостоять земельным махинациям.

Рейдерскими атаками, а тем более на Южном Берегу Крыма, сегодня мало кого удивишь. Захватывают все: дворцы, памятники архитектуры, лакомые кусочки земли у «самого синего» Черного моря.

Примером «черного» рейдерства является история с Аквапарком в Коктебеле. Это лакомый объект – земельный участок в 4 гектара, расположенный в 30 метрах от моря, стоимостью примерно четыре миллиона долларов США...

Первую атаку в Аквапарке собственники отбили собственными силами.

Она происходила следующим способом. Одно из должностных лиц Аквапарка в Коктебеле задержали правоохранительные органы при получении взятки в размере 7,8 тыс. грн. Сумму «просили» за подписание договора об аренде с предпринимателем. Прокуратура Феодосии возбудила дело, однако по непонятным причинам его истребовала Прокуратурой АР Крым, и после ознакомления один из высокопоставленных сотрудников крымской прокуратуры незаконно передал дело в прокуратуру Кировского района Крыма.

Разбираясь с документацией, выяснилось, что подобных фактов с договорами аренды было немало, как в текущем, так и в прошлые годы. Обнаружились договора с заниженными суммами арендной платы. Таким образом, по словам директора В. Изотова, аквапарк недосчитался средств, которые могут исчисляться сотнями тысяч гривен. Предприятие имеет солидные обороты, но есть и слабое место – солидный кредит в банке. В этих обстоятельствах возможная схема «захвата» могла бы выглядеть следующим образом. Старое руководство Аквапарка идет на нарушение кредитного договора. Банк, реализуя свое право, забирает объект (поскольку он находится в залоге) за долги, а затем на него находится «правильный» покупатель за более «гуманную» цену. В таком случае захват земельного участка производился через захват предприятия путем его банкротства.

В рейдерском процессе использовался и силовой элемент. Аквапарк заключил договор на охрану со специальным подразделением МВД «Тигр». 15 июня в 13 часов 45 минут феодосийское ОГСО выставило здесь пост. Однако не прошло и получаса, как посты были сняты по указанию неизвестного начальника милиции из Симферополя. Очень быстро в Коктебель приехали правоохранители, дабы выяснить основания нахождения на территории Аквапарка исполняющего обязанности директора. Убедившись по документам, что Изотов правомерно находится на территории Аквапарка, и пост охраны тоже был выставлен правомерно, сообщили, что посты на место вернутся на следующий день – 16 июня. А около 21 часа на территорию Аквапарка проникла группа в составе 20 человек. Это была, как принято сейчас говорить, рейдерская атака. Целью «гостей» было завладение имуществом Аквапарка. Лишь к полуночи благодаря усилиям работников Аквапарка незваных гостей удалось выдворить с территории. Схему с возможной перепродажей Аквапарка посредством банкротства удалось остановить, но конец ли это?

В процессе рейдерского захвата используются СМИ или закрытость целым отрядом пресс-секретарей и чиновников от общественности и СМИ. Как говорится, чтоб никто не догадался.

В частности, в классической схеме захвату предшествуют:

- публикации в прессе и сюжеты по телевидению с обвинениями собственников и менеджмента во всех смертных грехах;
- депутатский запрос, на основании публикаций;
- подключение силовых ведомств, которые производят выемку документов, а иногда и арест особо активно сопротивляющихся рейдерам собственников;
- получение нормативного документа исполнительного органа власти (правительство, министерство, региональные власти), санкционирующего смену менеджмента (особенно часто используется на предприятиях контрольный пакет которых принадлежит государству, но при соблюдении ряда условий может использоваться и в тех случаях, когда государство является миноритарным акционером).

3. В-третьих, для «черного рейдерства» в сельском хозяйстве характерны как традиционные силовые действия, выражающиеся в захвате самого предприятия, его помещений, территории, документов и печати, так и специфические действия по захвату земельных участков, урожая различных культур и насилия над борцами с земельными махинациями.

Примером может быть способ захвата в Крыму земли «Красного камня».

Пока крымское правительство обещает объявить мораторий на отчуждение и аренду земли, знаменитая скала «Красный камень» захвачена и застраивается со скоростью света. Новый хозяин этой территории отгораживает скалу, а вместе с ней и горное озеро. На побережье озера уже вырублено полтора гектара уникальных посадок. Строители залили фундамент в вырытый рядом котлован. Захват земли был сделан по элементарной схеме. Сначала десять участков возле знаменитой скалы и серебряное озеро «под шумок» оформили на приезжих крымских татар из Первомайского района. А потом поселковый голова сдал в аренду на 49 лет с правом выкупа земли под «Красным камнем» московскому бизнесмену (тоже татарину) Амерову. По большому счету, на вечное пользование. Вполне вероятно, что этот участок будет

продан за бешеные деньги, а уникальная марка вина «Мускат белый Красного камня» станет бизнесом «большого человека».

Другой пример. В процессе рейдерских захватов земель в Крыму используется и борьба с особо яркими борцами с земельными махинациями. Их устраняют легко и просто. Как, например, в ночь на 13 апреля в Ялте сторел «Фольксваген-пассат», принадлежащий, по данным местной прессы, начальнику управления земельных ресурсов Евгению Кузьменко. В той же Алупке совершено нападение на семью депутата Надежды Яхнис, пытавшейся противостоять земельному беспределу.

Третий пример. Бертольд Карл Алоис ВИЛЬД, владелец «Агро-Вильд Украина» сообщил, что он с 2002 года занимается сельскохозяйственной деятельностью на территории Жашкивского района Черкасской области. Проблемы возникли в июле 2008 года, когда в одном селе он приобрел 100% акций местного ООО, на территории которого посеял озимую пшеницу и рапс. 19 июля 2008 года, прибыв на поле, увидел, как выращенный им рапс собирается техникой и работниками другого частного сельскохозяйственного предприятия. Когда он попытался выяснить ситуацию и предотвратить беззаконие, к нему применили силу, угрозу оружием и выдворили с поля. Работники чужого предприятия убрали и увезли его урожай. Жалобы в районную госадминистрацию остались без внимания.

Комментируя масштабы рейдерских атак в агросекторе, президент Ассоциации «Украинский клуб аграрного бизнеса» Алекс Лисситс сообщил: «Раньше такого не было. Ситуация ухудшилась за последние месяцы. Перед сбором урожая усилилась активность местных рейдеров относительно иностранных инвесторов (в Черкасской, Харьковской и Полтавской областях). Имели место случаи, когда инвестора закрывали в милиции, а за это время собирали выращенный им урожай. И после этого его выпускали». Это высказывание полностью относится и к Крыму.

4. В-четвертых, для Крыма характерны некоторые особенности и способы рейдерства в отношении иностранных инвесторов. Сегодня львиная доля всех заграничных денег поступает в сельское хозяйство. Рапс, кукуруза, пшеница, рис на землях приносят безумные прибыли. Получить же их хотят не только те, кто вкладывал средства в выращивание культур. Примерами рейдерства являются два факта, сообщенных иностранными бизнесменами газете «День». Этим инвесторам, как говорится, пришлось на практике столкнуться со всеми особенностями рейдерства.

Моритц Штамм, генеральный директор ООО «Багва», рассказал, что он с февраля 2007 года обрабатывает 1400 гектаров сельскохозяйственных угодий в Черкасской области. За это время имел возможность получить определенный опыт общения с госслужащими и органами власти и понял: в Украине существуют законы, но их не придерживаются. Проблемы в селе Багва начались еще в сентябре 2006 года. Заключившись срок действия соглашений об аренде предприятия предшественником. Последний, используя молчание и некомпетентность крестьян-собственников земельных участков, самовольно удлинил договора аренды на следующие 10 лет. При этом 400 соглашений об аренде подписано с хозяйством Штамма, другие 60 оформил на себя конкурент. Из-за неправильно оформленной аренды, одни и те же земельные участки оказались у разных арендаторов. Каждый перепыхивал, сажал и собирал урожай с участков, которые считал своими. Установленные судом убытки иностранному

инвестору не возмещены и по сей день. Весной 2008 года конкурент начал давить на иностранного инвестора совместно с председателем районного совета. Они хотели, чтобы инвестор уступил конкуренту значительный земельный надел. При этом почти каждую неделю к инвестору наведывались разнообразные контролирующие органы (налоговая, пожарные службы, милиция и тому подобное.)

Несовершенство арендных процедур и значительные прошлогодние прибыли позволяют аграрным рейдерам, которые имеют «крышу», легко обкрадывать инвесторов. Наихудшее в этих историях даже не то, что решать рейдерские проблемы на селе никто не спешит, – инвестиционная привлекательность Крыма резко снижается.

5. Не прекращается использование «корпоративного шантажа», как действенного метода гринмейлеров. Суть его в следующем.

Являясь владельцем небольшой доли уставного капитала компании, гринмэйлер (часто – это миноритарный акционер) не может сразу нанести большой вред предприятию. Но его не следует сбрасывать со счетов, потому что он: а) постоянно требует предоставления большого объема информации и документов компании, включая финансовую отчетность; б) подает многочисленные жалобы в госорганы надзора; в) бесконечно предъявляет иски, часто не обоснованные. В результате ресурсы компании распыляются, она вынуждена вступать в многочисленные тяжбы, **корпоративные конфликты**, становится предметом проверок. В итоге компания выполняет требования гринмейлера, чтобы избавиться от него.

Продолжает пользоваться популярностью схема **скупки долгов** предприятия с последующим началом процедуры банкротства или санации. При этом предприятие умышленно заводится в долговую яму собственным менеджментом.

Через кредиторскую задолженность: если у предприятия имеется несколько мелких задолженностей, рейдер скупает их и предъявляет к единовременной оплате. Путем оспаривания приватизации: условия для такого рейдерства создаются в тот момент, когда предприятие приватизируется незаконным путем.

Наиболее широко используемой схемой использования миноритарного пакета для проведения допэмиссии, является следующая:

А. Блокирование судом участия в собрании акционеров собственника пакета 50%+1 акция (и больше).

Б. Принятие собранием, без участия владельца контрольного пакета, решения о замене менеджмента.

В. Принятие решения о допэмиссии, размывающей контрольный пакет.

Впрочем, допэмиссия часто используется и как средство противодействия рейдерам (для размывания приобретённого ими пакета). Также допэмиссия использовалась как средство приватизации, для размывания контрольного пакета, находящегося в руках государства. Здесь уже рейдерами выступали нынешние «законные собственники».

Однако следует дополнительно подчеркнуть, что в большинстве случаев любая из этих схем при своей реализации требует организации **силового захвата**. Захват также обеспечивается не только и не столько собственно грубой силой, сколько соответствующими техническими, юридическими и политическими мероприятиями.

Государственные чиновники этот факт игнорируют. В таком поведении крымского правительства нет ничего удивительного. И обещанный мораторий на отчуждение

земель, наверное, введут только тогда, когда уже земли уйдут из-под носа у правительства далеко и безвозвратно. Быстро и радикально решаются земельные вопросы в Крыму по незначительным земельным участкам, а крупномасштабные «дерибаны» – как сквозь пальцы просачиваются.

Изложенное свидетельствует о том, что «чёрное» рейдерство было бы практически невозможным без массивной поддержки коррумпированными чиновниками и судьями. Она столь массивна, что местной и зарубежной общественности бывает трудно, практически невозможно отличить «эксцесс исполнителя» от сознательной государственной политики.

В общем, ситуация катастрофическая. Не хватит места, чтобы перечислить все подвиги чиновников, чинуш, «серых кардиналов», и «мохнатых лап», так или иначе положивших глаз на крымскую землю. На что только не идут чиновники, чтобы урвать лакомый кусочек земли! И отсуживают земли через суды, чтобы потом продать их и нажиться на откатах, «на бумаге» расширяют пределы поссоветов, залезая на чужую территорию, которую потом просто продают. Бывает, что действуют просто, без лишних умствований, по схеме обычного самозахвата и отбирают землю без всяких церемоний.

Предшествующий Председатель Совета министров Крыма смело вещал на всю страну, что решит земельные проблемы в автономии, а Президент Украины Виктор Янукович, призвал крымские власти навести порядок в земельной сфере. Только замесяц после этих слов прокуратура Крыма завела 49 уголовных дел по факту незаконного отчуждения 2 тысяч (!) гектаров крымских земель, что по скромным подсчетам, принесло государству ущерб более 12 млн. долларов США. В настоящее время, после вхождения Крыма в Российскую федерацию, Глава правительства Крыма Сергей Аксенов и председатель Госсовета Крыма Владимир Константинов пачками отменяют земельные решения, принятые не только по отчуждению земель «Массандры», но и по Крыму в целом. Тут крымская власть открылась, мол, вернем землю государству любой ценой, но в это же время у руководства республики через подставных лиц прямо из-под носа увели несколько совхозов-заводов «Массандры», где теперь на всеобщее обозрение красуются шикарные коттеджи и виллы олигархов. И сейчас продолжают строить по периметру «Массандры»

Поэтому первым этапом борьбы с рейдерством должно стать совершенствование корпоративного законодательства. Только после того, как в руках собственников окажется эффективный юридический механизм защиты от рейдерской атаки, можно будет отделить недружественное поглощение от бандитского захвата, цивилизовать рейдерство и ввести его в рамки закона.

Таким образом, совершенствование корпоративного законодательства, реформирование судебной системы и даже юридическое определение понятия «рейдерство» являются необходимыми, но недостаточными мерами борьбы с незаконными захватами чужой собственности. Необходимы и другие меры.

– Во-первых, государство должно первым самостоятельно и сознательно отказаться от использования рейдерских методов решения хозяйственных проблем, когда «нельзя, но очень хочется».

– Во-вторых, власть должна строго следить за строгим исполнением уже действующих законов и эффективной работой всей правоохранительной системы, что серьёзно снизит возможности рейдерских атак.

– В-третьих, факты рейдерства должны вызывать жёсткую реакцию всего гражданского общества, а не только пострадавшего от рейдерской атаки собственника.

– В-четвёртых, необходим отказ от непрозрачных приватизационных схем как питательной среды рейдерства. Для этого необходимы совместные согласованные действия государства и бизнес-сообщества.

Способы защиты от рейдерства.

Для усложнения рейдерской деятельности обычно рекомендуются руководителям предприятий агропромышленного комплекса следующие меры [11]:

- наличие чёткой схемы управления предприятием;
- регулярная проверка состояния документов о регистрации, поддержка связи с местными регистрирующими органами;
- прозрачность собственности и адекватная капитализация предприятия;
- совпадение юридического и фактического адреса компании; в случае использования нескольких адресов, обяание регистрирующего органа высылать расписку о получении документов на регистрацию по обоим адресам.

Всё это станет возможным, когда крупный бизнес, контролирующий государственную власть поймёт, что в новых условиях постприватизационной России для него значительно важнее иметь гарантии неприкосновенности имеющейся собственности, чем возможность захвата новой. Вступление России в ВТО, стимулирующее открытость экономики, снижение регулирующей роли государства и приход транснациональных корпораций может уже в ближайшем будущем сделать крупных российских и украинских хищников–профессиональных рейдеров – дрожащими жертвами рейдерских атак.

На важность борьбы с рейдерством также обращается внимание в п. 9 разд. IV Национального плана противодействия коррупции, утвержденного Президентом РФ 31 июля 2008 года № Пр-1568, в котором отмечается необходимость усиления контроля «за законностью и обоснованностью процессуальных решений, принимаемых по уголовным делам, касающимся захвата имущества, имущественных и неимущественных прав, денежных средств предприятий, так называемого рейдерства». Таким образом, противодействие рейдерству является одним из основных направлений в системе государственных антикоррупционных мер.

В России в помощь предпринимателю для борьбы с рейдерами подготовлена и выпущена «Памятка для руководителей и юридических служб предприятий г. Москвы по способам предотвращения враждебных поглощений и порядке действий при угрозе корпоративного захвата».

Список литературы:

1. Чацкий Г. По материалам ХайВей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ura-inform.com/ru/economics/2011/04/04/marat>.
2. Джаргы В. – спаситель «Массандры» или новый рейдер?, 2010 [Электронный ресурс].– Режим доступа : <http://forum.comments.ua/index.php?showtopic=58851>.
3. Рейдерский захват на Южном берегу Крыма: кого «вдохновили» 4 миллиона Коктебеля? 22.06 2009 / В. Иванов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://antiraider.ua/ucp_mod_ucp_site_arts_show_323.html.

4. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-26794 от 29 декабря 2006 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gazduma.ru/tema/18/duma207/>.
5. Рейдерство: способы защиты. Способы защиты от рейдерства. [Электронный ресурс].– Режим доступа : <http://www.center-bereg.ru/i468.html>.
6. Рейдерство в Украине. Корпоративные конфликты, 16 декабря 2006 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vybory.org/articles/385.html>.
7. Пиманова А., Фаенсон М. Рейдерство (недружественный захват предприятий). Практика современной России. Альфа-Пресс, 2007. ISBN 978-5-94280-267-7.
8. Федоров А. Ю. Рейдерство и корпоративный шантаж (организационно-правовые меры противодействия). Wolters Kluwer Russia, 2010 [Электронный ресурс].– Режим доступа : <http://www.center-bereg.ru/i468.html>.
9. Желнорович А.В. Рейдерство в России – показатель институционального дефицита российской экономики // «Российская юстиция» – 2007. – № 8. – С. 6–10.
10. Чуясов А. В. Механизм незаконного поглощения предприятий // «Право и экономика» – 2007. – № 3. – С. 7–10.
11. Connie Bruck. The Predators' Ball: The Inside Story of Drexel Burnham and the Rise of the Junk Bond Raiders. Penguin, 1989 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gazduma.ru/tema/18/duma207/>.
12. Добровольский В.И. Ответственность рейдера по российскому законодательству. Wolters Kluwer Russia, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ura-inform.com/ru/economics/2011/04/04>.
Ухов С. Юрий Борисов: «Рейдерство – это купить на грош пятаков» // «Известия», 20 июля 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://antiraidер.ua/ucp_mod_ucp_site_arts_show_323.html.

Герасименко В. О. Земельне і аграрне рейдерство в Криму/ В. О. Герасименко // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія : Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66), № 4. – С. 47-59.

У статті «Земельне та аграрне рейдерство в Криму» розглядаються поняття і суть рейдерства, як небезпечного явища, що приносить шкоду економіці Криму та Російської Федерації, і що є фактично самостійним видом високоприбуткової кримінальної діяльності, що носить організований характер. Досліджуються основні види рейдерства і їх відмінність. На прикладах рейдерських атак на агропромислові підприємства (НВАО «Масандра»), земельні ділянки («Червоного каменя», «Масандри», «поляна протесту», «самозахоплен») і вироблену сільськогосподарську продукцію АТ у Криму аналізуються причини, методи і способи здійснення рейдерства, і пропонуються рекомендації і заходи з попередження та боротьби з ним.

Ключові слова: рейдерство, земельні ділянки, «біле рейдерство», «сіре рейдерство» і «чорне рейдерство».

LAND AND AGRARIAN RAIDING IN THE CRIMEA

Gerasimenko V. A.

*Taurida National University named after V. I. Vernadsky,
Simferopol*

In the article “Land and agrarian raiding in the Crimea” discusses the concept and essence of raiding as a dangerous phenomenon, damaging the economy of the Crimea and the Russian Federation, and which is virtually independent of the form of highly profitable criminal activity, wearing organized. Look at the main kinds of raids and their difference. Examples of raider attacks on agricultural enterprises (NPAO “Massandra”), land (“red stone”, “Massandra”, “protest camps”, “squatting”) and produced agricultural products JSC in the Crimea analyses the causes, methods and ways of implementation of the raiders, and offer recommendations and measures to prevent and combat it.

Key words: raiding, land, “white raiding”, “gray raiding”, “black raiding”.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Юридические науки». Том 27 (66) 2014. № 4. С. 60-67.

УДК 349.22(045)

**ІСТОРИЧНІ ПЕРЕДУМОВИ ФОРМУВАННЯ СУЧАСНОГО
ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАВСТВА ТА ЙОГО ВІДПОВІДНІСТЬ
СУЧАСНОМУ РІВНЮ РОЗВИТКУ ТРУДОВИХ ВІДНОСИН В УКРАЇНІ**

Кисельова О. І.

*Сумський державний університет,
м. Суми, Україна*

Семенова А. В.

*Сумський державний університет,
м. Суми, Україна*

Статтю присвячено дослідженню передумов формування та розвитку трудового законодавства України. У статті аналізуються особливості історичного розвитку галузі трудового права, що є надзвичайно важливим і необхідним для прогнозування шляхів і способів подальшого розвитку і вдосконалення сучасного трудового права України. Визначена періодизація етапів формування трудового законодавства України. Сформульовано пропозиції щодо необхідності реформування трудового законодавства та побудови нової концепції трудового права.

Ключові слова: трудове право, трудове законодавство, галузь трудового права, трудові норми, трудові відносини, трудовий договір.

Постановка проблеми. Трудове право є однією з провідних галузей права України, адже кожна особа на певному етапі свого життя вступає в трудові відносини. Проте сьогодні в умовах соціально-економічної кризи ми можемо спостерігати значну кількість порушень у цій сфері. Однією з причин цього, на нашу думку, є застарілість чинного трудового законодавства, яке не здатне ефективно регулювати трудові відносини на сучасному етапі їхнього розвитку.

Ми вважаємо, що для з'ясування природи сучасного трудового законодавства та причин його неефективності слід взяти до уваги історичний аспект його формування.

Ступінь наукової розробки проблеми. Вагомий внесок у дослідження зазначеної тематики зробили такі вчені, як О.М. Олійник, С.В. Венедіктов, С.В. Божко, В.М. Мельник, В.І. Щербина, О.В. Жадан, С.В. Вишновецька та інші.

Метою статті є дослідження загальних й особливих рис розвитку трудового законодавства, визначення окремих ідей щодо подальшого його реформування, враховуючи історію розвитку та сучасну ідеологію.

Виклад основного матеріалу. Як зазначає більшість дослідників, сама галузь трудового права на території України почала зароджуватися в капіталістичний період, коли через скасування кріпацтва в 1861 році та появу перших фабрик великого поширення почала набувати праця найманих робітників, а також виникла необхідність врегулювання їх відносин із наймачами.

Саме в той період трудові відносини регулювалися фактично нормами цивільного права. С.В. Венедіков зазначає: «Вітчизняне дореволюційне цивільне законодавство було побудоване на римській класифікації договорів. Так, договір location conduction oreagum був закріплений у цивільному уложенні як договір про особистий найм, згідно з яким одна особа набуває за винагороду право тимчасового користування послугами іншої особи» [3, с. 16].

Дослідники загалом виділяють два типи договорів у трудових відносинах того періоду, які, зважаючи на сучасну класифікацію, можна охарактеризувати як договори про надання послуг (підприємницькі договори) та власне трудові договори (робочі договори).

Проте С.В. Вишневецька зауважує: «Чинне в той період переважне регулювання відносин у трудовому процесі методами цивільного права дозволяло роботодавцям експлуатувати працівників у такій мірі, яка мало чим відрізнялась від феодальних умов праці холопа» [4, с. 58].

Саме тому внаслідок розвитку відносин найманої праці, їхньої масовості та зростання незадоволеності робітників, через зловживання з боку наймачів, що могло призвести до катастрофічних наслідків, держава поступово починає втручатися у відносини капіталістів із найманими робітниками. Я.А. Одовічена зазначає: «Якщо проаналізувати закони, прийняті в кінці ХІХ ст., то можна сказати, що перевага в регулюванні трудових відносин все ж таки надавалася імперативному (публічному) способу. Наприклад, на державному рівні регулювалася охорона праці, праця в нічний час, праця малолітніх і жінок, максимальна тривалість робочого часу, підстави звільнення, регламентація штрафів тощо» [8, с. 34].

С.В. Венедіков із цього приводу зауважує: «Саме в той час трудове право виокремлюється як самостійна галузь із цивільного права, закріплюючи тим самим невідомому сферу регулювання суспільних відносин стосовно охорони праці, соціального захисту працівників, дисципліни, оплати праці (точніше, реалізації людської здатності працювати), нормування робочого часу тощо» [3, с. 17].

Цікавою є думка радянського вченого професора В.М. Догадова, який у «Нарисах трудового права» обґрунтовує появу в дореволюційний період нормативних актів, що регулюють трудові відносини таким чином: «Поява законів про працю в капіталістичних країнах пояснюється, як ми бачимо, прагненням буржуазії вчасно зробленими вчинками заспокоїти робочий клас, призупинити бурхливе зростання робочого руху, що загрожує самому існуванню капіталістичного устрою. Таким чином, буржуазія створює трудове право у своїх класових інтересах із метою самозахисту в боротьбі з пролетаріатом. У цьому сенсі трудове право – таке ж класове буржуазне право, як і інші галузі права (кримінальне, цивільне, торговельне і т.д.) <...> Буржуазне трудове право відрізняється своїм компромісним, половинчастим характером. Буржуазна законодавча влада під час видання законів про охорону праці обмежується

уступками, мінімально необхідними за такого співвідношення сил у класовій боротьбі. Але і ці мінімальні поступки буржуазія намагається за можливості знешкодити шляхом штучного редагування законодавчих норм. Нерідко під зовнішнім виглядом поступків робочому класу вводяться положення, які на ділі призводять до ще більшої експлуатації робочого класу» [5, с. 10–11].

Ще одним вагомим етапом у формуванні законодавства про працю дослідники вважають прийняття Кодексу законів про працю РСФРР 1918 року, якому передував Декрет «Про восьмигодинний робочий день, тривалість і розподіл робочого часу» від 29 листопада 1917 року та інші нормативно-правові акти в цій галузі. Саме в цей час трудові відносини починають втрачати свій договірний характер і підлягають централізованому регулюванню.

Можна відмітити певні позитивні зрушення з появою зазначеного кодексу. О.М. Олійник наголошує: «Кодекс встановлював тривалість нормального робочого дня у вісім годин. Передбачалось скорочення робочого дня при роботі у нічний час. Чітко закріплювався порядок понаднормових робіт, перерви в роботі, щотижневий відпочинок і відпочинок у святкові дні, час щорічних відпусток. Тривалість останніх встановлювалась рівною двом тижням за шість місяців роботи й один місяць – за один рік роботи. Значне місце в кодексі відводилось охороні праці» [9, с. 132].

Проте Кодекс законів про працю 1918 року зовсім не гарантував кардинального покращення положення робітників, а навіть навпаки. Так, відповідно до політики воєнного комунізму вводилася, наприклад, загальна трудова повинність. В.М. Догадов зауважує: «На все працездатне населення покладался обов'язок займатися тією чи іншою суспільно-корисною працею (трудова повинність у широкому сенсі). Прийняття на роботу повинно було здійснюватися не в порядку добровільної згоди між підприємцем та особою, що наймається, а в примусовому порядку, при цьому особа, що направлялася на роботу, не могла відмовитися від запропонованої роботи за своєю спеціальністю. Робітники були закріплені за місцем роботи: вони не мали права без поважної причини залишити місце роботи. Особи, не зайняті суспільно-корисною працею, примусово залучалися до виконання різноманітних громадських робіт, наприклад до заготівлі дров чи розчищення снігу» [5, с. 14].

Дослідники зазначають, що тоді Кодекс законів про працю 1918 року був доволі прогресивним, проте більшість його положень мали лише декларативний характер.

На початку 1921 року в Радянському Союзі починає запроваджуватися Нова економічна політика. У зв'язку з її проведенням виникає необхідність реформування трудового законодавства. Тому в 1922 році приймається новий Кодекс законів про працю УРСР, який був більш ліберальним, ніж попередній. Так, К.М. Варшавський наводить такі дані для порівняння Кодексів 1918 та 1922 років: «По діючому до нового К. Кодексу 1918 р. заробітна плата визначалася обов'язковим для всіх тарифом; навпаки, К. 1922 р. передбачає лише встановлення мінімуму заробітної плати і мінімальні ставки оплати надурочних робіт. Таким же чином К. 1918 р. твердо фіксував тривалість робочого дня, у той час, коли К. 1922 р. встановлює 8-годинний робочий день лише в якості максимуму, а колективні і трудові договори можуть встановлювати подальше скорочення робочого часу. Щодо строків виплати винагороди К. встановлює лише максимальні строки (не рідше, ніж кожні два тижні), але до-

пускає і частішу виплату. Таким же чином К. встановлює лише мінімальну тривалість відпустки, але можливе і її подовження в порядку узгодження. Трудящі, «що тимчасово втратили працездатність, зберігають за собою місце <...> на строк не менше двох місяців», але можуть вигадати для себе і більші строки і т.д.» [2, с. 20].

Таким чином, можна сказати, що Кодекс законів про працю 1922 року мав ще більш прогресивний характер. Багато дослідників наголошують на тому, що на той час він був чи не кращим у Європі. Характерною рисою цього кодексу є повернення договірної складової в трудові відносини, поєднання диспозитивних методів з імперативними. Так, у зазначеному кодексі не встановлювалися чіткі межі заробітної плати, робочого часу чи часу відпочинку, встановлювалися лише межі, які учасники трудових відносин не могли порушувати. Ці межі мали забезпечувати задоволення інтересів як робітників, так і їхніх роботодавців.

Проте С.В. Венедіктов наголошує: «Надалі в законодавство про працю було внесено зміни, що ознаменували зворотній перехід до централізованого регулювання відносин у сфері праці без елементів договірної регламентації. У цей період у законодавство про працю було внесено зміни, що обмежували трудові права працівників. Зокрема, було встановлено кримінальну відповідальність за порушення працівниками своїх трудових обов'язків, а також введено заборону на звільнення за власним бажанням. Зазначені обмеження трудових прав діяли, починаючи з 1940 по 1956 рік, хоча і в більш пізній період існування радянського трудового права існували певні суворі імперативи в правовому регулюванні трудових відносин» [3, с. 19].

Щодо погіршення прав працівників у воєнні роки П.П. Музиченко в підручнику «Історія держави і права України» зазначає: «Потреби оборони призвели до необхідності введення трудових мобілізацій і трудової повинності. Трудовій мобілізації підлягало працездатне населення міст, з числа тих, хто не працював у державних установах і на підприємствах. Мобілізовані направлялись на важливі виробництва і будови за місцем проживання. Трудова повинність використовувалась для виконання будівельних робіт на оборонних спорудах, заготівлі палива, охорони шляхів сполучення, зв'язку, електростанцій та інших важливих об'єктів, що мали оборонне значення. Трудова повинність поширювалась на чоловіків від 16 до 55 років, а жінок від 16 до 50 років. Указом Президії Верховної Ради СРСР «Про режим робочого часу робітників і службовців на період війни» від 26 червня 1941 року директорам підприємств дозволялося встановлювати обов'язкові понаднормові роботи тривалістю до 3 годин у день. Згідно з указами від 9 квітня 1942 року і 9 січня 1943 року скасовувалися чергові та додаткові відпустки, їх було замінено грошовою компенсацією, виплата якої була тимчасово призупинена. Відпустка надавалася тільки підліткам до 16 років. Поряд із заохоченням добросовісних працівників росло застосування примусових заходів до порушників трудової дисципліни. За ряд порушень трудової дисципліни поряд із дисциплінарною відповідальністю застосовувалась кримінальна» [7, с. 376].

Щодо того, як поступово відбувалася реабілітація прав працівників на території України в повоєнні роки, пишуть Л.М. Товстопят та Л.В. Кузнецова: «Прийняті за період 1945–1958 рр. нормативні акти можна поділити на дві основні групи. До першої групи слід віднести норми, що містять скасування обмежувальних законів, які приймалися в післявоєнний час. Перш за все це стосується скасування кримінальної

відповідальності за самовільне звільнення з підприємства, за прогул без поважної причини; скасування трудової мобілізації й повинності, відновлення системи організаційного набору на сільськогосподарські роботи та роботи громадської комісії з охорони праці, посилення охорони праці підлітків. Другу групу становлять норми, на підставі яких практично здійснювалося подальше розширення гарантій трудових прав громадян. Зокрема, застосування восьмигодинного робочого дня, запровадження обов'язкового медичного огляду, вживання заходів щодо охорони праці жінок і матерів, які мають дітей віком до одного року, законодавче врегулювання трудових суперечок, а також запровадження державних пенсій» [10, с. 62].

Наступним етапом розвитку галузі трудового права на території України стало прийняття 5 липня 1970 року Основ законодавства СРСР і союзних республік про працю та Кодексу законів про працю УРСР від 10 грудня 1971 року. Цей кодекс певною мірою покращував становище працівників у порівнянні з попереднім. Так, А.Г. Бірюкова наголошує: «Крім того, у Кодексі були збережені положення, перевірені багаторічною практикою. Зокрема, про участь робітників і службовців в управлінні виробництвом, про матеріальне стимулювання, робочий час. Були закріплені нові юридичні гарантії прав робітників і службовців» [1, с. 117]. До цього кодексу упродовж двадцяти років також вносилися певні зміни, але він є чинним і на сьогоднішні.

Поки що останнім етапом у формуванні трудового законодавства є період часу, починаючи з 1991 року і до сьогодні. Він пов'язаний зі здобуттям Україною незалежності та демократичними змінами, що відбулися в житті суспільства, через що виникла потреба в реформуванні вітчизняного законодавства, а також із необхідністю узгодити положення трудового законодавства з положеннями Конституції України, що була прийнята 28 червня 1996 року. Так, від часу прийняття Кодексу законів про працю в 1971 році до нього було внесено більше сотні змін, було прийнято низку нових законів, що регулюють трудові відносини, проте докорінна реформа трудового законодавства все ще не відбулася, незважаючи на тривалу роботу фахівців над проектами нового Трудового кодексу України.

На нашу думку, основною проблемою в питанні щодо розробки нового трудового законодавства є формування власне нової концепції трудового права. Адже сучасне трудове право і трудове законодавство все ще несуть на собі відбиток марксистської ідеології, яка панувала в радянські часи й суттєво вплинула на формування законодавства в СРСР. Про це свідчить, зокрема, перша стаття чинного Кодексу законів про працю України, у якій сказано: «Кодекс законів про працю України регулює трудові відносини всіх працівників, сприяючи зростанню продуктивності праці, поліпшенню якості роботи, підвищенню ефективності суспільного виробництва і піднесенню на цій основі матеріального і культурного рівня життя трудящих, зміцненню трудової дисципліни і поступовому перетворенню праці на благо суспільства в першу життєву потребу кожної працездатної людини. Законодавство про працю встановлює високий рівень умов праці, всемірну охорону трудових прав працівників» [6].

На сьогодні трудові відносини є явищем, яке містить у собі набагато більше, ніж за часів існування СРСР, коли однією зі сторін трудових відносин фактично була держава, яка могла гарантувати велику кількість прав та переваг для працівників. У зв'язку з переходом до ринкової економіки нині відносини між працівником і роботодавцем

почали поступово зміщуватися в площину приватного права. Слід зазначити, що, наприклад, фізична особа як роботодавець може не мати змоги виконати всі умови, встановлені трудовим законодавством, через недостатність матеріальної бази, яка є в держави. Також з'явилася велика кількість нетипових форм зайнятості, наприклад фріланс, дистанційна робота, аутсорсинг тощо, і чинне трудове законодавство не досить вдало здійснює їхнє врегулювання.

Крім того, на сьогодні ми можемо спостерігати велику кількість порушень прав працівників: необґрунтована відмова в прийнятті на роботу, необґрунтоване звільнення тощо. Часто порушуються права молодих та вагітних жінок. Незважаючи на всі законодавчі гарантії, не так просто влаштуватися на роботу молоді, яка не має досвіду роботи. Трудова діяльність провадиться неофіційно, що надалі позбавляє працівника права на пенсію, адже трудові відносини не оформлюються належним чином і єдиний соціальний внесок не сплачується. А також наявні проблеми з виплатою заробітних плат, порушенням встановлених норм робочого часу і часу відпочинку. Це свідчить про неефективність чинного Кодексу законів про працю України. Отже, незважаючи на велику кількість внесених змін до зазначеного кодексу, усе ще існує нагальна потреба в докорінному реформуванні трудового законодавства.

Таким чином, трудове законодавство на території сучасної України почало зароджуватися в середині XIX ст. Так, можна виділити сім етапів його становлення:

1. Друга половина XIX ст. – 1918 рік – скасування кріпацтва, поява фабрик і заводів, що стало причиною зародження трудових відносин у сучасному їх розумінні.

2. 1918–1922 роки – час дії прийнятого в 1918 році Кодексу законів про працю РСФРР (першого кодифікованого акту на території України, що регулював трудові відносини).

3. 1922–1941 роки – період, протягом якого був чинний Кодекс законів про працю УРСР, що був більш ліберальним та покращував становище працівників, порівняно з Кодексом РСФРР 1918 року.

4. 1941–1945 роки – період, що характеризується погіршенням становища працівників унаслідок воєнних дій.

5. 1945–1970 роки – поступове відновлення прав працівників.

6. 1970–1991 роки – прийняття Основ законодавства СРСР і союзних республік про працю та Кодексу законів про працю УРСР, який є чинним і нині.

7. 1991 рік – до сьогодні – внесення змін і доповнень до Кодексу законів про працю у зв'язку зі здобуттям Україною незалежності; прийняття нових законів, що регулюють трудові відносини.

Висновки. Як бачимо, основа трудового законодавства України була сформована ще за радянських часів і досі несе на собі відбиток марксистської ідеології. А у зв'язку з трансформацією трудових відносин після переходу до ринкової економіки виникла необхідність його реформування, в основі якого має лежати нова концепція трудового права. Під час розробки зазначеної концепції, на нашу думку, слід приділити увагу досвіду минулих років, щоб проаналізувати позитивні та негативні моменти і не допустити останніх. Також слід звернути увагу на міжнародний досвід. Зважаючи на складність проведення соціальних експериментів та непередбачуваність їхніх наслідків, які можуть негативно вплинути на суспільство, використання міжнародного

досвіду є оптимальним рішенням. Адже ми можемо проаналізувати реформи в галузі трудового права в закордонних країнах, починаючи з передумов їх проведення і аж до наслідків, і зробити висновки щодо доцільності проведення аналогічних реформ у нашій державі.

Список літератури:

1. Бірюкова А.Г. Трудове законодавство України у контексті становлення та розвитку / А.Г. Бірюкова // Наше право. – 2013. – № 10. – С. 113–118.
2. Варшавський К.М. Трудовое право СССР : [учебник] / К.М. Варшавский. – Л. : Academia, 1924. – 180 с.
3. Венедіктов С.В. Правове регулювання трудових відносин: вітчизняний і зарубіжний досвід / С.В. Венедіктов. – К. : Алерта. – 2012. – 368 с.
4. Вишновецька С.В. Історичні аспекти формування і розвитку галузі трудового права / С.В. Вишновецька // Юридичний вісник. Повітряне і космічне право. – 2009. – № 1. – С. 57–61.
5. Догадов В.М. Очерки трудового права : [учеб. пособ.] / В.М. Догадов. – Л. : Прибой, 1927. – 163 с.
6. Кодекс законів про працю України від 10 грудня 1971 р. № 322-08 // Відомості Верховної Ради України. – 1971. – № 50. – Ст. 375.
7. Музиченко П.П. Історія держави і права України : [навч. посіб.] / П.П. Музиченко. – 6-те вид., перероб. і доп. – К. : Знання, 2007. – 471 с.
8. Одовічена Я.А. Історична зумовленість змісту трудового договору / Я.А. Одовічена // Науковий вісник Чернівецького університету. Серія «Правознавство». – 2013. – Вип. 660. – С. 33–37.
9. Олійник О.М. Історія розвитку трудових відносин у другій половині XIX – на початку XX ст. в Україні / О.М. Олійник // Історія та географія : збірник наукових праць Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди. – 2013. – Вип. 48. – С. 54–58.
10. Товстопят Л.М. Історичний нарис становлення трудових правовідносин в Україні (1945–1960 рр.) / Л.М. Товстопят, Л.В. Кузнецова // Порівняльно-аналітичне право : електронне наукове видання. – 2014. – № 2. – С. 60–62.

Киселёва Е. И., Семёнова А. В. Исторические предпосылки формирования современного трудового законодательства и его соответствие современному уровню развития трудовых отношений в Украине / Е. И. Киселёва, А. В. Семёнова // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 60-67.

Стаття посвящена дослідженню передумов формування і розвитку трудового законодавства України. В статті аналізуються особливості історичного розвитку галузі трудового права, що являється надзвичайно важливим і необхідним для прогнозування шляхів і способів подальшого розвитку і удосконалення сучасного трудового права України. Визначено періодизацію етапів формування трудового законодавства України. Сформульовано пропозиції про необхідність реформування трудового законодавства і побудови нової концепції трудового права.

Ключевые слова: трудовое право, трудовое законодательство, отрасль трудового права, трудовые нормы, трудовые отношения, трудовой договор.

**HISTORICAL PREREQUISITES OF FORMATION
OF THE MODERN LABOR LEGISLATION AND ITS COMPLIANCE TO A MODERN LEVEL
OF DEVELOPMENT OF THE LABOR RELATIONS IN UKRAINE**

*Kyselova O. I.,
Sumy State University, Sumy*

*Semenova A. V.
Sumy State University, Sumy*

Article is devoted to research of prerequisites of formation and development of the labor legislation of Ukraine. In article features of historical development of branch of the labor law that is extremely important and necessary for forecasting of ways and ways of further development and improvement of the modern labor law of Ukraine are analyzed. The periodization of stages of formation of the labor legislation of Ukraine is defined. The last stage of development of the labor legislation of Ukraine is in details analysed. This period is

characterized by a large number of violations of the rights of workers, in particular it is unreasonable refusal in acceptance for work and unreasonable dismissal. The rights of young and pregnant women are often violated. Despite of all legislative guarantees, it isn't so simple to get a job youth which has no experience. Work is carried out informally that further deprives of the worker of the right for pension, after all the labor relations aren't made out properly and the uniform social contribution isn't paid. And also there are problems with payment of salaries, violation of the established norms of working hours and time of rest. It testifies to an inefficiency of the existing Code of laws on work. Therefore, despite of a large number of the made changes to it, still there is an urgent need for radical reforming of the labor legislation. In our opinion, the main problem in a question concerning development of the new labor legislation is formation of actually new concept of the labor law.

Key words: labor law, labor legislation, branch of the labor law, labor norms, labor relations, employment contract.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Юридические науки». Том 27 (66). 2014. № 4. С. 68-73.

УДК 331.109.4:34

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАЩИТЕ ПРАВ РАБОТОДАТЕЛЯ

Сонин О. Е.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

Статья посвящена анализу проблемы защиты прав работодателя средствами трудового законодательства. В статье зафиксирован уровень осмысления указанной проблемы в науке трудового права, проанализированы имеющие отношения к теме положения Трудового кодекса Российской Федерации и на этой основе обосновываются предложения внести в указанный кодекс изменения и дополнения.

Ключевые слова: защита трудовых прав, способ защиты права, работодатель.

Актуальность проблемы защиты трудовых прав работодателя обусловлена в первую очередь состоянием трудового законодательства. Так, хотя статья 1 Трудового кодекса РФ (далее – ТК) и признает одной из целей трудового законодательства «защиту прав и интересов работодателей», конкретные положения Трудового кодекса РФ преимущественно ориентированы на защиту прав работника; о защите прав работодателя законодатель не упоминает. В частности, ст. 352 Трудового кодекса РФ «Способы защиты трудовых прав и свобод», формулирующая общие положения о защите трудовых прав, в первой части закрепляет общее, соответствующее части первой ст. 1 ТК РФ, правило о праве «каждого» на защиту трудовых прав и свобод, однако уже во второй части устанавливает, что основными способами защиты трудовых прав и свобод являются, во-первых, «самозащита работниками трудовых прав», а во-вторых, – «защита трудовых прав и законных интересов работников профессиональными союзами». Упоминаемые в дальнейшем способы защиты трудовых прав (государственный контроль (надзор) и судебная защита) также в основном ориентированы на восстановление трудовых прав именно работников.

Таким образом, недостаточное внимание законодателя к проблеме защиты трудовых прав работодателя является очевидным, что обуславливает вывод об актуальности задачи специального ее (указанной проблемы) исследования, попытка которого и стала целью настоящей статьи.

Недостаточным должен быть признан и уровень осмысления проблемы защиты трудовых прав работодателя в науке. Несмотря на значительное количество работ, посвященных анализу специальных способов защиты трудовых прав работодателя (речь идет как об исследованиях проблем материальной и дисциплинарной ответственности работника, так и специальных исследованиях проблемы защиты трудовых прав [1]), отсутствует достаточно глубокое исследование проблемы в целом и

основанное на таком исследовании устоявшееся в доктрине представление о правах и интересах работодателя как объекте защиты и о системе способов защиты прав работодателя; специфический характер носит в отдельных случаях и представление о работодателе как субъекте, права которого подлежат защите трудо-правовыми средствами.

Проявлениями такого состояния науки трудового права являются, на наш взгляд, утверждения о том, что защита прав и интересов работодателей «не всегда должна носить всеобъемлющий характер и подробно регламентироваться» [2, с. 13], причем по той причине, что «работодатель способен защитить свои права самостоятельно» [3, с. 567].

Работодатель действительно обладает как фактической, так и юридической возможностью своими самостоятельными действиями прекращать нарушение его трудовых прав работниками и устранять последствия таких нарушений.

Однако именно наличие на стороне работодателя такой возможности, на наш взгляд, и делает необходимым детальное («всеобъемлющее», по выражению А.А. Сапфиновой) закрепление средствами трудового законодательства оснований, способов и пределов защиты трудовых прав работодателя, которому (закреплению) должно предшествовать глубокое осмысление соответствующих проблем в науке трудового права.

В противном случае либо работодатель, лишенный необходимого набора средств правовой защиты, будет вынужден восстанавливать свои права, нарушенные работниками, внеправовыми средствами, либо закрепленные в законе возможности работодателя придут в противоречие самой идеей трудового права как средства защиты работника – слабой стороны трудовых правоотношений.

Следовательно, первоочередной задачей законодателя является определение круга способов защиты работодателями своих трудовых прав, пределов их защиты. Решение этой задачи возможно только в результате установления приемлемого по социально-экономическим соображениям баланса, с одной стороны, прав работодателя, а с другой – принимаемых законодателем во внимание интересов работников, в данном случае выступающих в качестве правонарушителей, обоснование которого (баланса), очевидно, также относится к числу задач трудо-правовой науки.

В общем виде представление законодателя о такого рода балансе общеизвестно. Оно закреплено и в виде установленных Трудовым кодексом Российской Федерации пределов материальной ответственности работника (в любом случае исключая возложение на него имущественных обязанностей, выходящих за пределы возмещения прямого действительного ущерба), а также в виде установленных тем же кодексом правил о дисциплинарной ответственности работника (которая состоит в применении к нему санкций, юридическое и фактическое содержание которых едва ли способно обеспечить восстановление нарушенных прав работодателей (замечание и выговор либо расторжение трудового договора с работником), а следовательно, вообще стоит особняком среди мер, обычно характерных для частно-правовых видов юридической ответственности).

На наш взгляд, вероятность отказа законодателя от практики наделения работодателя такими специфическими по своему содержанию и последствиям применения

правовыми средствами, признаваемыми традиционно средствами (способами) защиты его трудовых прав, является маловероятной. Это соображение, однако, не может и не должно быть препятствием для обсуждения в науке трудового права необходимости на будущее изменения трудового законодательства, закрепления в нем более социально-экономически обоснованных или, по крайней мере, более юридически разумных способов защиты трудовых прав работодателей.

По нашему мнению, в этом смысле совершенствование трудового законодательства могло бы состоять в повышении пределов материальной ответственности работников по мере повышения уровня жизни в стране и достижения некоторого соответствия между размером средней заработной платы и задекларированного в ст. 2 ТК РФ в качестве принципа правового регулирования трудовых отношений права каждого на получение заработной платы в размере, обеспечивающим достойное человека существование для самого работника и членов его семьи.

При наступлении таких условий разумной и справедливой стала бы также постановка вопроса как о замене таких дисциплинарных взысканий, как замечание и выговор системой денежных штрафов либо, по крайней мере, о признании штрафов одним из видов дисциплинарных взысканий наряду с установленными на сегодня их видами. В принципе, не лишена смысла разработка и обоснование таких предложений на будущее с тем, чтобы к моменту изменения экономической ситуации в стране законодатель имел опору на рекомендации науки трудового права.

Но даже и в условиях, которые сложились и существуют в настоящее время, наука трудового права, на наш взгляд, несет обязанность оказать законодателю содействие в совершенствовании действующего законодательства путем обоснования таких предложений, которые, с одной стороны, позволят существенно повысить уровень формальной определенности правового регулирования трудовых отношений, а с другой – не повлекут ухудшения правового либо фактического положения работников в трудовых правоотношениях.

Речь, в частности, идет о необходимости расширения круга случаев, когда за работодателем признавалось бы право обратиться в суд за защитой его нарушенных трудовых прав. Действующий Трудовой кодекс Российской Федерации допускает такую возможность в случаях несогласия работодателя с решением комиссии по трудовым спорам и обжалования такого решения (ст. 390 ТК РФ) и при возложении на работника материальной ответственности, когда сумма ущерба, взыскиваемая с работника, превышает его средний месячный заработок (ст. 348 ТК РФ).

В остальных случаях законодательством прямо не закрепляется право работодателя на обращение в суд за защитой нарушенного трудового права, не устанавливаются способы защиты таких прав судом, что практически делает невозможным их судебную защиту.

Причины такого подхода законодателя достаточно очевидны: с учетом наличия у работодателя возможности своими собственными действиями пресекать противоправное поведение работников, в частности права отстранять работников от работы, расторгать с работниками трудовые договоры по своей инициативе в порядке привлечения к дисциплинарной ответственности, привлекать работников к материальной ответственности и тому подобное.

В то же время, на наш взгляд, отсутствуют достаточно весомые аргументы против включения в Трудовой кодекс Российской Федерации общего правила, которое наделяло бы работодателя возможностью отказаться от самостоятельной реализации предоставленных ему прав в отношении работника и давало ему возможность защитить нарушаемое работником право в суде путем обращения с иском соответствующего содержания.

Полагаем, что правило такого содержания (при условии включения его в Трудовой кодекс РФ) не только уравнивало бы правовые возможности работника и работодателя на судебную защиту (что особенно актуально с учетом все возрастающего количества работодателей-физических лиц, в том числе не обладающих статусом индивидуального предпринимателя), но и устранило бы основной недостаток конструкции самозащиты права.

Таким недостатком, на наш взгляд, является невозможность при реализации лицом права на самозащиту устранить разногласия между таким лицом и лицом, допускающим нарушение его прав, относительно наличия нарушаемого права, его содержания и/или наличия у управомоченного права на самозащиту в данном конкретном случае. Едва ли может быть поставлено под сомнение то обстоятельство, что значительное количество трудовых споров возникает исключительно вследствие недостаточной формальной определенности многих положений трудового законодательства: участники трудовых правоотношений зачастую добросовестно заблуждаются относительно круга и содержания своих прав и корреспондирующих им обязанностей.

Предоставление в таких случаях тому или иному участнику индивидуальных трудовых отношений права на самозащиту лишь углубляет конфликтную ситуацию, может повлечь дальнейшее и более серьезное нарушение прав участника таких отношений. В частности, работодатель может неверно определить степень тяжести допущенного работником дисциплинарного проступка, применить к нему вместо выговора такое дисциплинарное взыскание, как увольнение с работы.

Результатом таких действий работодателя станет нарушение трудовых прав работника, которые в конечном счете станут предметом судебной защиты по иску работника. Право работника на труд в конечном счете будет защищено судом путем вынесения решения о восстановлении работника на работе. Однако такое судебное решение не сможет восстановить нарушенные работником путем совершения дисциплинарного проступка права работодателя, хотя бы по причине истечения установленных законом сроков привлечения к дисциплинарной ответственности.

Наступления описанных последствий вполне можно было бы избежать при условии, что Трудовым кодексом РФ допускалась не только реализация работодателем права на увольнение работников совершением односторонних действий (путем издания приказа об увольнении), но и путем обращения в суд с иском о расторжении трудового договора по тем же основаниям либо иском о взыскании с работника денежной суммы в порядке привлечения к материальной ответственности и тому подобное.

Вместе с тем совершенствование трудового законодательства в части защиты трудовых прав работодателя должно идти не только в направлении закрепления новых способов защиты, закрепления новых пределов и/или оснований материальной ответственности работников либо признания права работодателя на судебную защиту

его прав. Такое совершенствование должно состоять также в анализе предоставленных работодателю способов защиты его прав и исключения из Трудового кодекса РФ указания на те из них, которые не являются обоснованными ни социально-экономическим содержанием соответствующих отношений, ни потребностями самого работодателя.

Речь в первую очередь идет об установленной частью четвертой ст. 61 ТК РФ правовой конструкции аннулирования трудового договора. Предусмотрено, что трудовой договор может быть аннулирован работодателем в случае, если работник не приступил к работе в день начала работы. В литературе неоднократно обращалось внимание на неразумность и несправедливость положений части четвертой ст. 61 ТК РФ: работник, который не приступил к работе в день начала работы, может быть правонарушителем (совершить прогул), а может находиться в состоянии временной нетрудоспособности (то есть его невыход на работу не является противоправным).

В первом случае аннулирование трудового договора ставит работника-правонарушителя в более выгодное положение по сравнению с иными работниками, совершившими прогул: при совершении прогула во второй и последующие дни работы работник может быть уволен с работы по дисциплинарному основанию, запись о чем значительно осложнит его последующее трудоустройство.

Во втором случае работник оказывается в менее выгодном положении не только по сравнению с работниками, чья нетрудоспособность наступила на второй и последующие дни работы (и которые могут быть уволены по инициативе работодателя, как правило, лишь по истечении четырех месяцев непрерывной нетрудоспособности), но и по сравнению с первой категорией работников (аннулирование трудового договора с которыми избавляет их от привлечения к дисциплинарной ответственности в виде увольнения с работы).

Полагаем, что наука трудового права и впредь должна предпринимать попытки убедить законодателя отказаться от сохранения в ТК РФ правовой конструкции аннулирования трудового договора.

Изложенное дает, на наш взгляд, основания для следующих выводов. Действующее трудовое законодательство в части защиты трудовых прав работодателя не лишено значительных недостатков. Задачей науки трудового права является разработка и обоснование предложений по устранению этих недостатков. В частности, эта задача могла бы быть решена путем расширения возможностей судебной защиты прав работодателя путем признания за ним права заявлять в суде требования о расторжении трудовых договоров с работниками при наступлении обстоятельств, с которыми закон связывает право работодателя производить увольнение работников с работы. Целесообразным было бы закрепление в Трудовом кодексе Российской Федерации также права работодателя в судебном порядке требовать взыскания с работником денежной суммы в порядке возмещения причиненному работником ущерба. Дальнейшие исследования проблемы защиты трудовых прав работодателя могли бы пойти в направлении исследования возможности закрепления в Трудовом кодексе Российской Федерации правил о возмещении работниками морального ущерба, причиненного работодателю вследствие совершенного работником трудового правонарушения. Полагаем, что такие правила не только соответствовали бы логике отечественной си-

стемы права, позволяли бы устранять последствия трудового правонарушения средствами трудового, а не гражданского законодательства, но и учитывали бы интересы работника (имея в виду, что пределы трудово-правовой материальной ответственности работника уже имущественной гражданско-правовой ответственности).

Список литературы:

1. Барышникова Т.Ю. Формы и способы защиты трудовых прав и охраняемых законом интересов в российском трудовом праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.05 / Т.Ю. Барышникова. – Пермь, 2005. – 32 с.
2. Сапфинова А.А. Формы и защиты трудовых прав (теоретические аспекты) / А.А. Сапфинова. – Краснодар : Издательство «Кубанькино», 2008. – 116 с.
3. Трудовое право России : [учебник для вузов] / под об. ред. Е.Б. Хохлова, В.А. Сафонова. – М. : Издательство «Юрайт», 2008. – 672 с.

Сонін О. Є. Напрями удосконалення законодавства про захист прав роботодавця / О. Є. Сонін // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія: Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 68-73.

Статтю присвячено аналізу проблеми захисту прав роботодавця засобами трудового законодавства. У статті зафіксовано рівень осмислення зазначеної проблеми в науці трудового права, проаналізовано положення Трудового кодексу Російської Федерації, що стосуються теми, і на цій підставі обґрунтовуються пропозиції щодо внесення до цього кодексу змін і доповнень.

Ключові слова: захист трудових прав, спосіб захисту права, роботодавець.

**THE DIRECTION OF IMPROVEMENT OF LEGISLATION
TO PROTECT THE RIGHTS OF THE EMPLOYER**

***Sonin O. E.
Taurida National University named after V. I. Vernadsky,
Simferopol***

This article analyzes the problem of protecting the rights of the employer by means of labor law-lation. The article is fixed level of understanding of this problem in the science of labor law, analyzed the subject matter of the Labour Code and on this basis obos-novyvayutsya proposals to make the specified changes and additions to the Code.

Key words: protection of labor rights, remedies, employer.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

УДК 346(476)

ОБЩАЯ ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОРМ (СРЕДСТВ) ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Куницкая О. М.

*Белорусский государственный университет,
г. Минск*

В статье проводится общая правовая характеристика форм (средств) государственно-частного партнерства в Республике Беларусь. Они являются по своей сути инвестиционными договорами с участием государства. Данные инвестиционные договоры, на примере концессионного договора и инвестиционного договора с Республикой Беларусь, имеют самостоятельный предмет, собственное правовое регулирование. Констатируется их гражданско-правовое регулирование с изъятиями, обусловленными определением его в качестве комплексного, организационного (рамочного) договора.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, осуществление инвестиций, инвестиционный договор, договорные формы инвестиционной деятельности, концессионный договор, инвестиционный договор с Республикой Беларусь.

Постановка проблемы. В последнее время во многих странах предпринимаются меры по созданию полноценной правовой основы для осуществления государственно-частного партнерства (далее – ГЧП), в некоторых странах приняты специальные нормативные правовые акты, в том числе законы.

ГЧП стало обсуждаться с осознанием необходимости активизации инвестиционных процессов в сферах, в которых государство традиционно является монополистом (энергетика, транспортная инфраструктура, коммунальное хозяйство, здравоохранение, образование, культура и другое), испытывающих потребности в значительных объемах финансовых и материальных вложений, притоке новейших технологий, передовой производственной техники и управленческого опыта.

Цели и задачи исследования. Правомерно возникает необходимость определения правовых средств, которые могут использоваться партнерами в ГЧП, и их правовой характеристики.

Достижение указанной цели предполагает решение задач, связанных с установлением правовых форм (средств) ГЧП, исследованием их правовой природы, анализом существенных признаков инвестиционных договоров с участием государства и определением их места в системе договорных конструкций согласно законодательству Республики Беларусь.

Анализ последних достижений и публикаций. Такая задача ставится многими авторами [2; 8; 11; 45; 47]. Единой позиции по указанной проблеме в научной доктрине пока не выработано.

Изложение основного материала. Правовые формы ГЧП подпадают под правовые формы инвестиционной деятельности: 1) корпоративные (создание юридического лица); 2) договорные (заключение договора, в том числе на основе концессии (на основе предоставленного государством права владения и пользования объектом концессии или права на осуществление вида деятельности); 3) иные способы, кроме запрещенных законодательными актами. Правовыми средствами ГЧП (инструментами, которыми пользуются субъекты для осуществления юридической деятельности) необходимо считать «юридическое лицо» и «договор». Они согласуются со способами осуществления инвестиций, которые определены в ст. 4 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» [35] (далее – Закон об инвестициях).

По справедливому замечанию авторов, «именно договорные схемы взаимодействия с частными инвесторами все чаще используются публично-правовыми образованиями с целью модернизации и развития необходимой инфраструктуры» [8, с. 4].

При этом выделяют такие виды контрактов: 1) простые контракты, к которым относятся lease contract (аренда с правом реконструкции); service contract (контракт на обслуживание объекта); turnkey (проектирование, строительство за бюджетные средства под ключ и управление); management contract (доверительное управление); 2) основанные на праве частной собственности инвестиционные контракты (земельные аукционы). К сложным контрактным моделям, используемым при реализации проектов ГЧП, относятся следующие: LCC (контракты жизненного цикла); ВТО (строительство, передача права собственности, эксплуатация); BOT (строительство, управление, передача права собственности); BOO (строительство, владение, управление); BOOT (строительство, владение, управление, передача права собственности); DBOOT – то же, что и модель BOOT, но инвестор также организует проектирование объекта; BOL (строительство, владение, передача в аренду); BOLT (строительство, владение, передача в аренду, передача в собственность); DBOLT – то же, что и модель BOLT, но инвестор также организует проектирование объекта; DBFO (проектирование, строительство, финансирование, управление) [11, с. 48]. В основу классификации данных моделей ГЧП закладываются содержание и объем инвестиционных обязательств сторон, передаваемых частному партнеру правомочий собственности, принципов распределения рисков между партнерами, ответственности за проведение различных видов работ [45, с. 392–395].

С исследуемым вопросом тесно связана проблема квалификации и правовой характеристики инвестиционного договора. Он выступает тем «инструментом (деятельностно-институциональным образованием), которым пользуются субъекты для осуществления юридической деятельности» [4, с. 7].

Мнения ученых по поводу понятия, сущности и правовой природы инвестиционного договора единообразно не отличались с момента создания инвестиционного законодательства. Данный вопрос не решен однозначно в настоящее время.

Явно намечается тенденция вычленения группы договоров, которые именуется законодателем, и в практике правоприменения инвестиционными (концессионные со-

глашения, инвестиционный контракт), и тех договоров, которые являются инвестиционными в силу выявленной природы отношений, называемых инвестиционными (это привычные договорные модели, поименованные в Гражданском кодексе) [20, с. 51].

По нашему мнению, в первом случае речь идет об инвестиционном договоре, во втором случае – о «договорных формах инвестиционной деятельности». В инвестиционном договоре «инвестиции имеют самостоятельный статус: именно по поводу них, порядка их (вложения) согласно способу осуществления инвестиций заключается данный договор» [50, с. 30]. Он отличается от поименованных в Гражданском кодексе договоров и выступает в качестве самостоятельной договорной конструкции.

Во втором случае отношения по практической реализации инвестиций регулируются гражданско-правовыми договорами, которые относятся к правовым формам инвестиционной деятельности. В данном случае договорной формой инвестиционной деятельности признается известный гражданскому праву тип, вид договора [50, с. 30].

Как нам представляется, употребление такой терминологии связано с разделением инвестиционной деятельности на действия по вложению (осуществлению) инвестиций («собственно инвестиционные отношения») и действия по их практической реализации («отношения по реализации инвестиций») [7, с. 128; 17, с. 169–171; 40, с. 7].

Анализ законодательства (на примере Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Молдовы, Российской Федерации, Украины) показывает, что выделяется группа инвестиционных договоров, относительно которых имеются законодательные предписания об их понятии и существенных условиях [21–25; 29–35].

Исследователи, рассматривая инвестиционный договор с точки зрения содержания правоотношений, регулируемых им, считают, что «инвестиционный договор определяет взаимоотношения собственников имущества или имущественных прав, инвестируемых в объекты предпринимательской деятельности, взаимодействие сторон в процессе реализации инвестиционного проекта, порядок эксплуатации объекта, распределение доходов от деятельности, а также регулирует вопросы собственности в отношении получаемых средств и объектов между сторонами» [9, с. 82].

Участником данных договоров является государство. К признакам инвестиционного договора с участием государства можно отнести следующие: смешанный субъектный состав (на одной стороне договора выступает государство в лице соответствующих государственных органов (организаций), на другой стороне – частное лицо (инвестор)); право государства как стороны договора на финансовое (предоставление бюджетных средств), имущественное (предоставление государственного имущества, в том числе имеющего особый статус (правовой режим)) и (или) исключительных прав (концессии, права на льготы); и (или) иное участие; распределение результатов осуществления инвестиций между сторонами; предмет данного инвестиционного договора – порядок осуществления инвестиций установленным законом способом и возникающих взаимоотношений сторон; заключается, как правило, по поводу осуществления инвестиций в объекты, находящиеся в собственности государства; осуществление выбора инвестора в большинстве случаев по конкурсу.

По «инвестиционному договору с участием государства», например при осуществлении инвестиций путем создания (строительства), реконструкции объекта недвижимого имущества, который может находиться только в собственности государства,

одна сторона (государство) предоставляет имущество и (или) определенные права (бюджетные средства; объекты недвижимого имущества, в том числе земельные участки; концессию; право на имущественную и финансовую поддержку (государственную преференцию)), а другая сторона (инвестор) на основе предоставленного имущества и (или) имущественных прав обеспечивает осуществление (вложение) инвестиций, принадлежащих ему на праве собственности или ином законном основании, посредством создания (строительства), в том числе проектирования, а также реконструкции объекта недвижимого имущества. Для возмещения затрат на осуществление инвестиций и получения прибыли (дохода) инвестор имеет право осуществлять эксплуатацию (использование) созданного объекта либо с условием последующей его передачи в собственность государству, либо на иных условиях.

Непосредственным предметом «инвестиционного договора с участием государства» строительство, реконструкция и (или) эксплуатация (использование) объекта недвижимого имущества, в том числе с целью производства работ, выполнения работ, оказания услуг, как таковые не являются. После заключения такого инвестиционного договора создаются предпосылки для заключения иных договоров, которые урегулируют отношения, возникающие в процессе практической реализации инвестиций, – «договорных форм инвестиционной деятельности», в том числе договора строительного подряда.

В Республике Беларусь к инвестиционным договорам с участием государства с набором соответствующих признаков можно отнести концессионный договор и инвестиционный договор с Республикой Беларусь.

Согласно Закону Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 63-З «О концессиях» [22] (далее – Закон о концессиях) концессионный договор означает письменное соглашение, в силу которого одна сторона (концедент) обязуется предоставить другой стороне (концессионеру) на возмездной или безвозмездной основе на определенный срок право владения и пользования объектом концессии или право на осуществление вида деятельности, то есть концессию. Исходя из определений понятий разновидностей концессионного договора, концессионер обязан «производить (перерабатывать) продукцию», и впоследствии «сохранить за собой право собственности на произведенную им продукцию» (полный концессионный договор – ст. 25 Закона о концессиях), «разделить ее с концедентом» (концессионный договор о разделе продукции – ст. 26 Закона о концессиях), «произвести продукцию, передать ее в собственность концеденту, а за оказанные услуги (выполненные работы) получить вознаграждение при условии достижения концессионером результата, предусмотренного концессионным договором, либо независимо от достигнутого результата» (концессионный договор об оказании услуг (выполнении работ) – ст. 27 Закона о концессиях).

Предмет данного инвестиционного договора сводится к «осуществлению инвестиций на основе концессии».

Ввиду законодательного определения понятия и существенных условий концессионного договора, данный договор является самостоятельным поименованным договором.

В соответствии со ст. 3 Закона о концессиях объектами концессии могут являться объекты, составляющие исключительную собственность государства (недра, воды,

леса) [18]; объекты, находящиеся только в собственности государства; виды деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства [36].

Необходимо указать на то, что в некоторых странах, в отличие от Республики Беларусь, природные ресурсы на участках недр не отнесены к объектам концессионного договора, поэтому наряду с ним имеет место «соглашение о разделе продукции» [32]. Тогда объектами концессионного договора являются исключительно инфраструктурные объекты [24].

Анализ норм белорусского Закона о концессиях показывает, что концессионный договор не предусматривает создание, эксплуатацию и передачу государству (или создание, передачу государству и эксплуатацию) объекта недвижимого имущества. В Республике Беларусь смысл концессионного договора соответствует предоставлению концессии на производство работ или обслуживание (works or service concession) в развитых странах, означающего разновидность государственного контракта (public contract), по которому частная компания получает уже существующий объект государственной собственности [1].

Финансирование деятельности при реализации концессионного договора должен обеспечивать концессионер в полном объеме (ст. 30 Закона о концессиях). Среди прав и обязанностей концедента мы не наблюдаем ни его какое-либо финансовое участие в исполнении договора, ни порядок предоставления ему такой возможности.

Концессионное законодательство иных стран устанавливает обязанность концессионера создать (реконструировать), использовать определенный объект (имущество), эксплуатировать его, управлять им (осуществлять деятельность с использованием (эксплуатацией) объекта) [24; 21], оказывать государственные услуги [25], в частности не только за счет средств концессионера, но и на условиях софинансирования концедентом, который предоставляет права владения и пользования объектом [23], предусматривает совместную деятельность концессионера и концедента по созданию (реконструкции) и эксплуатации объекта концессии [23].

По мнению Н.Г. Дорониной, «концессионное соглашение (как и соглашение о разделе продукции, различные соглашения с резидентами особых экономических зон) в современной договорной практике применяются как договоры, направленные на организацию хозяйственных связей в целях привлечения инвестиций» [13, с. 43].

В научной литературе приводится имеющая под собой основание позиция о том, что «концессионный договор имеет своей сущностной целью привлечение частных инвестиций, которым не обладает ни один договор сферы гражданско-правового регулирования. Ни аренда, ни строительный подряд, ни другие гражданско-правовые договоры реализовать такую цель не могут и не должны» [47, с. 191]. Авторы, которые провели для установления правовой природы концессионного соглашения сравнительный анализ договорных форм (договоры аренды, подряда, доверительного управления), выявили «общую закономерность – данные договоры функционально способны заменить лишь определенный этап концессионного соглашения» [43, с. 12].

Исследователи, которые придерживаются концепции концессионного соглашения как смешанного договора, не едины во мнении относительно того, элементы каких договоров его составляют [42; 46; 14]. Некоторые авторы показывают наличие огра-

ничений по применению к концессионному соглашению ряда норм о договоре строительного подряда, аренды, доверительного управления имуществом [52, с. 27–32], что не позволяет однозначно отнести его к смешанному договору.

Кроме того, «если законодатель определяет предмет, иные существенные условия, содержание договора, то можно сделать вывод о его поименованности» [3, с. 84], и «правовой смысл установления того или иного перечня существенных условий «позволяет решить вопрос о его самостоятельности» [6, с. 80]. При таких обстоятельствах нет оснований отнесения данного договора к смешанному.

Концессионный договор обладает признаками гражданского договора, главными из которых являются «имущественные эквивалентно-возмездные отношения сторон» [2, с. 11], «юридическое равенство сторон» [8, с. 11], «установление способов и методов контроля концедента за действиями концессионера по исполнению договора самим договором; стимулирование концессионера к исполнению своих обязанностей способами гражданско-правового характера; гражданско-правовая ответственность концессионера [52, с. 17].

О наличии в основе концессионного договора (соглашения), помимо частноправовых, также публично-правовых начал свидетельствуют: властный (административный или законодательный) акт (решение о заключении договора) как предпосылка возникновения договорных правоотношений; особый (в частности, публичный) характер объектов государственной собственности; монопольный характер определенных видов деятельности, составляющих прерогативу государства и факт делегирования права на осуществление такой деятельности частному лицу; общественный интерес в основе концессии и подчинение концессионера его императивам, в том числе запрет прерывать оказание услуг населению без согласия концедента [2, с. 10; 22]. В этой связи «усмотрение сторон в определении существенных условий концессионного соглашения поставлено в узкие рамки» [8, с. 11].

О гражданско-правовой природе концессионных договоров, не отрицая при этом и того, что они содержат определенные публично-правовые элементы, высказывались многие ученые [13, с. 9; 44, с. 17–18].

К инвестиционным договорам с участием государства также относится инвестиционный договор с Республикой Беларусь. Исходя из определения данного договора [26; 35], законодатель выделил два квалифицирующих признака. Первый признак касается порядка заключения договора, определения государственного органа, принимающего решение о заключении договора. Второй признак инвестиционного договора касается «обязательных условий, установленных законодательством для такого вида договора». Они определены в ст. 17 Закона об инвестициях [35] и иных актах законодательства [33].

Соответственно, инвестиционный договор с Республикой Беларусь является самостоятельным поименованным договором.

Предмет данного инвестиционного договора сводится к определению порядка осуществления инвестиций посредством такого способа, как создание, в том числе путем строительства, объектов недвижимого имущества. Исходя из норм законодательства, обязательств, связанных с осуществлением инвестиций по созданию (реконструкции) объекта недвижимого имущества и передаче государству с правом

использования (эксплуатации) объекта, инвестиционный договор с Республикой Беларусь не порождает.

Те не менее в последнее время на практике появляются примеры действующих инвестиционных договоров с Республикой Беларусь, по которым осуществляется не только строительство определенного объекта недвижимого имущества, но и эксплуатация его, а также последующая продажа после окончания эксплуатации данного объекта с преимущественным правом покупки государственным юридическим лицом (например, договоры о создании и эксплуатации установок по получению свалочного газа и производству из него электрической и тепловой энергии на полигоне бытовых отходов и реализации полученной энергии через присоединенные сети; о строительстве гидроэлектростанции на реке со сроком эксплуатации объекта, исходя из обоснования, предоставляемого инвестором, с гарантией Республики Беларусь о покупке всего объема электроэнергии, производимой гидроэлектростанцией).

Учитывая предоставленную возможность реализации инвестиционных проектов на территории Республики Беларусь в отношении недр на основании инвестиционного договора с Республикой Беларусь [27], строительство, ввод в эксплуатацию и последующая эксплуатация горно-обогатительного комплекса с использованием в качестве сырьевой базы, например месторождения калийных солей, также осуществляется на основании инвестиционного договора. В данном случае предмет инвестиционного договора с Республикой Беларусь обозначен так: «Инвестиционная деятельность, осуществляемая в целях реализации инвестиционного проекта и дальнейшая эксплуатация горно-обогатительного комплекса, в том числе деятельность по добыче и переработке калийных солей и реализации калийных удобрений».

Анализ отдельных нормативных правовых актов и инвестиционных договоров с Республикой Беларусь приводит нас к выводу о том, что реализация инвестиционного проекта осуществляется с участием двух сторон, то есть имеет место определенное «сотрудничество сторон». Тем не менее в инвестиционном договоре с Республикой Беларусь основные риски по нему несут инвесторы. Финансирование (в том числе частичное) инвестиционных проектов не входит в обязанность Республики Беларусь. Правда, имеют место инвестиционные договоры, согласно условиям которых инвестор финансирует работы, например по проектированию и строительству завода, а Республика Беларусь – объектов инфраструктуры к нему.

Практика заключения и исполнения инвестиционных договоров с Республикой Беларусь позволяет охарактеризовать их как инвестиционные договоры, направленные на организацию хозяйственных связей в целях привлечения инвестиций. Согласно постановлению Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 19 сентября 2012 г. № 6 «О некоторых вопросах рассмотрения дел, возникающих из договоров строительного подряда» участникам таких инвестиционных договоров предписывается заключать в установленном законодательством порядке договоры строительного подряда [28]. При таких обстоятельствах мы можем констатировать, что предметом инвестиционного договора строительство не является. Также нельзя сказать, что он содержит элементы договора строительного подряда.

Исполнение инвестиционных договоров с Республикой Беларусь предполагает заключение иных договоров, необходимых для реализации инвестиционного про-

екта. Данный инвестиционный договор определяет общие условия обязательственных взаимоотношений сторон, которые могут быть конкретизированы и уточнены сторонами при заключении отдельных договоров на основании или во исполнение инвестиционного договора. Это может характеризовать инвестиционный договор с Республикой Беларусь как организационный (рамочный).

А.П. Шевченко отмечает: «Направленность договора на организацию сотрудничества инвестора и государства по реализации инвестиционного проекта и установление в связи с этим долгосрочных партнерских отношений позволяет говорить о единстве цели участников этого соглашения. Ни один из участников в данном договоре не приобретает у другого участника товары, работы, услуги (отсутствие противоположных интересов) и не обогащается за счет другого участника» [51, с. 33].

Различные ученые высказывались о возможности «урегулировать взаимоотношения между субъектами инвестиционной деятельности заключением генерального соглашения или договора о совместной деятельности, в которых могут и не быть детально регламентированы все стороны реализации инвестиционного проекта, а лишь определены субъекты, направления и цели инвестирования» [17, с. 171]. О.Н. Кондрашкова определяет инвестиционный договор как сложный, комплексный, сочетающий черты организационного договора, определяющего взаимоотношения основных субъектов инвестиционной деятельности, и черты основного договора [39, с. 61–62].

Организационный договор (в том числе и рамочный как его разновидность) пока чужд законодательству Республики Беларусь. Как нам представляется, данная договорная конструкция заслуживает внимания и дополнительного исследования.

Со времен, когда впервые была высказана идея об отнесении организационных отношений к предмету гражданского права, выделении организационных договоров [19, с. 47.], и по настоящее время проведены научные разработки проблем выделения организационных отношений и их признаков [10, с. 19; 16, с. 8], определения организационного договора и его правовой характеристики [40, с. 278; 15, с. 6, 9–18], установления их видов [48, с. 10] и другие [38; 53].

В системе сложных организационных договоров выделяются рамочные договоры, которые «способны удовлетворить потребности участников гражданского оборота в определенном материальном благе только в связке с заключенными на их основании имущественными договорами» [48, с. 10]. По мнению Л.Г. Ефимовой, организационный (рамочный) договор включает не только организационные условия, но и общие условия договоров-приложений. При этом объектом договора является организация системы будущих деловых отношений, которая может появиться только в результате заключения различных договоров-приложений, предметом договора – сотрудничество в определенной области деятельности путем заключения договоров-приложений [15, с. 9–18].

На фоне научных разработок об организационных договорах приемлемым и целесообразным является внесение изменений в Гражданский кодекс Республики Беларусь, связанных с определением организационного договора.

Сложные организационные договоры представляют собой взаимосвязанную систему имущественных и организационных обязательств [48, с. 10]. В инвестицион-

ных договорах с участием государства организационные обязательства связаны с определением порядка взаимосвязанной деятельности контрагентов, установлением длительных партнерских отношений. Имущественные обязательства в данном договоре будут выражены в первую очередь через условия о предметах «договорных форм инвестиционной деятельности» в рамках того или иного способа осуществления инвестиций.

Отношения инвестора и Республики Беларусь, возникающие в рамках инвестиционного договора с Республикой Беларусь, относятся к категории имущественно-стоимостных, так как «государство как сторона договора действует как субъект гражданских правоотношений на основе равенства с другими субъектами, не в своем публичном качестве, поскольку не может понудить вступить с ним в правоотношения другого участника, диктовать не выгодные для него условия договора, несет ответственность по своим обязательствам» [51, с. 27–29]. Имущественный интерес государства может проявляться в приобретении доли в праве собственности на объект инвестирования, участие в уставном фонде создаваемого для реализации инвестиционного проекта юридического лица. Однако данный интерес весьма специфичен, поскольку целью функционирования государства не является личное обогащение, как у субъекта предпринимательской деятельности, а решение общественно значимых задач [48, с. 31]. Такой договор является основанием возникновения именно гражданских прав и обязанностей, а порядок его заключения укладывается в процедуру заключения гражданско-правовых договоров в общем порядке: посредством направления оферты и получения акцепта [48, с. 32]. Учитывая особенности правового статуса государственного органа, его волеизъявление не может быть выражено по-другому, кроме как посредством принятия соответствующего решения (акта органа государственной власти).

Выводы. По правовой характеристике концессионный договор и инвестиционный договор с Республикой Беларусь являются схожими.

Их правовое регулирование является не только гражданско-правовым, имеют влияние нормы публично-правового характера, поэтому данные договоры носят комплексный характер.

Анализ законодательных предписаний по поводу существенных условий договоров позволяет отнести инвестиционные договоры с участием государства к сложным организационным (рамочным) договорам, представляющим собой взаимосвязанную систему организационных и имущественных обязательств.

Концессионный договор и инвестиционный договор с Республикой Беларусь являются самостоятельными поименованными договорами. Учитывая выработанную научной доктриной позицию о том, что определение места в системе гражданско-правовых договоров осуществляется, когда договор поименован в Гражданском кодексе, исследуемые договоры, поименованные не в Гражданском кодексе, не могут получить своего места в системе гражданско-правовых договоров. Характеризуя концессионный договор и инвестиционный договор с Республикой Беларусь, с одной стороны, как комплексные, а с другой – как организационные, определить место таких инвестиционных договоров с участием государства в системе гражданско-правовых договоров по «принципу направленности результата» затруднительно. Такого

рода договоры нельзя однозначно отнести в одну из групп договоров в зависимости от характера отношений и правового результата, на который направлены договоры (на передачу имущества, на выполнение работ, на оказание услуг, о совместной деятельности и так далее).

По нашему мнению, нет оснований для отнесения концессионного договора и инвестиционного договора с Республикой Беларусь к смешанным гражданско-правовым договорам.

Концессионный договор и инвестиционный договор с Республикой Беларусь мы относим к числу инвестиционных договоров, одной из сторон которых выступает субъект предпринимательской деятельности.

Мы можем констатировать гражданско-правовое регулирование данных договоров с изъятиями, обусловленными определением их в качестве комплексных, организационных (рамочных) договоров.

Проведенное исследование показало необходимость переосмысления имеющихся в научной доктрине положений по указанным проблемам, дальнейшего обновления нормативно-правовой основы инвестиционной деятельности с учетом полученных выводов, исключения имеющихся правовых пробелов и коллизий с целью надлежащей правовой защиты инвесторов.

Список литературы:

1. Commission Interpretative Communication on Concessions under Community Law (2000/C 121/02) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:C:2000:121:TOC>.
2. Багдасарова А.В. Концессионное соглашение в гражданском праве России и зарубежных стран : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» / А.В. Багдасарова. – М., 2009. – 32 с.
3. Батлер Е.А. Непоименованные договоры (некоторые вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 / Е.А. Батлер. – М., 2006. – 183 с.
4. Батурина Ю.Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений» / Ю.Б. Батурина. – М., 2001. – 23 с.
5. Брагинский М.И. Основы учения о непоименованных (безымянных) и смешанных договорах / М.И. Брагинский. – М. : Статут, 2007. – 79 с.
6. Брагинский М.И. Гражданское право и объекты права собственности / М.И. Брагинский // Журнал российского права. – 1997. – № 11. – С. 76–85.
7. Бублик В.А. Гражданско-правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в Российской Федерации: проблемы теории, законодательства и правоприменения / В.А. Бублик. – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1999. – 228 с.
8. Вахтинская И.С. Гражданско-правовые признаки концессионного соглашения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» / И.С. Вахтинская. – М., 2008. – 26 с.
9. Веселкова Е.О. некоторых аспектах инвестиционных договоров / Е.О. Веселкова // Хозяйство и право. – 2012. – № 7. – С. 81–85.
10. Гонгало Б.М. Предмет гражданского права / Б.М. Гонгало // Проблемы теории гражданского права : сборник статей / С.С. Алексеев, Б.М. Гонгало, Д.В. Мурзин, С.А. Степанов. – М. : Статут, 2003. – С. 3–23.
11. Джуха В.М. Основные схемы реализации государственно-частного партнерства в спортивно-оздоровительной сфере / В.М. Джуха, Р.Р. Погосян // Экономика развитию (Economics of Development). – 2014. – № 1 (69). – С. 46–50
12. Доронина Н.Г. Инвестиционный климат: вопросы правового регулирования / Н.Г. Доронина // Журнал российского права. – 2012. – № 1. – С. 40–46

13. Доронина Н.Г. Международное частное право и инвестиции : [науч.-практ. исслед.] / Н.Г. Доронина, Н.Г. Семилютина. – М. : Контракт ; ВолтерсКлувер, 2011. – 272 с.
14. Дроздов И.К. правовой природе концессионного соглашения / И.К. Дроздов // Хозяйство и право. – 2006. – № 6. – С. 48–57
15. Ефимова Л.Г. Рамочные (организационные) договоры / Л.Г. Ефимова. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 104 с.
16. Кирсанов К.А. Гражданско-правовое регулирование организационных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» / К.А. Кирсанов. – Екатеринбург, 2008. – 27 с.
17. Кондрашкова О.Н. Хозяйственное право : [учебник для вузов] : в 2 т. / О.Н. Кондрашова ; отв. ред. проф. В.С. Мартемьянов. – М., 1994– . – Т. 2. – 1994. – 400 с.
18. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изм., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pravo.by/main.aspx?guid=6351>.
19. Красавчиков О.А. Теоретические проблемы гражданского права : сборник учен. Трудов / О.А. Красавчиков. – Вып. 13. – Свердловск, 1970. – 144 с.
20. Кропотов Л.Г. О видах и классификациях договорных форм коммерческих инвестиций в объекты капитального строительства / Л.Г. Кропотов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2012. – № 11 (134). – С. 41–55.
21. О концессии : Закон Украины от 16 июля 1999 г. № 997-XIV // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=17133.
22. О концессиях : Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 63-3 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=62154.
23. О концессиях : Закон Республики Казахстан от 7 июля 2006 г. № 167-III // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=13274.
24. О концессионных соглашениях : Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=10108.
25. О концессиях : Закон Республики Молдова от 13 июля 1995 г. № 534-XIII // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3429.
26. О мерах по реализации Декрета Президента Республики Беларусь от 6 июня 2011 г. // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=46065.
27. О некоторых вопросах осуществления инвестиционной деятельности в отношении недр : Указ Президента Республики Беларусь от 3 октября 2011 г. № 442 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=47133.
28. О некоторых вопросах рассмотрения дел, возникающих из договоров строительного подряда : Постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 19 сентября 2012 г. № 6 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=54806.
29. О некоторых вопросах реализации Закона Республики Казахстан «Об инвестициях» : Постановление Правительства Республики Казахстан от 8 мая 2003 г. № 436 // Информационная система «Параграф» Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1039514.
30. О порядке предоставления недвижимого государственного имущества Ленинградской области для целей инвестиционной деятельности : Закон Ленинградской области от 30 декабря 2004 г. № 128-оз // Справочная правовая система КонсультантПлюс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SPB;n=104989;fld=134;from=53029-5;rnd=0.4551251375271157>.
31. О порядке предоставления объектов недвижимости, находящихся в собственности Санкт-Петербурга, для строительства и реконструкции : Закон Санкт-Петербурга от 17 июня 2004 г. № 282-43 // Справочная правовая система КонсультантПлюс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SPB;n=153823;fld=134;from=149328-11;rnd=0.07494631473310398>.

32. О соглашениях о разделе продукции : Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1502.

33. О создании дополнительных условий для инвестиционной деятельности в Республике Беларусь : Декрет Президента Республики Беларусь от 6 авг. 2009 г. № 10 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=pd0900010&p2=%7BНРРА%7D>.

34. Об инвестициях : Закон Республики Казахстан, 8 янв. 2003 г. № 373-III // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3150.

35. Об инвестициях: Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г. № 53–3 [Электронный ресурс] / Законодательство стран СНГ // Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=62154

36. Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства : Закон Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. № 169-3 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=31608.

37. Об утверждении Положения о принятии федеральными органами исполнительной власти решений о даче согласия на заключение сделок по привлечению инвестиций в отношении находящихся в федеральной собственности объектов недвижимого имущества : Постановление Правительства Российской Федерации от 10 авг. 2007 г. № 505 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=18094.

38. Подузова Е.Б. Организационный договор в гражданском праве / Е.Б. Подузова. – М. : Проспект, 2013. – 150 с.

39. Предпринимательское (хозяйственное) право : [учебник] : в 2 т. / [Л.В. Андреева, А.Ю. Голубков, И.В. Ершова и др.] ; ред. О.М. Олейник. – М. : Юристъ, 2002– . – Т. 2. – 2002. – 666 с.

40. Пугинский Б.И. Коммерческое право России / Б.И. Пугинский. – М., 2008. – 278 с.

41. Ратникова Д.С. Правовое регулирование инвестиционной деятельности в Российской Федерации: теоретические основы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» / Д.С. Ратникова. – М, 2011. – 26 с.

42. Рачков И.В. Белые пятна в Федеральном законе «О концессионных соглашениях» / И.В. Рачков, А.А. Сорокина // Закон. – 2007. – № 4. – С. 141–145.

43. Савельева В.М. Концессионное соглашение как институт гражданского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» / В.М. Савельева. – М, 2011. – 28 с.

44. Савинова О.Н. Договорное регулирование концессионных отношений по законодательству Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» / О.Н. Савинова. – Казань, 2006. – 27 с.

45. Сазонов В.Е. Государственно-частное партнерство: гражданско-правовые, административно-правовые, финансово-правовые аспекты / В.Е. Сазонов. – М., 2012. – 492 с.

46. Седлецкая Е.Г. Гражданско-правовое регулирование концессионных обязательств: общие положения / Е.Г. Седлецкая // Гражданское право. – 2012. – № 6. – С. 40–42

47. Талапина Э.В. Публичное право и экономика : [курс лекций] / Э.В. Талапина. – М., 2011. – 520 с.

48. Тюрина С.А. Договор как регулятор организационных отношений в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» / С.А. Тюрина. – М, 2012. – 28 с.

49. Хозяйственное право : [учебник для вузов] : в 2 т. / отв. ред. В.С. Мартемьянов. – М. : БЕК, 1994– . – Т. 2. – 1994. – 400 с.

50. Цегельник О.В. Инвестиционное обязательство при купле-продаже предприятия, акций, принадлежащих государству, по конкурсу в процессе приватизации / О.В. Цегельник. – Минск : Тесей, 2011. – 206 с.

51. Шевченко А.П. Инвестиционные договоры с иностранным инвестором в праве Республики Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 / А.П. Шевченко. – Минск, 2012. – 127 с.

52. Широков С.Н. Правовая сущность концессионного соглашения : автореф. дис. ... юрид. наук : спец. 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» / С.Н. Широков. – Челябинск, 2012. – 35 с.

53. Юренкова О.С. Специальные договорные конструкции о предоставлении субъективного права требования заключения и исполнения гражданско-правовых договоров в будущем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» / О.С. Юренкова. – М., 2014. – 28 с.

Куницька О. М. Загальна правова характеристика форм (засобів) державно-приватного партнерства в Республіці Білорусь / О. М. Куницька // Вчені записки Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського. Серія: Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 74-86.

У статті проводиться загальна правова характеристика форм (засобів) державно-приватного партнерства в Республіці Білорусь. Вони фактично є інвестиційними договорами за участю держави. Такі інвестиційні договори, наприклад концесійного договору й інвестиційного договору з Республікою Білорусь, мають самостійний предмет, власне правове регулювання. Констатується їх цивільно-правове регулювання з вилученнями, обумовленими визначенням його як комплексного, організаційного (рамкового) договору.

Ключові слова: державно-приватне партнерство, здійснення інвестицій, інвестиційний договір, договірні форми інвестиційної діяльності, концесійний договір, інвестиційний договір із Республікою Білорусь.

GENERAL LEGAL CHARACTERISTIC OF FORMS (MEANS) PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN REPUBLIC OF BELARUS

*Kunitskaya O. M.
Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus*

In article the general legal characteristic of forms (means) of public-private partnership in Republic of Belarus, is carried out by the investment contracts with participation of the state which are in essence. These investment contracts, on the example of a concession contract and the investment contract with Republic of Belarus, have an independent subject, own legal regulation in view of what gain independent character. Their legal regulation is not only civil, have influence of standard of public character therefore these contracts have complex character. The analysis of legislative instructions concerning essential conditions of contracts allows to carry investment contracts with participation of the state to the difficult organizational (frame) contracts representing the interconnected system of organizational and property obligations. The concession contract and the investment contract with Republic of Belarus is independent the named contracts. Considering the position developed by the scientific doctrine that definition of a place in system of civil contracts is carried out when the contract is named in the Civil code, the studied contracts named not in the Civil code can't receive the place in system of civil contracts. Such contracts can't be carried unambiguously in one of groups of contracts depending on character of the relations and legal result on which contracts (are directed on transfer of property; on performance of work; on rendering services, about joint activity, etc.). We carry a concession contract and the investment contract with Republic of Belarus to number of investment contracts, as one of which parties the subject of business activity acts. On such investment contracts, as well as in a case with enterprise contracts general provisions of civil law behind the established withdrawals extend. We can state civil regulation of these contracts with the withdrawals caused by their definition as complex, organizational (frame) contracts. There are no bases of reference of a concession contract and the investment contract with Republic of Belarus to the mixed civil contracts.

Key words: public-private partnership, implementation of investments, investment contract, contractual forms of investment activity, concession contract, investment contract with Republic of Belarus.

**THE HISTORICAL AND LEGAL ASPECT OF VALUE-ADDED TAX
FORMATION AND DEVELOPMENT IN RUSSIAN FEDERATION**

Makuhin A. A.

*Taurida National University named after V. I. Vernadsky
Simferopol*

The article deals with the social relations, historical and legal aspects of the indirect taxation, the mechanism of VAT collection and statutory acts of Russian Federation, the process of formation and development of Value-Added Tax in Russia have been analyzed. The significant disagreements are observed in the views of scientists on the structure of the tax system.

Key words: Value-Added Tax, the Tax code of the Russian Federation, tax policy, indirect taxation, mechanism of VAT collection.

Introduction. The current tax system has significant drawbacks: it has a pronounced fiscal nature and does not fulfill motivative, regulatory and redistributive functions. For the effective functioning it is necessary to eliminate instability and complexity, inner inconformity, low levels of tax compliance.

It should be noted that many problems have not found an unambiguous interpretation yet. The issues relating to the principles of construction and directions of reforming of VAT taxation, taking into account the features of transformational period, remain to be debating points. The significant disagreements are observed in the views of scientists on the structure of the tax system, the need for differentiation of tax rates, the sphere of use of tax benefits, which give rise to negative consequences in the practice of taxation. In connection with the aforesaid, the timeliness of research topic is defined.

Theoretical Basis of the Research: disadvantages of taxation of Value Added Tax arouse intense debates both among ordinary citizens and in circles of scientists, but they don't have agreed offers relating to their decisions. That is why the issue of taxation in the modern world is extremely topical and requires solutions. The works of such scientists as N. Azarov, V. Andrushchenko, A. Galchinskiy, A. Sokolovskiy, F. Yaroshenko study theoretical problems of legal regulation of Value Added Tax. Scientific works of foreign scientists such as A. Smith, W. Petti, A. Wagner, are dedicated to the issues of the theory and practice of forming and reforming of the VAT system. Tributing best practices of scientists-economists, carried out in the sphere of theory, methodology and organization of tax regulation of the economy, it should be noted that many issues have not yet found its final decision. A significantly new stage in reforming of the taxation system requires a theoretical rethinking of many aspects of the state regulation.

The Object of the Research: is a social relation, developing in the process of formation and development of indirect taxation in Russia.

The Subject of the Research is: a mechanism of VAT collection and statutory acts of Russian Federation regulating VAT formation, namely: the Constitution of Russian Federation, the Law of Russian Federation “About bases of tax system in the Russian Federation”, the Tax Code of Russian Federation.

The main material: The VAT legislation in Russia last underwent significant change as a result of the introduction of Chapter 21 of the Second Part of the Tax Code, effective as of 1 January 2001. This paper represents a general introduction to VAT in Russia. It is for general guidance only and, whilst it is believed to be correct based on the law as of 1 December 2002, is not to be relied on as advice in any specific circumstances.

From January 1st, 2001, the majority of the so called VAT law that was formed and applied in the early 90s is not been in compliance with a real VAT system under the international taxation standards, and will be abolished [1].

The Old Russian VAT law will be replaced by the VAT Chapter of the Tax Code (Chapter 21). In connection with which there is a number of changes. We could mention some of them that appeal to be more important:

Organizations, both Russian and foreign, conducting entrepreneurial activities in Russia, as well as individual entrepreneurs may be exempted from their liability associated with the computation and payment of VAT if, during the last three consecutive calendar months their VAT base without VAT and Sales Tax does not exceed 1 000 000 rubles. The exemption period shall be 12 consecutive calendar months. Upon expiry of that period, the organizations and individual entrepreneurs wishing to claim an extension of the exemption shall submit to tax authorities a written application and necessary documents, which confirm that the amount of their receipts from the sales meets the named requirement. Besides, the exemption shall apply only to obligations, which arise in connection with operations involving the sale of goods and services in the territory of Russia, and shall not apply to the obligations, which arise in connection with the importation of goods into the Russian customs territory.

The “place of supply” rules have been amended and could significantly affect the application of VAT to cross border services supplied to foreign customers. It is also worth taking into account that from January 1st, 2001, the “place of supply” rules apply not only to the cross border transactions, as before this date, but also to the cases where both the seller and the buyer are Russian entities. Generally, the definition of the term “place of economic activity”, which Chapter 21 of Part II of the Tax Code contains of, appears for the first time in the Russian tax legislation. Under the definition, a buyer of services will be deemed to have a place of economic activity in Russia if there is an “actual presence of the buyer of services in the territory of the Russian Federation on the basis of the State registration of the organization or the individual entrepreneur. “In the absence of the State registration, the test shall be based on the place of establishment indicated in the foundation documents of the organization such as the company’s by-laws, the place of management of the organization, the location of its permanent executive body, the location of a permanent establishment (if the services are rendered through that permanent establishment) or the place of residence of a physical person.

From July, 2001, sales to C.I.S. countries will be zero rated and input VAT will be creditable on supplies to the C.I.S., they will be considered as normal exports. However, that

will not apply to oil and gas supplies to C.I.S. countries. From January 1st, 2001, till July, 2001, sales to C.I.S. countries will be deemed to be a supply in the Russian territory and therefore to be completely VATable, as under current taxation rules.

From January 1st, 2001, services involving the rent of office and/or residential premises to foreign citizens or organizations, which are accredited in Russia, will be VAT exempt. However, the services shall not be taxable only in those cases where the legislation of the relevant foreign state establishes a similar procedure for the Russian citizens and organizations accredited in that foreign state or where a provision to that effect is contained in an international agreement entered into by the Russian Federation.

In the coming year VAT assessed on self-construction will be recoverable against output VAT collected on sales rather than capitalized, as under the current regulations.

Thrice monthly installment VAT payments are abolished from January 1st, 2001 and VAT shall be paid on a monthly or quarterly basis depending on turnover amounts. The new rule is that taxpayers whose monthly receipts from sales, excluding VAT and sales tax, during the quarter do not exceed 1 000 000 rubles have the right to pay VAT on the quarter basis.

The following current VAT exemptions which apply under the present law will be abolished or limited in application:

- VAT exemption on patent, copyrights and license payment is abolished from January 1st, 2001;
- VAT exemption for mass media organizations and on books is abolished from January 1st, 2002;
- From January 1st, 2001, VAT exemption on education services will apply only to sales made by non-commercial educational institutions. The exemption for commercial educational institutions is abolished starting from the same date [2].

On January 1, 2004 VAT rate was decreased from 20% to 18%, which remains effective to date (August 2008)[3].

According to the Tax Code of the Russian Federation VAT is to be paid by Russian legal entities, including those with foreign investments, foreign legal entities and legal entities involved in import-export transaction. Sales of goods, works and services within Russia and imports of goods into Russia are subject to VAT. VAT is payable at the standard rate of 18% on most goods, including imported goods and services. A 10% reduced rate is applied to a limited range of basic food items, baby goods, medicine and some mass media products. VAT is accounted for by vendors of goods and services and importers of goods. Export sales are subject to 0% VAT. Some transactions and taxpayers (eg culture and art institutions) are VAT exempt. Exempt transactions include: insurance and banking operations (with some exceptions); leasing of premises located in the territory of Russia to foreign individuals and entities accredited in Russia (on the condition of reciprocity with the respective foreign country); trading of securities; sale of shares and unitised investments; certain medical equipment and services; and the import of certain technological equipment, related components and spare parts as determined by the Government [4]. VAT on expenses incurred in connection with the performance of operations subject to VAT, as well as VAT on purchased or imported fixed and intangible assets, is credited against VAT due on sales provided the goods or services are actually received. Russian tax legislation also provides for the refund of input VAT for taxpayers paying VAT at 0%. However, a special procedure

applies and significant difficulties may be encountered. The VAT declaration should be submitted and VAT should be paid no later than the 20th day of the month following the end of the tax period (quarter).

Russian VAT law includes rules for determining the provision of service in terms of VAT. These rules put services into different categories in order to determine where they can be provided for VAT purposes. For example, certain services should be provided at their place of implementation. Other services should take place where the buyer carries out the activities or where immovable property might be located. Under the reverse-charge mechanism, a Russian company usually has to include VAT in any payment it makes to a non-tax registered foreign company if the payment is for the provision of goods or services in Russia, based on the applicable VAT rule for location of provision. In such circumstances, the Russian buyer should act as a tax agent for Russian VAT purposes by withholding Russian VAT at the rate of 18/118 from payments to a foreign supplier and pay the withheld VAT to the Russian budget. VAT withheld can be recovered by Russian taxpayers in accordance with the standard input VAT recovery rules as stipulated by law.

Generally, taxpayers are eligible to recover input VAT. Taxpayers usually are eligible to recover input VAT from the purchase of goods, works, services, or property rights, provided that the input VAT recovery rules set out in Russian legislation are met, namely, among which are the following:

1. Input VAT should relate to purchases the purposes of carrying out VATable activities.
2. Respective goods, works, and services should be reported in the taxpayer's accounts.
3. Proper back-up documentation should be available (e.g. VAT invoices, documents confirming the payment of VAT at customs, etc).

Russian VAT law does not allow for the recovery of input VAT if it for expenses incurred to perform non-VATable or VAT exempt activities. In turn, where both VAT exempt and VATable activities are performed by the taxpayer, the latter is required to keep separate accounting of its supplies and develop an input VAT allocation methodology for proper input VAT recovery.

Each taxpayer providing goods, works, services, or property rights must issue VAT invoices and issue them to customers. VAT invoices must be issued within five days after the provision has occurred. There is a standard form for VAT invoices, established by the Government. Compliance with invoicing requirements is critical to the buyer's ability to recover input VAT. E-invoicing is also allowed under the Russian Tax Code. E-invoicing requires digital signature and data transfer via operators and is subject to mutual agreement of all parties to the transaction. Operators are companies who provide services for exchange of open and confidential information via telecommunication channels. Incoming and outgoing VAT invoices usually must be registered by taxpayers in sales and purchases books, as well as a register of incoming and outgoing VAT invoices. VAT returns must be submitted to the tax authorities every quarter. VAT must be paid to the Russian budget after the end of each quarter in three instalments by the 20th day of each of the three consecutive months following the quarter. This applies to the remittance of VAT withheld by Russian buyers under the reverse charge mechanism, which is to be transferred to the Russian budget at the date of the external payment [5].

Import VAT is payable at customs upon importation of goods. The tax base for import VAT purposes is generally the customs value of the imported goods, including excise pay-

ments. Either an 18% or 10% VAT rate may apply to the import of goods into Russia, depending on the specific type of goods. A limited range of goods is eligible for import VAT exemptions. The list of such goods includes, for example, certain medical products, technical equipment (including components and spare parts to such equipment) if no analogous equipment is produced in Russia, etc.

Conclusion. It goes without saying that problems with VAT existed earlier indeed and they remain now as well, but they are conditioned not by the integrated conceptual defects of the tax, but mainly by the national peculiarities of its application, including technical shortcomings of the former Decree, for example in the part of regulation of primary documents processing, the taxation of barter transactions, including export-import operations with promissory notes, with trade mediation services, tax refunds during commissioning of fixed assets, exports of goods and services, etc.) that can and should be removed. The number of the main problems can include:

- Insufficiently worked out procedure of registration of primary documents (invoices) reflecting the amount of tax in the price of products sold and the amount of the incoming VAT;
- Use of several ways to calculate tax liabilities depending on the category of a taxpayer and the type of business operations that considerably complicated accounting and method of tax liabilities calculation;

- Lack of financial liability of the state for the full and timely reimbursement of tax amounts from the budget due to businesses and citizens, numerous and not always sufficiently substantiated VAT benefits, etc. There is no budgetary mechanism for compensation of the sustainable debit balance;

- VAT is a distribution tax; the liabilities of budgets of different levels, with respect to compensations are not defined; the moment of arising of the right to credit determined on the basis of the VAT net cost accounting paid in the price of commodity stocks, does not reduce tax liabilities; VAT paid in the price of capital goods is amortized.

At present the value added tax:

- stimulates the growth of private entrepreneurship and ensures neutrality for all sectors of the economy;

- creates right incentives for growth in a transition economy, stimulates savings and investments;

- provides significant revenues to the state treasury;

- is a tax with the largest expenditures on its administration;

- requires a more skilled and experienced specialists and a great experience in taxation;

- is not conducive to equitable redistribution of income.

On this basis, the following amendments to the existing legislation seem reasonable:

- expanding the taxation basis by abolition of benefits not bearing the social nature;

- extension of the information supply of each link in the tax service, which will promote automation of the taxation process, the effective use of available human resources, will enable to compare information from different sources with purpose to reveal evasion from VAT;

- improving the efficiency of inspection work, which will allow detection of tax evasion at the total decrease in the number of inspections and inspectors by automatic selection of taxpayers for documents inspections, to ensure the inevitability of punishment for offenders;

- improvement of legislation, which lies in simplification, stability and predictability in the VAT administration, introduction of compulsory testing of the effectiveness of the proposed changes with help of the model imitation;
 - forecasting of VAT revenues, which will give the opportunity to offer the State Duma a balanced realistic budget, which in its turn will promote stabilization the economy;
 - reduction and elimination of arrears by improving the work with taxpayers.
- Fulfillment of these objectives in a full volume will ensure achievement of high efficiency of value added tax within the shortest period of time.

Resources:

1. Tax Code of the Russian Federation part one No. 146-FZ of July 31, 1998 (with the Amendments and Additions of March 30, July 9, 1999, January 2, 2000, December 29, 2000, May 30, August 6, 7, 8, November 27, 29, December 28, 29, 30, 31, 2001, May 29, July 24, 25, December 24, 27, 31, 2002, May 6, 22, 28, June 6, 23, 30, July 7, November 11, December 8, 23, 2003) Passed by the State Duma on July 16, 1998 Approved by the Council of Federation on July 17, 1998.
2. On the edge of the Russian Federation Tax reform: reliance on the inflation tax as a wealth confiscation measure? [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.yourlawyer.ru/en/publications/on-the-edge-of-the-russian-tax-reform/?year=2000>.
3. Federal law dated July 7, 2003 No. 117-FZ.
4. Doing business in Russia/Baker Tilly international [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.bakertillyinternational.com/media/36876/doing%20business%20in%20russia1.pdf>.
5. Tax system and administration [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.investinregions.ru/en/investor/nalogovaya-sistema/value_added_taxes.

Макухин А. А. Историко-правовой аспект становления и развития налога на добавленную стоимость в Российской Федерации / А. А. Макухин // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 87-92.

В статье рассмотрены общественные отношения, складывающиеся в процессе становления и развития налога на добавленную стоимость в Российской Федерации. Исследованы основные элементы механизма налогообложения налога на добавленную стоимость, а также нормативные акты, регламентирующие становление налога на добавленную стоимость в России. В результате проведенного исследования углублены и усовершенствованы уже существующие положения косвенного налогообложения.

Ключевые слова: налог на добавленную стоимость, Налоговый кодекс Российской Федерации, налоговая политика, косвенное налогообложение, механизм взимания налога на добавленную стоимость.

Макухин О. О. Историко-правовой аспект становления і розвитку податку на додану вартість у Російській Федерації / О. О. Макухин // Вчені записки Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського. Серія: Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 109-114.

У статті розглянуті громадські стосунки, що складаються в процесі становлення і розвитку податку на додану вартість у Російській Федерації. Досліджені основні елементи механізму оподаткування податку на додану вартість, а також нормативні акти, що регламентують становлення податку на додану вартість у Росії. У результаті проведенного дослідження поглиблені і вдосконалені вже існуючі положення непрямого оподаткування.

Ключові слова: податок на додану вартість, Податковий кодекс Російської Федерації, податкова політика, непряме оподаткування, механізм стягування податку на додану вартість.

**ДО ПИТАННЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛЮВАННЯ
РЕАЛІЗАЦІЇ ЗАВДАНЬ ДЕРЖАВНОГО ФІНАНСОВОГО КОНТРОЛЮ
У СФЕРІ ГРОШОВОГО ОБІГУ**

Ямненко Т. М.

*Національний авіаційний університет,
м. Київ, Україна*

Статтю присвячено питанням реалізації завдань фінансового контролю сфери грошового обігу в контексті його правового регулювання та діяльності органів такого контролю. Розглянуто реалізацію завдань фінансового контролю у сфері грошового обігу за всіма його напрямками і складовими, а також з'ясовано ступінь взаємозв'язків, рівень повноважень та місце кожного з органів такого контролю. За результатами дослідження сформовано висновок про необхідність створення єдиної системи органів фінансового контролю у сфері грошового обігу з уточненням та взаємним узгодженням їх повноважень.

Ключові слова: фінансовий контроль, державний фінансовий контроль, державний фінансовий контроль у сфері грошового обігу, завдання державного фінансового контролю у сфері грошового обігу.

Постановка проблеми. Державний контроль, зокрема і фінансовий, має здійснюватися відповідно до встановлених для нього умов, порядку й цілей, які відображаються в завданнях фінансового контролю. Загалом завдання фінансового контролю визначаються переважно з урахуванням сфери застосування фінансового контролю та мети, яка перед ним ставиться. Не є винятком і фінансовий контроль у сфері грошового обігу, перед яким теж ставляться завдання відповідно до мети його здійснення.

Проте постановка завдань – це лише частина контрольної діяльності, не менш важливою складовою є реалізація цих завдань на основі норм фінансового законодавства і за допомогою системи контрольних органів.

Мета та завдання наукової статті полягають у з'ясуванні механізму реалізації завдань державного фінансового контролю у сфері грошового обігу та визначенні ролі та функцій державних фінансових органів у ньому.

Основний матеріал. Перед фінансовим контролем грошового обігу, як і перед будь-яким контролем, стоїть низка завдань, які він зобов'язаний виконати для досягнення своєї мети, що полягає в забезпеченні дотримання фінансового правопорядку у сферах обігу готівкових і безготівкових коштів, валюти, реалізації грошово-кредитної політики та фінансового моніторингу.

Перелік таких завдань, сформульований на основі попередніх досліджень, включає в себе: 1) контроль за станом виконання грошово-кредитної політики, включно з контролем за діяльністю Національного банку України в цій сфері; 2) контроль за станом й оборотом готівкової грошової маси, у тому числі і за дотриманням порядку ведення касових операцій; 3) контроль у сфері безготівкових розрахунків;

4) контроль за дотриманням правил обігу готівкової і безготівкової іноземної валюти, включаючи забезпечення дотримання порядку про обов'язковий продаж частини валютної виручки на внутрішньому валютному ринку; 5) запобігання та мінімізація нелегального грошового обігу й протидія легалізації доходів, отриманих злочинним шляхом та фінансуванню тероризму.

Слід відзначити, що нині єдиним нормативним актом, що фактично покликаний комплексно регулювати питання фінансового контролю в Україні, є Закон України «Про основні засади здійснення державного фінансового контролю в Україні» [1], на виконання якого свою діяльність здійснює, відповідно до положення, Державна фінансова інспекція України [2], що виступає головним органом суб'єктів державного фінансового контролю.

Головними завданнями Державної фінансової України, відповідно до абзацу 1 статті 2 вказаного закону є такі: здійснення державного фінансового контролю за використанням і збереженням державних фінансових ресурсів, необоротних та інших активів, правильністю визначення потреби в бюджетних коштах та взяттям зобов'язань, ефективним використанням коштів і майна, станом і достовірністю бухгалтерського обліку й фінансової звітності в міністерствах та інших органах виконавчої влади, державних фондах, фондах загальнообов'язкового державного соціального страхування, бюджетних установах і суб'єктах господарювання державного сектору економіки, а також на підприємствах, в установах та організаціях, які отримують (отримували в періоді, який перевіряється) кошти з бюджетів усіх рівнів, державних фондів та фондів загальнообов'язкового державного соціального страхування або використовують (використовували в періоді, який перевіряється) державне чи комунальне майно, за дотриманням законодавства на всіх стадіях бюджетного процесу щодо державного й місцевих бюджетів, дотриманням законодавства про державні закупівлі, діяльністю суб'єктів господарської діяльності незалежно від форми власності, які не віднесені законодавством до підконтрольних установ, за рішенням суду, винесеним на підставі подання прокурора або слідчого для забезпечення розслідування кримінальної справи [1].

Водночас вищим органом державного фінансового контролю в Україні є Рахункова палата [3, с. 22], що діє відповідно до однойменного закону [4], яким за нею закріплено цілу низку завдань. Зокрема, згідно зі статтею 25 Закону України «Про Рахункову палату» [4] вона подає висновки і пропозиції щодо звітів про забезпечення стабільності грошової одиниці до Верховної Ради України, а також щодо діяльності Національного банку України з обслуговування державного боргу України.

Отже, загалом законодавче закріплення та реалізація завдань державного фінансового контролю встановлені належним чином. При цьому, окрім питань контролю за діяльністю установ банківської системи, аспекти фінансового контролю грошового обігу не визначаються профільним фінансово-контрольним законодавством.

Фінансовий контроль грошового обігу в межах фінансового права розподіляється ніби на декілька складових, кожна з яких унормована окремими законодавчими актами, спрямованими на реалізацію завдань фінансового контролю.

Насамперед нормами Закону України «Про Національний банк України» [5] передбачено, що Національний банк України здійснює контроль реалізації грошо-

во-кредитної політики, у тому числі контролює основні показники, закладені в її основних засадах, зокрема ті, які передбачені в Основних засадах грошово-кредитної політики на 2014 рік [6]. При цьому він виступає одночасно у двох іпостасях: з одного боку, сам Національний банк України розробляє вказані засади, а з іншого – сам забезпечує їх контроль. З приводу останнього, то відповідно до п. 4.1 Порядку розроблення Основних засад грошово-кредитної політики та здійснення контролю за її проведенням передбачається, що контроль за проведенням грошово-кредитної політики здійснюється Радою Національного банку України шляхом аналізу показників динаміки грошово-кредитної сфери протягом звітної періоду в зіставленні із цілями та завданнями грошово-кредитної політики, які визначені в Основних засадах грошово-кредитної політики [7].

У свою чергу в п. 4.2. вказаного порядку визначено, що Правління Національного банку України щоквартально протягом перших 25 днів кварталу, наступного за звітним, надає Раді Національного банку України інформацію про виконання Основних засад грошово-кредитної політики, яка має містити аналіз економічного і соціального розвитку України за звітний період, у тому числі динаміки валового внутрішнього продукту; показників інфляції та факторів її формування, проведення бюджетної політики, змін у соціальній сфері та інше; грошово-кредитного ринку, у тому числі динаміки й джерел формування монетарної бази, структури грошової маси, кредитів, депозитів, вартості коштів, міжбанківського та готівкового сегментів валютного ринку України, рівня та динаміки обмінних курсів, стану міжнародних резервів та інше; реалізації грошово-кредитної політики, використання інструментів, за допомогою яких здійснювалося регулювання грошово-кредитного ринку, та заходів, які вживалися для забезпечення виконання цілей та завдань, визначених Основними засадами грошово-кредитної політики [7].

На підставі цього здійснюється відповідне коригування грошово-кредитної політики чи її окремих напрямів з урахуванням перспектив та можливостей, а також монетарних інструментів, що має у своєму розпорядженні Національний банк України.

Крім вказаного, відповідний вплив на діяльність Національного банку України має Рахункова палата, яка, як було зазначено вище, подає висновки і пропозиції щодо його звітів про забезпечення стабільності грошової одиниці до Верховної Ради України, тобто фактично контролює здійснення грошово-кредитної політики в частині підтримання курсової стійкості та інфляційних показників за національною валютою.

Отже, реалізація фінансового контролю у сфері грошово-кредитної політики передбачає подвійний характер діяльності Національного банку України, що одночасно розробляє та контролює реалізацію цієї політики. Контроль у питаннях стабільності національної грошової одиниці здійснюється Рахунковою палатою на виконання її повноважень.

Реалізація контролю за готівковим обігом у свою чергу передбачає, що загалом на виконання статті 33 Закону України «Про Національний банк України» [5] він здійснює контроль за випуском (емісією) банкнот і монет, їх обігом, порядком вилучення з обігу та знищенням, а також встановлює правила контролю за веденням касових операцій банків, інших фінансових установ, підприємств й організацій. Зокрема, ним

розроблено Положення про ведення касових операцій у національній валюті в Україні [8] та Інструкцію про ведення касових операцій банками в Україні [9], Правила визначення платіжних ознак та обміну банкнот, розмінних та обігових монет національної валюти України [10], Положення про організацію готівкового обігу і ведення емісійно-касових операцій у банківській системі в особливий період [11]. Вказані документи містять відповідні процедури проведення контролю як у межах банківських установ і суб'єктів господарювання, так і передбачають здійснення відповідного контролю з боку Національного банку України та інших контролюючих структур.

При цьому слід акцентувати увагу на тому, що проведення контролю за порядком здійснення готівкового грошового обігу покладене, крім Національного банку України, і на інші державні органи. Зокрема, главою 7 Положення про ведення касових операцій у національній валюті в Україні [8] передбачено, що вимоги цієї глави застосовуються під час перевірок підприємств (підприємців) органами контролю, які діють згідно із законодавством України. До таких органів, зокрема, можуть належати відповідні фіскальні органи. Як зазначає із цього приводу В.І. Стреляний, «на сьогодні контроль за додержанням порядку проведення готівкових розрахункових операцій покладено переважно на органи державної податкової служби» [12, с. 3]. У системі контролю за додержанням порядку проведення готівкових розрахункових операцій одне з провідних місць також займають органи державної податкової служби, оскільки саме на них законодавчо покладено функцію здійснення контролю в цій сфері. Проте аналіз правових засад здійснення контролю у сфері обігу готівки дає можливість зробити висновок, що певні аспекти готівкових розрахунків можуть контролювати й органи державної контрольно-ревізійної служби (нині – Державної фінансової інспекції України), Міністерство внутрішніх справ України [12, с. 14].

Як слушно зазначено В.І. Стреляним, сучасний стан доктрини фінансового права та законодавства вказує на відсутність належного розуміння та правового регулювання механізму здійснення поточного фінансового контролю за додержанням порядку проведення готівкових розрахункових операцій, хоч він посідає важливе місце в системі фінансового контролю України. На його думку, помилково говорити про те, що контрольна діяльність податкових органів повністю охоплюється поняттям «податковий контроль», адже органи державної податкової служби України, відповідно до чинного законодавства, здійснюють саме державний фінансовий контроль [12, с. 14].

Дійсно, у процесі регулювання готівкового грошового обігу й розрахунків задіяна ціла низка органів, залежно від підконтрольного суб'єкта та характеру відповідних відносин. А отже, питання державного фінансового контролю грошового обігу переходить до сфери діяльності органів, що здійснюють державний фінансовий контроль, у тому числі до органів Державної фінансової інспекції України, податкових та інших органів. При цьому питання їх компетенції та взаємодії щодо здійснення такого контролю є не до кінця визначеними, адже кожен із них, діючи у своїй сфері, підходить до фінансового контролю готівкового грошового обігу з позицій власної компетенції та завдань, що на нього покладені, а єдина узгоджена система такого контролю відсутня.

Крім того, відповідно до п. 7.3. глави 7 Положення про ведення касових операцій у національній валюті в Україні [8] передбачено, що відповідальність за дотримання порядку ведення операцій із готівкою покладається на підприємців, керівників

підприємств, а тому вони доволі часто вдаються до перевірки відповідних бухгалтерських та касових підрозділів із метою дотримання останніми правил ведення готівкових операцій. Також не слід не враховувати і наявність відповідного відомчого контролю, у тому числі внутрішньогосподарського, за яким вищі за ієрархією структури можуть контролювати осіб та підрозділи, що здійснюють операції з готівковими грошовими коштами.

Таким чином, слід констатувати, що в ході реалізації фінансового контролю готівкового грошового обігу, у тому числі касових операцій, у законодавстві відсутня єдина закріплена та злагоджена система такого контролю, а наявні законодавчі акти та органи контролю не вбудовані в єдину систему, що мала б забезпечити реалізацію такого контролю на всіх ланках здійснення готівкових грошових операцій.

Враховуючи це, можна запропонувати таку систему органів фінансового контролю, що мають реалізовувати контроль за готівковим грошовим обігом, включаючи касові операції, яка має бути закріплена законодавчо:

1. Національний банк України як головний та системоутворюючий орган цього контролю.

2. Банківські установи як органи банківської системи, що забезпечують реалізацію готівкового грошового обігу та контроль за здійсненням готівкових розрахунків у касах банків;

3. Державна податкова служба України як ключовий орган системи контролю, на який покладено контроль за загальним додержанням фінансової дисципліни під час готівкового обігу та ведення касових операцій суб'єктами господарської діяльності;

4. Державна фінансова інспекція як орган, що здійснює відповідний контроль у державних підприємствах, установах та організаціях, а також у законодавчо встановлених випадках у недержавних суб'єктах господарювання.

5. Міністерство внутрішніх справ України як орган, покликаний перешкоджати фінансовим правопорушенням у сфері готівкового грошового обігу.

6. Контролюючі органи господарюючих суб'єктів, що здійснюють відомчий контроль відповідно до чинного законодавства та установчих й інших внутрішніх документів, що регулюють їх діяльність.

Реалізація контролю у сфері безготівкових розрахунків регламентується законами України «Про банки і банківську діяльність» [13], «Про платіжні системи та переказ коштів в Україні» [14], нормативно-правовими актами Національного банку України, у тому числі Інструкцією про безготівкові розрахунки в Україні в національній валюті № 22 від 21 січня 2004 року [15]. Також до нормативно-правових актів, що забезпечують реалізацію цього контролю, можна віднести Інструкцію про міжбанківський переказ коштів в Україні в національній валюті [16], Інструкцію про порядок відкриття, використання і закриття рахунків у національній та іноземних валютах [17], Положення про порядок емісії спеціальних платіжних засобів і здійснення операцій із їх використанням [18], Положення про електронні гроші в Україні [19].

Слід відзначити, що контроль у сфері безготівкових розрахунків насамперед здійснюється Національним банком України, який, маючи в управлінні відповідну банківську систему, делегує повноваження щодо здійснення відповідного контролю банківським установам. Водночас окремі елементи такого контролю передбачають

здійснення відповідних дій із боку інших органів державної влади (за структурою вказаною вище) для готівкових розрахунків.

Така подібність передусім пояснюється тим, що грошові кошти здійснюють безперервний рух, а безперервність грошового обороту визначається такими факторами:

– грошовий оборот формується з взаємопов'язаних грошових потоків, що формуються між господарюючими суб'єктами й установами кредитно-фінансової системи, а також між вказаним суб'єктами та фізичними особами. Безпосередню чи опосередковану участь у цих процесах відіграє Центральний банк України;

– між грошима в готівковій і безготівковій формах існує нерозривний зв'язок, який визначається функціями, що ними виконуються, і реальною можливістю переходу однієї форми грошей до іншої;

– гроші, що знаходяться в обороті, послідовно виконують три функції: засобу обороту, накопичення та платежу.

Таким чином, безперервність грошового обороту визначається внутрішньою єдністю грошей, що паралельно виконують різноманітні функції і знаходяться в різних грошових формах (готівковій та безготівковій) [20, с. 190–191].

Водночас варто звернути особливу увагу на реалізацію контролю в питаннях випуску та обігу електронних грошей. Так, як цілком слушно зазначає К.Л. Рачинський, фінансово-правове регулювання емісії та обороту електронних грошей обумовлено тим, що електронні гроші є похідною категорією від законного платіжного засобу, який емітується центральною кредитною установою держави, прийняття електронних грошей в обмін та товари й послуги, а також порядок їх емісії й обороту визначається державою переважно за допомогою владних приписів та позитивних зобов'язань, і, крім того, розрахунки з використанням електронних грошей є невід'ємним елементом національної платіжної системи, забезпечення надійності і стабільності якої є одним із найважливіших завдань держави [21, с. 9–10].

Такий підхід зумовлює певну особливість у реалізації контролю за обігом електронних грошей. Так, загальний контроль безпосередньо покладається на Національний банк України, водночас п.п. 5.4. п. 5 Положення про електронні гроші в Україні [19] визначається, що емітент зобов'язаний здійснювати контроль за дотриманням оператором та агентами під час здійснення операцій з електронними грошима вимог цього положення та правил системи електронних грошей. Якщо ж правила системи електронних грошей є складовою правил платіжної системи, то контроль за дотриманням емітентом, оператором та агентами під час проведення операцій з електронними грошима вимог цього положення та правил системи електронних грошей здійснюється згідно з правилами платіжної системи. А порядок контролю встановлюється правилами системи електронних грошей (платіжної системи).

Відповідно, у ході контролю за обігом електронних грошей формується нібито дві системи контролю, одна з яких має підпорядковуватися іншій. Основною системою контролю за емісією та обігом електронних грошей є контроль із боку Національного банку України на предмет відповідності та дотримання системою електронних грошей вимог чинного законодавства. Додатковою системою контролю у свою чергу є система контролю, сформована самою системою електронних грошей та закріплена в правилах цієї системи.

Контроль у сфері обігу готівкової і безготівкової іноземної валюти передбачає здійснення контрольних заходів, спрямованих на контроль за дотриманням вимог під час вчинення валютно-обмінних операцій; контроль за обґрунтованістю платежів в іноземній валюті; контроль за відповідністю операцій, що проводяться законодавчо, й наявністю необхідних для цього дозволів і ліцензій; контроль за виконанням резидентами обов'язку з продажу іноземної валюти; перевірку повноти обліку й звітності за валютними операціями [22, с. 13–14].

Зазначене вище повною мірою знаходить своє відображення в законодавстві України. Так, профільними законодавчими актами в цій сфері є Закон України «Про порядок здійснення розрахунків в іноземній валюті» [23] та Декрет Кабінету Міністрів України «Про систему валютного регулювання і валютного контролю» [24], які доповнюються Постановою Правління Національного банку України «Про зміну строків розрахунків за операціями з експорту та імпорту товарів і запровадження обов'язкового продажу надходжень в іноземній валюті» [25], Положенням про порядок виконання банками документів на переказ, примусове списання і арешт коштів в іноземних валютах та банківських металів [26] і Положенням про порядок здійснення операцій з чеками в іноземній валюті на території України [27].

Відповідно до статті 13 Декрету Кабінету Міністрів України «Про систему валютного регулювання і валютного контролю» [24] Національний банк України є головним органом валютного контролю, що здійснює контроль за виконанням правил регулювання валютних операцій на території України з усіх питань, не віднесених цим декретом до компетенції інших державних органів; забезпечує виконання уповноваженими банками функцій щодо здійснення валютного контролю згідно із цим декретом та іншими актами валютного законодавства України.

Уповноважені банки, фінансові установи та національний оператор поштового зв'язку, які отримали від Національного банку України генеральні ліцензії на здійснення валютних операцій, здійснюють контроль за валютними операціями, що проводяться резидентами і нерезидентами через ці установи.

Центральний орган виконавчої влади, що забезпечує формування та реалізує державну податкову й митну політику (Державна фіскальна служба України, до складу якої входять державна податкова та митні служби України), здійснює фінансовий контроль за валютними операціями, що провадяться резидентами і нерезидентами на території України.

Центральний орган виконавчої влади, що реалізує державну політику у сфері надання послуг поштового зв'язку (Міністерство інфраструктури України і його структурна складова «Укрпошта»), здійснює контроль за додержанням правил поштових переказів та пересилання валютних цінностей через митний кордон України.

Центральний орган виконавчої влади, що забезпечує реалізацію державної політики у сфері державної митної справи (Державна митна служба України), здійснює контроль за додержанням правил переміщення валютних цінностей через митний кордон України [24].

Законом України «Про порядок здійснення розрахунків в іноземній валюті» [23] встановлюється порядок та строки продажу виручки в іноземній валюті та передбачається контроль і відповідальність за їх порушення. Інші зазначені нормативно-пра-

вові акти також регламентують порядок реалізації контролю за валютними операціями.

Таким чином, формується доволі цілісна система валютного контролю за обігом готівкової і безготівкової іноземної валюти, включаючи забезпечення дотримання порядку про обов'язковий продаж частини валютної виручки на внутрішньому валютному ринку. Водночас існують пропозиції, висловлені вітчизняним науковцем А.М. Іскоростенським [28, с. 17] та відомим російським дослідником валютних відносин М.М. Артемовим [29], щодо створення єдиного органу валютного контролю під егідою Міністерства фінансів.

Вказаний підхід, незважаючи на загальну прийнятність, є доволі складним для реалізації в реальних умовах валютного обігу, оскільки він, як і загалом грошовий обіг, здійснюється практично у всіх сферах фінансової діяльності, що значно ускладнює його контроль. Паралельно із цим обсяг валютних операцій та загального руху валюти та валютних цінностей такий, що не дозволить будь-якому одному органу охопити його цілком. Тому цілком виправданою є існуюча система побудови валютного контролю, заснована на розподілі функцій між окремими державними органами та банківськими установами, що, з одного боку, забезпечує належний спектр охоплення контролем, а з іншого – дозволяє в межах спеціалізації кожного органу забезпечити його здійснення. Разом із цим закріплення статусу Національного банку України як головного органу фінансового контролю є цілком логічним, адже він забезпечує обіг іноземної валюти за допомогою регулювання її безготівкового обороту, забезпечення функціонування валютного ринку, а передача валютно-контрольних повноважень іншому органу може значно розбалансувати систему валютно-контрольних відносин, оскільки нівелює сформовані засоби впливу на валютний обіг із боку Національного банку України.

Реалізація контролю у сфері фінансового моніторингу передбачає здійснення діяльності цілою низкою його органів, які, згідно із Законом України «Про запобігання та протидію легалізації (відмиванню) доходів, одержаних злочинним шляхом або фінансуванню тероризму» [30], поділяються на декілька категорій відповідно до системи фінансового моніторингу, яка складається з двох рівнів: державного і первинного.

Державний рівень передбачає діяльність Державної служби фінансового моніторингу України [31] як спеціально уповноваженого органу в цій сфері, а також додатково діяльність інших суб'єктів державного фінансового моніторингу, до яких належать Національний банк України, Міністерство фінансів України, Міністерство юстиції України, центральні органи виконавчої влади, що забезпечують формування державної політики у сферах надання послуг поштового зв'язку та економічного розвитку, Національна комісія з цінних паперів та фондового ринку, Національна комісія, що здійснює державне регулювання у сфері ринків фінансових послуг.

Первинний рівень фінансового моніторингу представлений цілою низкою суб'єктів, до яких належать банки, страховики (перестраховики), кредитні спілки, ломбарди та інші фінансові установи; платіжні організації, члени платіжних систем, еквірингові та клірингові установи; товарні, фондові та інші біржі; професійні учасники ринку цінних паперів; компанії з управління активами тощо.

Відповідно, на основі формування окресленої системи фінансового моніторингу охоплюються практично всі сфери фінансової діяльності, у яких можливе відмиван-

ня доходів чи фінансування злочинної діяльності або тероризму. Водночас існуюча система фінансового моніторингу в ході реалізації своєї фінансово-контрольної функції загалом скеровується єдиним органом в особі Державної служби фінансового моніторингу України, що дозволяє унормувати та створити єдину централізовану систему моніторингу. Проте в цьому випадку слід звернути увагу на те, що значно применшено роль Національного банку України, що, враховуючи його місце в системі державних фінансових органів та контрольний потенціал, мав би позиціонуватися як орган фінансового моніторингу зі спеціальними функціями, заснованими на можливості відслідковування походження та напрямків руху всіх грошових потоків у державі.

Висновки. Загалом на законодавчому рівні та уповноваженнях органів державного фінансового контролю завдання державного фінансового контролю у сфері грошового обігу внормовані належним чином. Проте відсутня єдина система такого контролю, яка б дозволяла реалізовувати всі його завдання взаємоузгодженою системою із чітко визначеними та розподіленими повноваженнями.

Список літератури:

1. Про основні засади здійснення державного фінансового контролю в Україні : Закон України від 26.01.1993 року № 2939-XI // Офіційний сайт Верховної Ради України [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2939-12>.
2. Положення про Державну фінансову інспекцію України : Указ Президента України від 23.04.2011 року № 499/2011 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/499/2011>.
3. Гуцаленко Л.В. Державний фінансовий контроль : [навч. посіб.] / Л.В. Гуцаленко, В.А. Дерій, М.М. Коцупатрий. – К. : Центр учбової літератури, 2009. – 424 с.
4. Про Рахункову палату : Закон України від 11.07.1996 року № 315/96-ВР [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/315/96-%D0%B2%D1%80>.
5. Про Національний банк України : Закон України : від 20 травня 1999 року № 679-XIV [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/679-14>.
6. Основні засади грошово-кредитної політики на 2014 рік [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.bank.gov.ua/doccatalog/document.jsessionid=9C94B29EEED8778BA00886DF9D7E366B?id=74666694>.
7. Порядок розроблення Основних засад грошово-кредитної політики та здійснення контролю за її проведенням : Затверджений Рішенням Ради Національного банку України від 05 вересня 2012 року № 21 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/v0021500-12>.
8. Про затвердження Положення про ведення касових операцій у національній валюті в Україні : Постанова Правління Національного банку України від 15 грудня 2004 року № 637 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/z0040-05>.
9. Про затвердження Інструкції про ведення касових операцій банками в Україні : Постанова Правління Національного банку України від 1 червня 2011 року № 174 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0790-11>.
10. Про затвердження Правил визначення платіжних ознак та обміну банкнот, розмінних та обігових монет національної валюти України : Постанова Правління Національного банку України від 23 жовтня 2013 року № 422 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z1942-13>.
11. Про затвердження Положення про організацію готівкового обігу і ведення емісійно-касових операцій у банківській системі в особливий період : Постанова Правління Національного банку України від 12 лютого 2004 року № 46 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/z0257-04>.
12. Стреляний В.І. Правове регулювання поточного фінансового контролю за додержанням порядку проведення готівкових розрахункових операцій : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.07 / В.І. Стреляний – Х. : Харківський національний університет внутрішніх справ, 2010. – 18 с.

13. Про банки і банківську діяльність : Закон України від 7 грудня 2000 року № 2121-III [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2121-14>.
14. Про платіжні системи та переказ коштів в Україні : Закон України від 5 квітня 2001 року № 2346-III [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2346-14>.
15. Про затвердження Інструкції про безготівкові розрахунки в Україні в національній валюті : Постанова Національного банку України від 21 січня 2004 року № 22 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/z0377-04>.
16. Про затвердження Інструкції про міжбанківський переказ коштів в Україні в національній валюті : Постанова Правління Національного банку України від 16 серпня 2006 року № 320 України [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/679-14>.
17. Про затвердження Інструкції про порядок відкриття, використання і закриття рахунків у національній та іноземних валютах : Постанова Правління Національного банку України від 12 листопада 2003 року № 492 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z1172-03>.
18. Про здійснення операцій з використанням спеціальних платіжних засобів : Постанова Правління Національного банку України від 30 квітня 2010 року № 223 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0474-10>.
19. Про внесення змін до деяких нормативно-правових актів Національного банку України з питань регулювання випуску та обігу електронних грошей : Постанова Правління Національного Банку України від 04.11.2010 року № 481 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/z1336-10>.
20. Арзуманова Л.Л. Право денежного обращения как подотрасль финансового права Российской Федерации : дис. ... докт. юрид. наук : спец. 12.00.14 / Л.Л. Арзуманова ; Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина. – М., 2014. – 439 с.
21. Рачинский К.Л. Эмиссия и обращения электронных денег: российский и зарубежный опыт финансово-правового регулирования : автореф. дис. канд. юрид. наук : спец. 12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право» / К.Л. Рачинский ; Российский университет дружбы народов. – М., 2012. – 24 с.
22. Фролова Е.Е. Государственный финансовый контроль в сфере денежного обращения : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : спец. 12.00.14 / Е.Е. Фролова. – М., 2011. – 54 с.
23. Про порядок здійснення розрахунків в іноземній валюті : Закон України від 23.09.1994 року № 185/94-ВР [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/185/94-%D0%B2%D1%80>.
24. Про систему валютного регулювання і валютного контролю : Декрет Кабінету Міністрів України від 19.02.1993 року № 15-93 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/15-93>.
25. Про зміну строків продажу надходжень в іноземній валюті та імпорту товарів і запровадження обов'язкового продажу надходжень в іноземній валюті : Постанова Правління Національного банку України від 14 травня 2013 року № 163 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0718-13>.
26. Про затвердження Положення про порядок виконання банками документів на переказ, примусове списання і арешт коштів в іноземних валютах та банківських металів : Постанова Правління Національного Банку України від 28.07.2008 року № 216 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0910-08>.
27. Про затвердження Положення про порядок здійснення операцій з чеками в іноземній валюті на території України : Постанова Правління Національного банку України від 29.12.2000 року № 520 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0152-01>.
28. Іскоростенський А.М. Правове регулювання валютних відносин в Україні : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.07 / А.М. Іскоростенський ; Нац. ун-т держ. податк. служби України. – Ірпінь, 2008. – 21 с.
29. Артемов Н.М. Валютное регулирование в Российской Федерации : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : спец. 12.00.14 / Н.М. Артемов. – М., 2002. – 54 с.
30. Про запобігання та протидію легалізації (відмиванню) доходів, одержаних злочинним шляхом або фінансування тероризму : Закон України від 28 січня 2002 року № 249-IV [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/249-15>.
31. Про Положення про державну службу фінансового моніторингу : Указ Президента України від 13 квітня 2011 року № 466/2011 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/466/2011>.

Ямненко Т. М. К вопросу о правовой регуляции реализации заданий государственного финансового контроля в сфере денежного обращения / Т. М. Ямненко // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. – Серия: Юридические науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 93-103.

Статья посвящена вопросам реализации заданий финансового контроля сферы денежного обращения в контексте его правовой регуляции и деятельности органов такого контроля. Рассмотрена реализация заданий финансового контроля в сфере денежного обращения по всем его направлениям и составляющим и выяснена степень взаимосвязей, уровень полномочий и место каждого из органов такого контроля. По результатам чего сформирован вывод о необходимости создания единой системы органов финансового контроля в сфере денежного обращения с уточнением и взаимным согласованием их полномочий.

Ключевые слова: финансовый контроль, государственный финансовый контроль, государственный финансовый контроль в сфере денежного обращения, задания государственного финансового контроля в сфере денежного обращения.

TO QUESTION OF LEGAL ADJUSTING OF REALIZATION OF TASKS OF STATE FINANCIAL CONTROL IN A SPHERE OF MONEY CIRCULATION

*Yamnenko T. M.
National Aviation University,
Kiev, Ukraine*

The article is devoted the questions of realization of tasks of financial control of sphere of money circulation in the context of his legal adjusting and activity of organs of such control. Realization of tasks of financial control is considered in a sphere of money circulation after all his directions and constituents and the degree of intercommunications, level of plenary powers and place, is found out, each of organs of such control. Attention is thus accented on that realization of financial control in a sphere of monetary policy foresees double character of activity of the National bank, which simultaneously develops and controls realization of this policy, and also control in the questions of stability of national monetary item is carried out the Account chamber, on implementation of its plenary powers.

In same queue, during realization of financial control of available money circulation, including cash operations, the unique fastened and concerted such checking system absents in a legislation, and there are legislative acts and control organs not built-in in the unique system, which must was provide realization of such control on all links of realization of available money operations.

And control in a sphere of non-cash settlements is above all things carried out the National bank of Ukraine, which, having the proper banking system in a management, as though delegates plenary powers on realization of the proper control bank institutions. At the same time the separate elements of this control are foreseen by realizations of the proper actions from the side of other public authorities. Concerning currency control, established, that fully justified is the existent system of his construction, based on distributing of functions between separate public organs and bank institutions, that provides the proper spectrum of scope control from one side, and from other – allows within the limits of specialization of every organ to provide his realization.

An analogical conclusion touches systems of the financial monitoring, in which however the considerably diminished role of the National bank of Ukraine which must be corrected at legislative level.

On the whole as a result of research a conclusion is formed about the necessity of creation of the unique system of organs of financial control in a sphere of money circulation with clarification and mutual concordance of their plenary powers.

Key words: financial control, state financial control, state financial control in a sphere of money circulation, tasks of state financial control in a sphere of money circulation.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.351

ПРЕДМЕТ ПРИЧИНЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА ПУТЁМ ОБМАНА ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ

Бугаев В. А.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

Статья рассматривает содержание предмета причинения имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием в общетеоретическом аспекте исследования проблемных вопросов понятия и содержания предмета преступления в целом, а также различных подходов к выяснению содержания предмета преступлений против собственности в частности.

Ключевые слова: предмет преступления, собственность, право собственности, имущественный ущерб, обман, злоупотребление доверием, преступления против собственности.

Вопрос о понятии предмета преступления, его содержания и роли, связи с объектом преступления длительное время остаётся дискуссионным. В теории уголовного права преобладает подход, согласно которому под предметом преступления понимают материальные предметы внешнего мира, на которые непосредственно воздействует преступник, осуществляя преступное посягательство на соответствующий объект [1, с. 78; 2, с. 179].

Например, Н.И. Коржанский под предметом преступления признает материальный объект, в котором проявляются определённые стороны, свойства общественных отношений (объекта преступления), которому путём физического или психического воздействия причиняется социально опасный вред в сфере этих общественных отношений [3, с. 206]. В свою очередь, В.Я. Таций полагает, что под предметом преступления следует считать любые вещи материального мира, с определёнными свойствами которых закон об уголовной ответственности связывает наличие в действиях лица признаков конкретного состава преступления [4, с. 110].

Таким образом, предмет преступления – это прежде всего вещи материального мира, в связи с чем возникает вопрос о возможности отнесения к предмету преступления энергии, информации, услуг, то есть не вещного имущества.

Исходя из логики вышеизложенных положений, не вещные ценности не могут быть предметом преступления, поскольку у них отсутствует физический (вещный) признак предмета преступления. Если мы посмотрим на проблему шире и под предметом преступления будем понимать то, на что воздействует лицо в процессе посягательства, соответственно, предметом преступления будут не только не вещные ценности, но и духовные, а при преступном бездействии – и деятельность самого виновного [5, с. 129–130].

В связи с отсутствием однозначной позиции относительно содержания предмета преступления в теории общей части уголовного права возникает вопрос, что понимать под предметом преступления, предусмотренного ст. 165 УК. Поскольку в самой диспозиции этой статьи законодатель указывает в качестве признака этого деяния «причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества», во многих изданиях к предмету этого преступления относят имущество, то есть такие предметы (вещи) материального мира, в которых овеществлён труд человека [1, с. 401]; деньги и имущество – как движимое, так и недвижимое [6, с. 246].

Представляется, что термин «имущество» в уголовно-правовом содержании не совпадает по объёму с термином «имущество» в гражданско-правовом смысле. Не случайно в диспозициях ст. ст. 159 и 163 УК РФ в качестве предметов этих преступлений перечисляются «имущество», «право на имущество», «другие действия имущественного характера». Очевидно, что этим законодатель подчеркнул, что не следует отождествлять «имущество» в гражданско-правовом и уголовно-правовом понимании.

Согласно ст. 128 ГК РФ имущество является объектом гражданских прав. К объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги; иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; информация; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. Таким образом, в гражданско-правовом понимании имущества можно выделить две его группы: овеществлённое имущество (вещи и иные предметы материального мира) и неовеществлённое имущество (услуги, выполнение работ, другие имущественные права). Следовательно, в гражданско-правовом смысле в буквальном понимании содержание термина «имущество» шире, чем в уголовно-правовом смысле.

Ещё в советский период по этому поводу Г.М. Борзенков отмечал, что через тесную связь предмета с объектом преступления в преступлениях против собственности предметом преступления может быть такая ценность, которая является объектом собственности [7, с. 13]. Поэтому, исходя из правил логики, нужно констатировать, что предметом преступления могут быть какие-либо ценности, являющиеся объектами собственности, то есть вещи и неовеществлённое имущество.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 165 УК могут выступать чужие вещи (при совершении преступления в форме незаконного временного заимствования имущества и уклонении от оплаты за выполненные работы). Физический признак вещи состоит в том, что она незаконно используется виновным и своевременно не возвращается законному собственнику или владельцу. Экономический признак состоит в наличии у имущества меновой и потребительской стоимости, способности удовлетворять потребности человека; отдаленность от природной среды. Юридический признак имущества как предмета причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием состоит в том, что вещь является чужой для виновного. Чужой являются такая вещь, которая не находится в собственности или законном владении виновного лица.

В своё время Н.И. Панов указывал, что предметом этого преступления является размер (стоимость) изношенного имущества, которое незаконно использовалось ви-

новым [8, с. 18]. Представляется, что стоимость изношенного имущества является следствием этого общественно-опасного посягательства. Таким образом, предметом исследуемого преступления может быть как движимое, так и недвижимое имущество.

Во время обращения в свою пользу или в пользу других лиц имущества, которое должно было поступить владельцу, предметом посягательства чаще всего выступают денежные ценности, которые виновный не передает владельцу за предоставленные последним услуги или выполненные работы.

Наряду с денежными средствами, предметом анализируемого состава может выступать их эквивалент – ценные бумаги, под которыми понимаются документы, удостоверяющие с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов имущественные права, осуществление и передача которых возможны только при их предъявлении [9, с. 333].

Другое имущество, которое не охватывается понятием денежные средства, также может быть предметом этого общественно-опасного посягательства, поскольку общественное отношение могло предусматривать возможность передачи владельцу и определенных вещей.

Для правильного решения вопроса о квалификации преступного посягательства на энергию, нужно исследовать, чем является энергия в гражданско-правовом понимании, определить, может она выступать предметом посягательства на собственность. Необходимость отнесения не вещного имущества к предмету преступления предопределяет постановку вопроса относительно наличия физического признака предмета преступления, под которым, как указывалось выше, понимается материальность предмета, признание предмета объектом материального мира.

Потребление энергии является неотделимым от ее производства, поскольку отдельно от энергетических мощностей она не существует. Это следует из понимания и функционирования целой энергосистемы, которая представляет собой совокупность энергетических ресурсов, методов их получения, преобразования, распределения, использования, а также технических средств и организационных комплексов, которые обеспечивают снабжение потребителей соответствующими видами энергии.

Энергия не является вещью, поскольку понятием «вещь» охватываются все предметы внешнего мира, которые имеют телесную субстанцию, то есть существуют как физические тела [10, с. 33]. Возможность признания чего-то вещью связана со свойством «телесности» того или другого объекта.

М.Г. Гельфер, указывая на наличие в энергии всех признаков предмета кражи, отмечал, что она способна удовлетворять материальные и духовные нужды общества и отдельного лица, в производство энергии вложена работа, она имеет определенную экономическую ценность и находится в имеющихся фондах государства [11, с. 48]. Тем не менее, как правильно заметил А.И. Бойцов: «Анализируя свойства такой «вещи», как электрическая энергия, М.Г. Гельфер обошел молчанием ее физическую природу» [12, с. 130].

Делая вывод относительно сущности энергии, можем констатировать следующее: энергия не является вещью и не является имущественным правом. Ученые-цивилисты считают ее товаром, поскольку энергия является предметом гражданско-правового оборота. Энергия же включается в так называемую имущественную группу в

качестве промежуточной (между вещами и имущественными правами) объектной категории [13, с. 312]. С уголовно-правовой позиции безусловно несанкционированное подключение к энергосетям, создающее возможность неучтённого потребления электроэнергии мы будем квалифицировать как причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием [14, с. 296].

Нужно обратить внимание на предмет посягательства при уклонении от оплаты за предоставленные услуги и выполненные работы. В договорах о предоставлении услуг и о выполнении работ между субъектами общественного отношения возникают отношения по поводу предоставления и получения услуг, выполнения работ.

Между договорами о предоставлении услуг и выполнении работ имеются существенные отличия. Так, в обязательствах о выполнении работ одному из контрагентов поручается достижение конкретного материального результата. В обязательствах о предоставлении услуг один из контрагентов поручает другому совершить определенные действия без достижения материального результата. По этому поводу Йоффе указывал: «В то время как достижение материального результата опосредствуется обязательствами относительно выполнения работ, при отсутствии такой цели работа выполняется на основе обязательств о предоставлении услуг» [15, с. 489]. Виновный во время уклонения от оплаты за предоставленные услуги желает получить их безвозмездно. Преступление совершается по поводу услуги как невещного имущества, поэтому услуга является предметом преступления.

Если же виновный уклоняется от оплаты за выполненные работы, то нужно учитывать тот факт, что результат выполнения работ материализован. Виновный желает получить этот результат безвозмездно или с частичной оплатой за выполнение работ. Предметом преступления во время уклонения от оплаты за выполнение работы нужно признавать конечный результат, то есть созданную материализованную ценность.

Предметом причинения имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием является услуга использования глобальной информационной системой «интернет». Возможность пользоваться этой системой предоставляется провайдерами и выступает как услуга, т.е. невещное имущество. Поэтому незаконное использование «чужого» интернет-времени, а также уклонение от оплаты за пользование услугами сети интернет нужно квалифицировать по ст. 165 УК.

Таким образом, предметом причинения имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием являются движимое и недвижимое, а также невещное имущество. Вещи являются предметом анализируемого посягательства во время незаконного временного позаймствования имущества, уклонения от оплаты за выполненные работы результатом которых является материализованный объект. Невещное имущество является предметом указанного преступления во время уклонения от оплаты за выполненные услуги, потреблённую энергию, использованное интернет-времени.

Список литературы:

1. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : [учебник] / [М.П. Журавлёв и др.] ; под ред. А.И. Рарога. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2014. – С. 78;
2. Российское уголовное право. Общая часть : [учебник для вузов] / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. – М. : «Контракт», 2014. – 179 с.

Предмет причинения имущественного ущерба...

3. Коржанский Н.И. Объект преступления // Энциклопедия уголовного права в 12 томах Т. 4. Состав преступления. Издание профессора В.Б. Малинина. – СПб., 2005. – С. 206.
4. Уголовное право Украины: Общая часть : [учебник] / [Ю.В. Баулин, В.И. Борисов и др.] ; под ред. В.В. Сташиса, В.Я. Тация. – К. : Юринтеком Интер, 2013. – 110 с.
5. Уголовное право. Общая часть : [учебник для вузов] / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. – М. : Издательская группа Инфра-Норма, 1998. – С. 129–130.
6. Уголовное право. Особенная часть : [учебник для вузов] / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новосёлова. – М. : Издательская группа Инфра-Норма, 1998. – 246 с.
7. Борзенков Г.Н. Ответственность за мошенничество (вопросы квалификации) / Г.Н. Борзенков. – М. : Юридическая литература, 1971. – 13 с.
8. Панов Н.И. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием / Н.И. Панов. – Харьков : Выща школа, 1977. – 18 с.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Изд. 2-е, изм. и доп. – М. : 1998. – 333 с.
10. Мозолин В.П. Право собственности в РФ в период перехода к рыночной экономике / В.П. Мозолин. – М., 1992. – 33 с.
11. Гельфер М. О квалификации незаконного пользования электрической и другой энергией // Социалистическая законность. – 1983. – № 8. – 48 с.
12. Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 130 с.
13. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и практика / В.А. Лапач. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 312 с.
14. Уголовный кодекс Российской Федерации с постатейными материалами / под ред. А.И. Рагога. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2014. – С. 295–296.
15. Иоффе О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. – М. : Юридическая литература, 1975. – 489 с.

Бугаєв В. О. Предмет заподіяння майнової шкоди шляхом обману чи зловживаючи довірою / В. О. Бугаєв // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія : Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66), № 4. – С. 104-108.

Стаття розглядає зміст предмета заподіяння майнової шкоди шляхом обману або зловживання довірою в загальнотеоретичному аспекті дослідження проблемних питань поняття і змісту предмета злочину в цілому, а також різних підходів до з'ясування змісту предмета злочинів проти власності зокрема.

Ключові слова: предмет злочину, власність, право власності, майнову шкоду, обман, зловживання довірою, злочини проти власності.

THE OBJECT OF CAUSING DAMAGE TO PROPERTY BY DECEPTION OR ABUSE OF TRUST

*Bugayev V. A.
Taurida National University named after V. I. Vernadsky,
Simferopol*

The article considers the content of the object causing damage to property by fraud or breach of trust in the general theoretical aspects of the study of problematic issues of the concept and content of the object of crime in general, as well as different approaches to clarify the content of the object property crime in particular.

Key words: object of crime, property, ownership, property damage, fraud, breach of trust, crimes against property.

**АНАЛИЗ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ПРАВОВЫХ НОРМ
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ
ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Волошин И. А.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

В статье рассматриваются проблемные вопросы теории уголовного права. Аргументируется необходимость выделения анализа функциональных связей правовых норм в уголовном законодательстве России. Рассматривается значение использования функциональных связей правовых норм в уголовном законодательстве России в правоприменительной практике при квалификации состава преступлений.

Ключевые слова: уголовное законодательство, квалификация, состав преступления, уголовно-правовая норма и правоприменительная практика.

Социальные цели и задачи, стоящие перед той или иной отраслью права России и Украины выполняются, как известно, через осуществление конкретных функций норм, входящих в эту отрасль права.

Поскольку в обществе не существует отдельных правовых отношений, изолированных от других общественных отношений, поэтому и правовое регулирование (либо охрана) его конкретной нормой не может производиться в отрыве от других норм права. Следовательно, между нормами права существуют закономерные, базисные на системности права связи, которые в литературе совершенно справедливо предлагают именовать как функциональные [3, с. 28]. Так как беспричинной функциональной зависимости не существует, выявление, установление функциональных связей имеет очень важное значение для правильного понимания и применения закона, в том числе и при квалификации преступлений.

Под квалификацией преступления в российском уголовном законодательстве понимается процесс сопоставления тождества признаков преступления определенного вида, предусмотренного в уголовном законе, с фактическими признаками, относящимися к конкретному общественно опасному деянию [4, с. 51]. Из сказанного следует, что для осуществления квалификации общественно опасного деяния, во-первых, необходимо иметь все признаки состава преступления определенного вида и, во-вторых, выяснить и установить соответствующие фактические обстоятельства, характеризующие определенное преступное деяние. Таким образом, знание, установление наличия и толкование всех признаков состава преступления является необходимой предпосылкой для квалификации преступлений.

Особая роль в выяснении и установлении признаков состава преступления принадлежит функциональным связям (зависимости, дополнения, определения и т.д.), проявляющихся, конечно, в логических смысловых нормах права [4, с. 81].

Для раскрытия содержания признаков составов конкретных видов преступлений важное значение имеет прежде всего выявление и учет функциональных связей этих составов с дефинитивными нормами, то есть с нормами, раскрывающими смысл терминов, использованных законодателем при конструировании той или иной нормы уголовного права.

Так, в примечаниях к ст. 158 УК РФ даются законодательные определения понятия «хищение», которое является родовым по отношению к конкретным видам (формам) хищения. Также в этих примечаниях раскрывается содержание таких терминов, как хищение в крупных размерах и совершенное неоднократно. Следует отметить, что во избежание типичных ошибок, встречающихся на практике при толковании оценочных признаков составов преступлений в Уголовном кодексе РФ оптимально используется юридико-технический прием формулирования примечаний, в которых определяется величина ущерба, дается определение должностного лица и т.д. Значительное количество дефинитивных норм содержится в уголовном кодексе Общей части УК РФ. К таковым относятся, в частности, понятия преступления (ст. 14 УК РФ), невменяемость и вменяемость (ст. 21 УК РФ), преступление, совершенное умышленно либо по неосторожности (ст. 25, 26 УК РФ), необходимая оборона (ст. 37 УК РФ), крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ) и так далее. Конечно, нередко сами определения нуждаются в уточнении, однако их наличие существенно помогает в установлении признаков состава преступления. В интересах экономии законодательно-технических средств, чтобы избежать излишних повторений, законодатель при изложении некоторых уголовно-правовых норм не указывает в них всех признаков, отсылая при этом к другим нормам. Очевидно, что исчерпывающее установление признаков состава преступления, предусмотренного нормой со ссылочной диспозицией, невозможно без привлечения и анализа норм, к которым она адресована. Ссылочная диспозиция уголовно-правовой нормы чаще всего содержит ссылку на какую-либо статью Особенной части УК. Так, диспозиция ст. 116 УК РФ предусматривает ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ. Ссылка на ст. 115 УК РФ обусловлена необходимостью отграничения состава побоев от состава умышленного причинения легкого вреда здоровью, путем уточнения признаков объективной стороны (последствий). Однако ссылка на другие статьи УК или другие части этих же статей не всегда бывает выражена в диспозиции прямым образом. Так, например, в ст. 106 УК РФ говорится об убийстве матерью новорожденного ребенка, а в статье 107 УК РФ об убийстве в состоянии аффекта. Вместе с тем, понятие убийства, то есть умышленного причинения смерти другому человеку, дается только в ч. 1 ст. 105 УК РФ. Очевидно, что ст. ст. 106, 107 УК РФ не могут анализироваться и применяться без учета содержания ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Как видим, функциональные связи ссылочных уголовно-правовых норм с другими нормами обусловлены их особой законодательной конструкцией.

Ввиду неразрывной, органической связи Общей и Особенной частей невозможно установить признаки того или иного состава преступления без учета функциональных связей, существующих между их нормами.

Как известно, целевое назначение общих принципов и положений, содержащихся в Общей части, состоит в обслуживании норм Особенной части УК РФ и Украины. Поэтому структуру норм Особенной части УК следует рассматривать в неразрывной связи и единстве с нормами Общей части УК [2, с. 12].

Из положений Общей части уголовного законодательства следуют, в частности, такие признаки составов преступлений, которых нет в диспозициях статей Особенной части: признаки, характеризующие субъект преступления (наличие определенного возраста, вменяемость), признаки, относящиеся к объективной стороне (признаки неоконченного преступления и преступления, совершенного в соучастии), признаки, характеризующие субъективную сторону (умышленная и неосторожная формы вины), признаки, относящиеся к объекту преступления (общий перечень объектов, деяний, данный в ст. 2 УК РФ). И хотя далеко не во всех случаях в процессуальных документах ссылаются на нормы Общей части, из этого, однако, не следует, что они не используются. Поэтому нельзя согласиться с В.П. Малковым о том, что «нормы Общей части при квалификации используются (указываются) лишь в тех случаях, когда они уточняют характер преступной деятельности лишь по сравнению с той деятельностью, которая описана в норме Особенной части» [6, с. 128].

Особое значение имеет при квалификации преступлений выявление и учет функциональных связей, существующих при конкуренции уголовно-правовых норм. Это обусловлено тем, что «общая черта норм, находящихся в конкуренции, состоит в том, что они с разной степенью обобщения и с различной полнотой предусматривают признаки одного и того же преступления. Следовательно, как по объему, так и по содержанию эти нормы частично совпадают» [5, с. 89].

В науке уголовного права и судебной практике выделяются такие виды конкуренции: общей и специальной нормы, части и целого и конкуренция специальных норм. Преодоление конкуренции осуществляется посредством решения вопроса о преимуществе одной из конкурирующих уголовно-правовых норм. Общая норма, находясь в определенном логическом соотношении со специальной, содержит родовой (видовой), а специальная – видовой (подвидовой) состав преступления. А.Ф. Черданцев, в свою очередь, к общим нормам относит также и нормы Общей части УК, мотивируя свою позицию следующим: «...общие нормы могут регламентировать не род общественных отношений, а какой-то один элемент или даже отдельный признак элемента общественных отношений целого рода или вида» [3, с. 111].

Вместе с тем, как увязать это мнение с тем, что положения норм Общей части УК выступают в то же время и как конструктивные признаки отдельных составов преступлений, предусмотренных нормами Особенной части уголовного законодательства?

Представляется, что нормы Общей части УК можно рассматривать в качестве общих норм только с известной долей условности, учитывая их особую функциональную роль, связанную с «обслуживанием» норм Особенной части УК РФ.

Специальные (конкурирующие) уголовно-правовые нормы создаются в целях более дифференцированного подхода в плане определения соответствующего на-

казания за тот или иной вид преступного поведения, предусмотренного общей нормой. При этом следует учитывать, что оценка норм в качестве общей либо специальной носит относительный характер: та или иная нормы являются общей или специальной не вообще, а по отношению (применительно) к другим уголовно-правовым нормам.

Так, например, ст. 143 УК РФ (нарушение привил охранны труда) можно рассматривать как специальную норму по отношению к норме, предусматривающей ответственность за должностную халатность (ст. 293 УК РФ). В свою очередь, ст. 216 УК РФ (нарушение законодательства о труде) выступает в качестве общей нормы.

Конкуренция общей и специальной уголовно-правовой нормы должна всегда разрешаться в пользу нормы специальной. В этой ситуации родовая состав как бы сохраняется в резерве для тех случаев, которые специальными составами не охватываются [5, с. 73].

При конкуренции части и целого (например, норм о причинении смерти по неосторожности и умышленном уничтожении или повреждении имущества, повлекшем по неосторожности смерть человека – ст. 109 УК РФ, и ч. 2 ст. 167 УК РФ) всегда должна применяться та норма, которая с наибольшей полнотой охватывает все фактические признаки совершенного деяния. Эта норма имеет преимущество перед конкурирующей нормой, предусматривающей лишь часть того, что было совершено преступником (в приведенном примере – ч. 2 ст. 167 УК РФ). Конкуренция части и целого может быть по признакам объекта и субъекта, объективной и субъективной стороны преступлений или по нескольким из них одновременно. Соотношение части и целого необходимо также учитывать по делам о приготовлении к преступлению и покушении на него, по делам о соучастии [3, с. 83].

В случае возникновения конкурирующей связи между специальными уголовно-правовыми нормами (это имеет место, когда совершенное деяние подпадает под признаки двух и более специальных норм) действуют, в частности, следующие правила квалификации преступлений.

Так, при конкуренции норм с отягчающими и смягчающими обстоятельствами в теории уголовного права и судебной практике выработано правило: преступное деяние должно квалифицироваться по норме со смягчающими обстоятельствами [6, с. 91].

В свою очередь при конкуренции специальных уголовно-правовых норм с отягчающими обстоятельствами применяется норма с наиболее отягчающими обстоятельствами. Так, например, если грабеж совершен при отягчающих обстоятельствах, действия виновного при отсутствии реальной совокупности преступлений следует квалифицировать лишь по той части ст. 161 УК РФ, по которой предусмотрено более строгое наказание. При этом в описательной части приговора должны быть приведены все квалифицирующие признаки деяния [5, с. 85].

Определенную специфику имеют функциональные связи бланкетных уголовно-правовых норм. Как известно, нормы с бланкетной диспозицией для определения признаков конкретного состава преступления отсылают к законодательным или иным нормативным актам других отраслей права: административного, гражданского, трудового, уголовно-процессуального права.

Например, диспозиция ст. 264 УК РФ предусматривает ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. При выяснении объективной стороны состава преступления следует обратиться к тем источникам, где эти правила находятся, и определить, какие конкретно правила нарушены. Очевидно, что применительно к ст. 264 УК РФ для установления признаков состава преступления следует, прежде всего, обратиться к Правилам дорожного движения и Правилам технической эксплуатации и содержания состава автомобильного транспорта России.

Вообще, при применении норм уголовного права довольно часто используются нормативные акты, относящиеся к другим отраслям права. Это обусловлено не только очевидной, но также и латентной бланкетностью уголовно-правовых норм. Например, при конструировании некоторых норм используются такие понятия (категории), как избирательные документы, референдум (ст. 142 УК РФ), агрессивная война (ст. 354 УК РФ); для того, чтобы уяснить содержание этих понятий, необходимо обратиться к нормам иной отраслевой принадлежности.

Выявление и учет всех функциональных связей бланкетных уголовно-правовых норм с нормами других отраслей права позволяет в полном объеме установить соответствующие признаки, характеризующие тот или иной состав преступления, предусмотренных в уголовных кодексах Российской Федерации.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. – М. : «Информекс», 2014. – 584 с.
2. Уголовный кодекс РФ с постратейными материалами / под ред. А.И. Рарога. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2014. – 824 с.
3. Черданцев А.Ф. Уголовно-правовая защита пострадавших от преступления : учебное пособие. – М. : «Юрист», 2010. – 123 с.
4. Уголовное право России. Части Общая и особенная : учебник / М.П. Журавлев и др. ; под ред. А.И. Рарога. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2014. – 784 с.
5. Российское уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / под ред. М.Л. Прохоровой. – М. : «КОНТРАКТ», 2014. – 560 с.
6. Малков В.П. Уголовное право (Общая часть) : учебник для вузов / В.П. Малков. – М. : «ИНФРО», 2008. – 495 с.

Волошин І. О. Аналіз функціональних зв'язків правових норм у кримінальному законодавстві Росії при кваліфікації злочинів / І. О. Волошин // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія : Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 109-114.

У статті розглядаються проблемні питання теорії кримінального права. Аргументується необхідність виділення аналізу функціональних зв'язків правових норм у кримінальному законодавстві Росії. Розглядається значення використання функціональних зв'язків правових норм у кримінальному законодавстві Росії у правозастосовчій практиці при кваліфікації складу злочинів.

Ключові слова: кримінальне законодавство, кваліфікація, склад злочину, кримінально-правова норма і правозастосовна практика.

**ANALYSIS OF THE FUNCTIONAL RELATIONSHIPS OF LEGAL NORMS
IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA**

Voloshin I. A.

*Taurida National University named V. I. Vernadskyi,
Simferopol*

The article considers issues of the theory of criminal law. Argues for using analysis of functional linkages of legal norms in the criminal legislation of Russia. Discusses the importance of the use of the functional relations between legal norms in the criminal legislation of Russia in the law enforcement practice for qualification of crimes.

Key words: criminal law, qualification, crime, criminal law and law enforcement practice.

**БОРЬБА С ТОРГОВЛЕЙ ЖЕНЩИНАМИ И ДЕТЬМИ: МЕЖДУНАРОДНОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ**

Губанова Е. В.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

В статье исследуются институт рабства и работорговли и его составляющие: торговля женщинами с целью труда, проституции; законодательство о торговле женщинами и детьми, а также деятельность общественных организаций и движений против рабского использования (эксплуатации) женщины.

Ключевые слова: рабство, работорговля, торговля женщинами и детьми, проституция.

Целью статьи является исследование международного законодательства по вопросу торговли женщинами и детьми с целью сексуальной эксплуатации и принудительного труда.

Вопросам торговли рабства, работорговли, торговли женщинами и детьми уделяется значительное внимание как отечественными, так и зарубежными учеными в различных плоскостях этого явления, такими как Г. Глонти, Т.А. Горбунова, А.И. Гусев, Дж. Эрдан, Л.Д. Ерохина, Л. Ю. Рогава, И.Г. Родионова, Ф.Л. Сеницын, Е.В. Тюрюканова, А.И. Уткин, и другими.

Определение понятия «торговля людьми» обуславливается эволюцией самого явления и в силу изменения исторических условий – экономических, социальных, политических, культурных – его кодификации в общественно-политическом, научном, правовом и международно-правовом дискурсах. В современных исследованиях по проблеме торговли людьми достаточно подробно представлены основные явления, процессы, тенденции и международные документы, касающиеся этого вопроса [1–11]. Со временем в науке и законодательстве стали выделять отдельно институт торговли женщинами и детьми с целью принудительного труда, проституции.

Зарождение торговли людьми – работорговли – относится к древности, и первые упоминания о рабах отмечены на территории Месопотамии в начале III тысячелетия до н. э., и в XVIII веке до н. э. – в Китае. Рабынь-женщин из Африки в колонии стали доставлять только с середины XVIII в. До этого рабы практически не самовоспроизводились.

К концу XIX в. почти все государства мира официально признали рабство аморальным и противозаконным. На международном уровне проблема торговли людьми была обозначена во время первого этапа глобализации, разворачивавшегося с рубежа XIX–XX вв. [12, с. 38–40]. Борьба с торговлей женщинами и детьми для занятия проституцией началась в форме двусторонних соглашений, например, между Германией и Нидерландами в 1889 г. и между Германией и Австрией в 1890 г.

В 1899 г. Лондонская конференция по борьбе с торговлей женщинами в целях сексуальной эксплуатации, созванная по инициативе английской Национальной организации бдительности, впервые заявила о явлении торговли людьми на международном уровне и призвала государства к заключению многосторонних соглашений и созданию соответствующих национальных комитетов [13, с. 117]. Конференция отметила устрашающие размеры торговли женщинами, обратилась к государствам с призывом заключить многостороннее соглашение по борьбе с этими преступлениями и повсеместно создать национальные комитеты по борьбе с проституцией. Такие комитеты были созданы во многих странах, в том числе и в России в 1900 г. – «Российское общество защиты женщин» [14]. Таким образом, конференция положила начало формированию международного сотрудничества государств и неправительственных организаций в противодействии торговле женщинами [15, с. 82–86].

Проблема противодействия торговле женщинами и детьми обсуждалась на конференции в Париже в 1902 г. В 1904 г. был заключен Международный договор «О действительном предупреждении преступной торговли, известной как торговля белыми рабынями». Однако договор в качестве преступного деяния рассматривал лишь принудительное склонение женщин и девушек к занятию проституцией за границей, в нем не предусматривалось наказание за указанный вид преступлений. Документ регулировал механизм взаимодействия государств-участников при возвращении потерпевших на родину. Причем государства должны были брать на себя ответственность по осуществлению контроля над агентствами, предлагающими девушкам и женщинам работу за границей.

В 1910 г. была принята Международная конвенция о борьбе с торговлей белыми рабынями, которая вводила наказание за торговлю рабынями и предусматривала положения об экстрадиции преступников и принятии законодательных мер для обеспечения ее реализации. Это значит, что нормы Конвенции следовало имплементировать в национальное законодательство.

Новый этап усиления внимания к проблемам рабства и торговли людьми был связан с договорным формированием новой системы международных отношений после Первой мировой войны – Версальско-Вашингтонской – и деятельностью Лиги Наций. В 1919 г. была заключена Конвенция о полном запрещении рабства во всех его формах и торговли людьми на море и на суше. В 1921 г. – подписана Международная конвенция о борьбе с торговлей женщинами и детьми. В 1923 г. в Женеве была заключена Конвенция о запрещении обмена, торговли людьми и пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими.

В 1926 г. там же была подписана Международная конвенция «О рабстве», запретившая все виды рабовладения, в которой были даны важные определения [16]. Так, указывалось, что «под рабством понимается положение или состояние лица, в отношении которого осуществляются некоторые или все полномочия, присущие праву собственности», а «под работорговлей понимаются все действия, связанные с захватом, приобретением какого-либо лица или с распоряжением им с целью обращения его в рабство; все действия, связанные с приобретением раба с целью его продажи или обмена; все действия по продаже или обмену лица, приобретенного с этой целью, и вообще всякое действие по торговле или перевозке рабов». Государства-подписанты обязывались, «каждая

в отношении территорий, находящихся под ее суверенитетом, юрисдикцией, защитой, протекторатом или опекой, если они уже не приняли необходимых мер»: предупреждать и подавлять работорговлю; осуществлять постепенно и возможно скорее полную отмену рабства во всех его формах; принять все необходимые меры с целью предотвращения и ликвидации погрузки, разгрузки или перевозки рабов в их территориальных водах и на судах, плавающих под их флагами. При этом стороны имели полное право «заключать между собой такие специальные соглашения, которые ввиду их особого характера могут быть сочтены необходимыми для возможно скорейшего полного упразднения работорговли», и «оказывать друг другу всевозможное содействие с целью упразднения рабства и работорговли». Принятие Конвенции о рабстве 1926 г. явилось одной из первых попыток международного сообщества систематизировать документы, направленные на предупреждение и борьбу с рабством и работорговлей. В соответствии с требованиями Конвенции и на основании резолюции Ассамблеи Лиги Наций 1932 г., резолюции Совета Лиги 1934 г. был создан совещательный комитет экспертов по борьбе с рабством. Но, «мероприятия Лиги Наций в этой области даже в лучших случаях, то есть когда они доходили до стадии практического осуществления, носили сугубо локальный характер и преследовали конкретные политические цели» [16], таким образом, Конвенция 1926 г. фактически не запретила рабство, а выразила лишь намерения государств искоренить это позорное для человечества явление.

В 1930 г. Генеральной конференцией МОТ была принята Конвенция № 29 «О принудительном или обязательном труде», которая дала следующее определение принудительного (обязательного) труда: «Это всякая работа или служба, требуемая от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг» [17]. «Однако, – как справедливо отмечает Ф.Л. Синицын, – мандат МОТ не распространяется на занятия, которые не считаются традиционной работой (службой). Например, много женщин вовлечено в принудительные «браки», принудительное рождение детей и/или домашнее рабство, что является принудительной службой, которая не покрывается определением, данным в вышеупомянутой Конвенции. Следует добавить, что могут быть примеры, когда лицо может находиться в рабстве даже безо всякого привлечения к труду или службе. Таким образом, кроме данного в настоящей Конвенции термина «принудительный труд», в определение торговли людьми должны быть также включены термины «рабство» и «состояния, подобные рабству», которые частично покрывают друг друга, но не являются равнозначными [8, с. 22–23]. В 1933 г. в Женеве была заключена Международная конвенция о запрещении торговли совершеннолетними женщинами.

Новый этап повышения внимания к проблеме рабства и торговли людьми был связан с подведением итогов Второй мировой войны и созданием Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. В 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН была утверждена и провозглашена Всеобщая декларация прав человека, в которой провозглашалось что «каждый человек имеет право на свободу и на личную неприкосновенность», и «никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии, рабство и работорговля запрещаются во всех их видах» [18].

В 1949 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила Конвенцию «О борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами», в которой, в част-

ности, указывалось, «что проституция и сопровождающее ее зло, каковым является торговля людьми, преследующая цели проституции, несовместимы с достоинством и ценностью человеческой личности и угрожают благосостоянию человека, семьи и общества» [19]. Этот документ заменил все ранее действовавшие по этому вопросу международные соглашения и его юрисдикция впервые распространялась не только на территорию метрополий государств-участников, но и на все другие территории, за которые они несли ответственность. При этом каждое государство было должно учредить на своей территории специальный орган, который будет центральным и координационным органом борьбы с перечисленными международными преступлениями. Был предусмотрен обмен информацией об этих преступлениях по установленной форме и принятие необходимых законодательных мер для обеспечения применения конвенции.

Но, как подчеркивает Ф.Л. Сеницын, «Конвенция отражает в себе аболиционистские принципы, рассматривая проституцию и торговлю людьми как одно и то же явление, что представляется нам в корне неверным» [8, с. 23]. Как отмечает исследователь О.Г. Горбунова, Конвенция, «на которую возлагались особые надежды относительно разрешения проблемы торговли людьми, начиная с момента ее ратификации и до нашего времени, продолжает подвергаться аргументированной критике. Особенно подчеркивается тот факт, что вышеупомянутая Конвенция не была столь эффективна, невзирая на достаточно долгое ее функционирование (50 лет). Все активнее раздаются предложения относительно частичного пересмотра некоторых положений Конвенций или полного отказа от нее, с дальнейшей разработкой других механизмов борьбы с постыдным явлением торговли людьми. Если отталкиваться от Конвенции как от основного международного документа, направленного на борьбу с торговлей людьми, и проанализировать наработанные в этом направлении механизмы, невольно задумываешься, почему не удалось достичь каких-либо успехов в преодолении феномена «белого рабства» как на международной, так и на государственном (национальном) уровнях?» Потому что в Конвенции «борьба с торговлей людьми подменяется идеей уничтожения проституции как таковой» [20, с. 2]. В Конвенции, подчеркивают исследователи, не рассматриваются другие формы торговли людьми, кроме так называемой «сексуальной эксплуатации», которой в Конвенции даже не дано определения, и, таким образом, «Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами», к сожалению, не является эффективным актом, способным повлиять на решение проблемы международной торговли людьми [8, с. 27].

В 1950 г. Конференцией полномочных представителей, созванной в соответствии с резолюцией 608 (XXI) Экономического и Социального Совета, была принята Дополнительная Конвенция об упразднении рабства, работорговли, а также институтов и обычаев, сходных с рабством. В 1950 г. была заключена Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, в которой провозглашалось, что никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии, никто не должен привлекаться к принудительному труду (в том числе и женщины).

В 1956 г. Конференцией полномочных представителей, созванной в соответствии с резолюцией 608 (XXI) Экономического и Социального Совета от 30 апреля 1950 г.

была принята Дополнительная Конвенция об упразднении рабства, работорговли, а также институтов и обычаев, сходных с рабством. Конвенция определила, что перевозка или попытка перевозки рабов из одной страны в другую, какими бы то ни было транспортными средствами или соучастие в таковых считается уголовным преступлением, а лица, признанные виновными в этих преступлениях, подлежат суровым наказаниям. В конвенции, в частности отмечалось:

«а) под «рабством», как оно определено в Конвенции 1926 года о рабстве, понимается положение или состояние лица, в отношении которого осуществляют некоторые или все правомочия, присущие праву собственности, а под «рабом» понимается лицо, находящееся в таком состоянии или положении;

б) под «лицом в подневольном состоянии» понимается лицо, находящееся в состоянии или положении, создавшемся в результате институтов или обычаев, упомянутых в статье 1 настоящей Конвенции;

с) под «работорговлей» понимаются и в нее включаются все действия, связанные с захватом, приобретением какого-либо лица или с распоряжением им с целью обращения его в рабство; все действия, связанные с приобретением раба с целью его продажи или обмена; все действия по продаже или обмену лица, приобретенного с этой целью, и вообще всякое действие по торговле или перевозке рабов какими бы то ни было транспортными средствами» [21].

В 1957 г. Генеральной конференцией МОТ была принята Конвенция № 105 «Об упразднении принудительного труда», в которой, в частности, говорилось: «Каждый Член Международной Организации Труда, ратифицирующий настоящую Конвенцию, обязуется упразднить принудительный или обязательный труд и не прибегать к какой-либо его форме:

а) в качестве средства политического воздействия или воспитания или в качестве меры наказания за наличие или за выражение политических взглядов или идеологических убеждений, противоположных установленной политической, социальной или экономической системе;

б) в качестве метода мобилизации и использования рабочей силы для нужд экономического развития;

с) в качестве средства поддержания трудовой дисциплины;

д) в качестве средства наказания за участие в забастовках;

е) в качестве меры дискриминации по признакам расовой, социальной и национальной принадлежности или вероисповедания» [22].

Декларация ООН о правах ребенка 1959 г. определила, что ребенок должен быть защищен от всех форм пренебрежения, жестокости и эксплуатации и не должен быть объектом торговли людьми в любой ее форме. Намерения разрешения этих проблем были отражены и в Международной конвенции о гражданских и политических правах, и в Международной Конвенции ООН по экономическим, социальным и культурным правам, принятых в 1966 г. В 1967 г. резолюцией 2263 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН была провозглашена Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин. В 1974 г. появилась Декларация ООН «О защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов». По итогам первой всемирной конференции женщин под эгидой ООН

(Мехико), состоявшейся в 1975 г., была принята Мексиканская декларация о равенстве женщин и их вкладе в развитие и мир и приложенный к ней Всемирный план действий. В 1979 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. В 1980 г. ООН был принят итоговый документ по результатам второй всемирной конференции «Международная стратегия развития на третье десятилетие», в котором была подчеркнута важность женщин как субъектов и бенефициариев процесса развития. В 1985 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла перспективные стратегии в области улучшения положения женщин по результатам Третьей всемирной конференции женщин, состоявшейся в Найроби. В 1987 г. были выработаны Рекомендации 1065 Парламентской ассамблеи Совета Европы по торговле детьми и другим формам детской эксплуатации. В 1988 г. 16-я Конференция министров юстиции Европы, состоявшаяся в Лиссабоне, приняла Резолюцию № 3 по сексуальной эксплуатации, порнографии и проституции и торговле детьми и несовершеннолетними. В 1989 г. была принята Конвенция ООН о правах ребенка. В 1990 г. Международная Комиссия женщин (СИМ) опубликовала «Решение и рекомендации межамериканской консультации по проблемам женщин и насилия». В 1990 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию ООН «О защите прав мигрантов-трудящихся и членов их семей». 9 сентября 1991 г. Комитета министров государств-членов Совета Европы принял Рекомендацию № R (91) 11 относительно эксплуатации секса в целях наживы, порнографии, проституции, торговли детьми и несовершеннолетними, которая придавала особое значение расширению юрисдикции государства на преступления, совершенные его гражданами за границей, а также обмену информацией и дальнейшим исследованиям связей между секс-индустрией и организованной преступностью.

Таким образом, исследование основных международных нормативно-правовых актов по борьбе с торговлей женщинами и детьми, сексуальной эксплуатацией, принудительным трудом позволяют говорить о значительном внимании международного сообщества к этой проблеме. Но их недостаточная разработанность приводит к неэффективности, невыполнению заложенных в них положений, что в свою очередь приводит к тому, что за такой длительный срок борьбы против торговли женщинами и детьми, против проституции до сих пор не удается искоренить указанное явление.

Список литературы:

1. Глонти Г. Торговля людьми с целью сексуальной эксплуатации: реалии и перспективы (криминологический анализ проституции, порнобизнеса и трафикинга) / Г. Глонти. – Тбилиси, 2004. – 211 с.
2. Ерохина Л.Д. Торговля женщинами в целях сексуальной и иной эксплуатации: теория и практика борьбы / Л.Д. Ерохина, М.Ю. Бурак. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 196 с.
3. Ерохина Л.Д. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе / Л.Д. Ерохина, М.Ю. Бурак. – М. : Профобразование, 2003. – 432 с.
4. Международно-правовые основы борьбы с незаконной миграцией и торговлей людьми : сб. док. / В.С. Овчинский. – М. : Инфра-М, 2004. – 298 с.
5. Международные стратегические документы по предотвращению торговли женщинами [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=943&more=1&c=1&tb=1&pb=1#more943>.

6. Противодействие торговле людьми: Сб. нормат. правовых документов. – М. : Ассоц. кризис. центров помощи женщинам «Остановим насилие», 2004. – 228 с.
7. Противодействие торговле людьми : учебное пособие / А.М. Бандурка, В.Н. Куц, Е.Б. Левченко и др. ; под ред. акад. АПрНУ А.М. Бандурки. – Харьков: Консум, 2003. – 312 с.
8. Синицын Ф.Л. Международное законодательство по проблеме торговли людьми / Ф.Л. Синицын. – Пермь : УМТ и ХО ГУВД Пермской обл., 2000. – 94 с.
9. Торговля людьми. Социокримнологический анализ / под ред. Е.В. Тюрюкановой, Л.Д. Ерохиной. – М. : Академия, 2002. – 224 с.
10. Тюрюканова Е. Принудительный труд в современной России : нерегулируемая миграции и торговля людьми / Е. Тюрюканова. – Женева : МОТ, 2006. – 216 с.
11. Эрдан Дж. Аннотированное руководство к протоколу ООН против торговли людьми / Дж. Эрдан. – М. : Центр помощи пережившим сексуальное насилие «Сестры», 2005. – 77 с.
12. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века / А.И. Уткин. – М. : Издатель Соловьев ; Алгоритм, 2001. – 480 с.
13. Гусев Л. Ю. Борьба с торговлей женщинами: история и современное положение в России и странах Шанхайской организации сотрудничества / Л.Ю. Гусев // Борьба з торгівлею людьми : матеріали Міжнародної науково-практичної конференції / Донецький юридичний інститут ЛДУВС імені Е.О. Дідоренка, Фонд Ганса Зайделя. – Донецьк, 2008. – 278 с.
14. Рогова И.Г. Формирование норм международного права об ответственности за торговлю людьми [Электронный ресурс]. – Режим доступа : – http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=502&Itemid=109.
15. Родионова Т.А. Влияние норм международного права на становление и развитие отечественного уголовного законодательства / Т.А. Родионова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 4(219). – Право. – Вып. 27. – С. 82–86.
16. Конвенция о рабстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/convention_slavery.
17. КОНВЕНЦИЯ 29 Конвенция о принудительном или обязательном труде [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/ed_norm/normes/documents/normativeinstrument/wcms_c029_ru.htm.
18. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.un.org/ru/documents/udhr>.
19. Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/trafficking_suppression.shtml.
20. Горбунова О.Г. К 50-летию ратификации Конвенции ООН 1949 г. «О борьбе с торговлей людьми и эксплуатации проституции третьими лицами» / О.Г. Горбунова. – Киев : Наукова думка, 1999. – 51 с.
21. Дополнительная Конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/supplementconvention_slavery.shtml.
22. Конвенция об упразднении принудительного труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/ed_norm/normes/documents/normativeinstrument/wcms_c105_ru.htm.

Губанова О. В. Борьба з торгівлею жінками та дітьми: міжнародне законодавство і громадські організації / О. В. Губанова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія: Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66), № 4. – С. 115-122.

У статті досліджуються інститут рабства і работоргівлі, його складові: торгівля жінками з метою праці, проституції; законодавство про торгівлю жінками та дітьми, а також діяльність громадських організацій і рухів проти рабської використання (експлуатації) жінки.

Ключові слова: рабство, работоргівля, торгівля жінками та дітьми, проституція.

**FIGHT AGAINST TRAFFICKING IN WOMEN AND CHILDREN:
INTERNATIONAL LEGISLATION AND NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS**

*Gubanov E. V.
Taurida National University V. I. Vernadsky,
Simferopol*

This article explores the institution of slavery and the slave trade, its components: the trafficking of women for the purpose of labor and prostitution; legal system on trafficking of women and children, as well as activities of public organizations and movements against the slave use (exploitation) women.

Key words: slavery, slave trade, trafficking of women and children, prostitution.

**ПРЕСТУПНОСТЬ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: АНАЛИЗ ПРИЧИН,
РАССЛЕДОВАНИЕ, ПРОФИЛАКТИКА**

Гумеров Т. А.

*Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета,
г. Елабуга, Российская Федерация*

Современный этап развития человечества имеет невероятно быстрый темп, что, безусловно, сказывается и на развитии молодежи. Новомодным словом сегодня является «развивающие технологии». Эти технологии применяются в детских садах, школах, при производстве игрушек, компьютерных программ для детей. Однако вместе с развитием в ребенке будущего взрослого члена общества взрослые порой забывают о воспитании принципов морали и нравственности, уважение к закону. Автором принята попытка анализа состояния преступности в молодежной среде, предложены рекомендации профилактики преступлений. В статье рассмотрена и проблема расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Ключевые слова: уголовный процесс, семья, материнство, детство, преступность, профилактика, расследование, несовершеннолетние.

Статья 7 Конституции РФ определяет, что в РФ обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства. Детство – важный этап жизни человека, когда происходит его подготовка к полноценной жизни в обществе, развитие его общественной и творческой активности, воспитание нравственных качеств и патриотизма. В связи с этим одним из государственных приоритетов является обеспечение благополучного и защищенного детства, защита детей и подростков от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие. Значимость этих вопросов неоднократно обозначалась Президентом России в посланиях Федеральному Собранию РФ. Основные направления и задачи государственной политики в интересах детей и ключевые механизмы ее реализации нашли свое отражение в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг., утвержденной в июне 2012 года Указом Президента России [1].

Нельзя не согласиться с тезисом о том, что дети – это главный определяющий потенциал любой страны. Это будущие деятели науки и техники, способствующие повышению потенциала России на мировой арене, представители различных ветвей власти, охраняющие и соблюдающие принципы права, в конце концов, это граждане страны, являющиеся носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ.

По проведенному статистическому исследованию педагогических работников высшего и среднего профессионального образования [2] следует вывод, что самой

главной причиной совершения правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи является нестабильность в семье, об этом заявили 97 (60,6%) опрошенных. 54 (33,7%) опрошенных указали в качестве причины и отсутствие должной воспитательной работы в школе. Еще 41 (25,6%) голос был отдан за то, что причиной является «улица». Правонарушителями не рождаются, ими становятся в виду определенных жизненных обстоятельств.

Семья. По данным, которые привел Павел Астахов на заседании в Посольстве Франции в Москве, выходит, что 60% несовершеннолетних преступников получают условные сроки, 20% – отбывают наказание в местах лишения свободы, 13% – выполняют общественно-полезные работы и 7% – получают наказание в виде штрафа. 5,9 тыс. детей отбывают наказание в воспитательных колониях (на сегодня их 62), из них 20% – это дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей. 75% – подростки старше 14 лет, 25% – дети в возрасте от 11 до 14 лет. Эти страшные цифры сухой статистики не так пугают, как реплика детского омбудсмена, смысл которой сводится к тому, что большинство подростков, только попав в колонию, начинают жить более-менее нормальной жизнью, а именно у них нормальное, здоровое, а самое главное стабильное пятиразовое питание, досуг, медицинское обслуживание. Именно поэтому некоторые подростки стремятся вернуться туда, где им нравится, где им хорошо. Вполне логично сделать вывод, что одной из причин совершения преступлений в молодежной среде – это желание получить дом и внимание, которого у них нет на воле.

В январе-сентябре 2013 года органами внутренних дел рассмотрено 21,01 млн заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, что на 7,0% больше, чем за девять месяцев 2012 года. При этом каждое двадцатое (4,9%) расследуемое преступление совершено несовершеннолетними или при их соучастии [3].

История нашей страны помнит процессы системного распада, происходившие в экономике, социальной структуре, общественной и политической сфере российского общества, которые затронули очень важный институт, институт семьи. Социологические исследования, проводимые в последние годы, дают неутешительные сведения, а именно определяют, что появление в семье ребенка приводит к снижению ее материального уровня на 25–30%, увеличению на 75–80% затрат времени на домашнюю работу [4]. Нельзя не согласиться с мнением ученых относительно того, что в условиях становления рыночных отношений идет процесс формирования семьи нового типа, где ценность детей значительно падает. Это обуславливает рост беспризорных детей, определенная часть из которых фактически выброшена из семейной сферы, нередко с последствиями для них тяжкого виктимного характера [5]. По данным Детского фонда ООН ЮНИСЕФ, всего в мире насчитывается около 100 млн. брошенных детей, причем каждый двенадцатый – из России [6].

Представляется, что основной причиной, способствующей росту правонарушений и преступности среди несовершеннолетних и молодежи, все же является отсутствие нормальных отношений внутри семьи. Причем в этом случае не имеется ввиду конкретно неблагополучные семьи. Психологи советуют проводить «беседы» со своими детьми минимум 15 минут в день. При этом указывая на то, что такое обще-

ние должно проводиться «с глаза на глаз», а не на бегу или мимолетно. Воспитание, которое дается в семье с самого рождения, является, на мой взгляд, основным. Тот пример, который показывается родителями детям, не всегда является «оплотом правильного поведения» в семье и обществе.

Школа. Не зря школу называют вторым домом, а классного руководителя – второй мамой. Действительно, воспитание, которое дается в школе, не лишнее. Однако следует задаться вопросом: может ли физически классный руководитель уследить за детьми во время перемены и уберечь их от опасности? Имеет ли он силы и время на дополнительное «внеклассное общение» с детьми, в то время как от него требуют заполнения различного рода документации? Думается, нет. Затрагивая вопрос о нагрузке учителей, следует задаться целью для начала изыскать возможные дополнительные источники финансирования школьного образования. Уменьшить количество обучающихся в классе путем дробления одного класса, состоящего из 30 обучающихся на два по 15.

Непрерывно надо выразить поддержку инициативе Президента РФ в совершенствовании государственной политики в области физической культуры и спорта, создания эффективной системы физического воспитания, направленной на развитие человеческого потенциала и укрепление здоровья населения [7].

«...Знак ГТО на груди у него.

Больше не знают о нём ничего...

Много в столице таких же значков.

К славному подвигу каждый готов!» [8]

Эти строки посвящены программе физкультурной подготовки в общеобразовательных, профессиональных и спортивных организациях, существовавших в СССР. Программа существовала с 1931 по 1991 год. Благодаря этой программе выросло не одно поколение здоровых и активных людей. Думается, что забытое старое и возвращение к советским традициям должно восприниматься с большой поддержкой.

Расследование преступлений, совершенных несовершеннолетними, представляет особенную сложность. Безусловно, законодатель не мог пропустить такую важную составляющую часть общества, как несовершеннолетние, и установил в уголовно-процессуальном законодательстве особенности, связанные с целевой защитой государством несовершеннолетних, в том числе совершивших преступление. Такая защита обусловлена наличием выше оговорённой статьи 7 Конституции РФ. Не стоит подвергать сомнению и тот факт, что особая защита несовершеннолетних в уголовном процессе связана с категорией лиц, совершивших преступления, которые в силу своего возраста, умственного или психического развития не могут в полной мере осознавать содеянное, происходящее или защищать свои права и исполнять обязанности. Таким образом, законодатель предусмотрел ряд особенностей применения в отношении несовершеннолетних различных мер процессуального характера, отсюда же вытекают особенности совершения отдельных следственных действий.

Подводя итоги рассматриваемому вопросу, следует сделать несколько выводов. Во-первых, в качестве основного метода профилактики преступности среди несовершеннолетних и молодежи следует выделить нормальные, дружественные, основанные на поддержке семейные отношения. Направленность на избавление общества от

института детской беспризорности. Повышение сознательности граждан не только в отношении своих, но и чужих детей.

Во-вторых, необходимо качественное взаимодействие между заинтересованными структурами государственной власти в рассматриваемой области. Безусловно, необходим комплексный и четкий анализ причин и условий, способствующих правонарушениям несовершеннолетних, и, как следствие, надлежащая реализация профилактических мер в купе со слаженной и четкой работой вышеуказанных структур.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сведения

о числе преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, в Российской Федерации [9]

год	2011	2012	2013 (5)
количество	71 910	64 270	46 181

Основными причинами, побудившими подростков попробовать наркотики, названы [10]:

Причины употребления наркотиков	2012г.	2011г.
Из интереса, любопытства	57,3%	45,2%
За компанию	24,2%	22,4%
Получение удовольствия	20,9%	13,2%
Для снятия напряжения	16,6%	9,3%
От нечего делать	13,5%	10,7%
Чтобы испытать острые ощущения	9,3%	9,9%
Чтобы уйти от личных проблем	9,2%	12,1%
Чтобы уважали друзья и знакомые	6,5%	7,1%
Стремление быть как все	6,3%	15,6%
Из-за проблем в семье	3,6%	5,0%
Другое	2,6%	0,9%

Список литературы:

1. Воробьев С.Д. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Законность, 2014. – № 1. – С. 4–6.
2. Опрос 160 работников сферы образования (ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», МБОУ «Гимназия №96» Вахитовского района г. Казани, ГАОУСПО «Профессиональный колледж № 41»).
3. Состояние преступности за январь-сентябрь 2013 года // Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1258312>.
4. Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1999. – 173 с.
5. Григорьева Т.Н. Девиантное поведение несовершеннолетних как следствие посягательств на их жизнь и здоровье // Законы России: опыт, анализ, практика. –2013. –№ 12. – С. 99–102.

6. Социальное сиротство в современной России: Аналитический доклад / под ред. А. Реан. – М., 2002.
7. Указ Президента РФ от 24.03.2014 №172 «О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)» // Российская газета. – № 68 от 26.03.2014.
8. Маршак С.Я. Произведения для детей. Собрание сочинений в восьми томах / С.Я. Маршак. – Том 1. – Издательство «Художественная литература». – Москва, 1968.
9. Статистическая отчетность МВД РФ (2011–2013 г.г.) Ф-494 кн. 14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://mvd.ru/anticorr/statistics>.
10. Официальный сайт аппарата Государственного антинаркотического комитета. Управление по Дальневосточному федеральному округу [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dfo.fskn.gov.ru/analitika/2779-20122013.html>.

Гумеров Т. А. Злочинність в молодіжному середовищі: аналіз причин, розслідування, профілактика / Т. А. Гумеров // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія : Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66), № 4. – С. 123-127.

Сучасний етап розвитку людства має неймовірно швидкий темп, що, безумовно, позначається і на розвитку молоді. Новомодним словом сьогодні є «розвиваючі технології». Ці технології застосовуються в дитячих садах, школах, при виробництві іграшок, комп'ютерних програм для дітей. Однак разом з розвитком в дитині майбутнього дорослого члена суспільства дорослі часом забувають про виховання принципів моралі і моральності, повагу до закону. Автором зроблена спроба аналізу стану злочинності в молодіжному середовищі, запропоновано рекомендації профілактики злочинів. У статті розглянута і проблема розслідування злочинів скоєних неповнолітніми.

Ключові слова: кримінальний процес, сім'я, материнство, дитинство, злочинність, профілактика, розслідування, неповнолітні.

**CRIME IN THE YOUTH ENVIRONMENT:
ANALYSIS OF THE REASONS, INVESTIGATION, PREVENTION**

Gumerov T. A.

*Elabuga Institute (Branch) of Kazan (Volga Region) Federal University,
Yelabuga, Russian Federation*

The present stage of development of humanity has incredibly fast speed that certainly affects and development of youth. The modern word is “the developing technologies” today. These technologies are applied in kindergartens, schools, by production of toys, computer programs for children. However together with development in the child of future adult member of society, adults sometimes forget about education of the principles of morals and moral, respect for the law. It is necessary to pay attention to that fact that in education of such great people as A.S. Pushkin, L.D. Landau, V. I. Lenin, Yu.A. Gagarin, become history, both our country, and the world in general did not participate the developing games, toys the memories, and a lexicon allowing to improve both. Certainly, it is necessary to mention that children is the main defining capacity of any country. These are future scientists and technicians promoting increase of capacity of Russia on the world scene, the representatives of various branches of the power protecting and observing the principles of the right, eventually, it is citizens of the country, being the carrier of the sovereignty and the only source of the power in the Russian Federation. Paying attention to a problem of investigation of the crimes committed by minors it should be noted that proceeding from various features of psychological, intellectual, physical development of each minor, the legislator provides a number of features of application concerning minor measures of procedural character, features of commission of separate investigative actions follow from here. Results of the conducted statistical research on the reasons of commission of offenses among minors are presented in article. The author gives a high positive assessment to the Russian President’s initiative in improvement of public policy in the field of physical culture and sport, creation of the effective system of physical training aimed at human development and strengthening of health of the population. In article an attempt of the analysis of a condition of crime in the youth environment is made, recommendations of prevention of crimes are offered.

Key words: criminal procedure, family, motherhood, childhood, crime, prevention, investigation, minors.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Юридические науки». Том 27 (66). 2014. № 4. С. 128-133.

УДК 343.541 (477.75)

**ИСТОРИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ (ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ
ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ И НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ)
В КРЫМУ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1922–1991 ГГ.)**

Мидловец М. В.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

В статье анализируются история эволюции института половых преступлений (преступлений против половой свободы и неприкосновенности личности) в советский период (1922–1991 гг.) на территории Крыма. Автором исследуются нормы о половых преступлениях в Уголовном кодексе СССР 1922, 1926 гг., Уголовном кодексе УССР 1960 г., действовавших в Крыму в исследуемый период.

Ключевые слова: половые преступления, преступления против половой свободы и неприкосновенности личности, уголовное законодательство Крыма в советский период.

Вопросу преступлений против половой свободы и неприкосновенности личности уделялось немало внимания с давних времен. Сначала данный вопрос регулировался в основном церковным законодательством, с течением времени он приобретает уголовно-правовое очертание.

История эволюции норм об уголовной ответственности за половые преступления на территории Крыма в советский период (1922–1991 гг.) имеет некоторые особенности, связанные со статусом Крыма в определенный период, и, соответственно, распространением на него того или иного уголовного законодательства (РСФСР, УССР).

В декабре 1922 г. представителями четырех советских республик – РСФСР, Украины, Белоруссии и Закавказской Федерации (Азербайджан, Армения и Грузия) – был подписан Договор о создании Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР). Позже на основании Декрета Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных комиссаров «Об автономии Крымской Советской Социалистической Республики» от 18 октября 1921 г. была создана Крымская АССР [1]. В данном постановлении говорилось: «Образовать Автономную Крымскую Советскую социалистическую республику как часть РСФСР в границах Крымского полуострова из существующих округов: Джанкойского, Евпаторийского, Керченского, Севастопольского, Симферопольского, Феодосийского и Ялтинского», что определяло, что на территории Крымской АССР действует законодательство РСФСР [2, с. 5]. Таким образом, в первые годы существования СССР на территории Крыма на уголовные преступления распространялись нормы уголовного законодательства РСФСР, а именно Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.

Следует отметить, что вопрос о наименовании данной группы преступлений по-разному решался как среди ученых, так и в уголовном законодательстве.

Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности традиционно относятся законодателем к группе преступлений против личности, однако в теории уголовного права они именуется по-разному.

В русской дореволюционной литературе их называли «преступлениями против целомудрия», «плотскими преступлениями».

Большинство ученых советского периода именовали данную группу посягательств «половыми преступлениями» (ввиду того, что нарушаются половые интересы потерпевшего). Вместе с тем встречались и другие наименования. Так, А.Н. Игнатов в первых своих работах называл рассматриваемые посягательства «преступлениями против нравственности», в скобках указывая «половые преступления» [3; 12]. По мнению П.И. Люблинского, именование половых преступлений преступлениями против нравственности «придает понятию нравственности весьма узкий характер и смешивает моральную точку зрения с юридической». Поэтому из-за «неблагозвучия сочетания «половые преступления»» он предлагал называть их «преступлениями в половой сфере или в области половых отношений».

Отечественные ученые в настоящее время, наряду с устоявшимся понятием «половые преступления», используют понятие «преступления против половой свободы и половой неприкосновенности». В специальной литературе встречаются также понятия «сексуальные преступления», «преступления в области сексуальных отношений» [4, с. 9; 5, с. 87].

В проекте Уголовного кодекса (далее – УК) РСФСР 1921 г. рассматриваемые преступления назывались «преступлениями против половой нравственности» [6]. В главе 5 УК РСФСР от 1 июня 1922 г. «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» был выделен раздел 4 «Преступления в области половых отношений». Содержавшиеся в нем нормы условно можно разделить на составы, связанные и не связанные с удовлетворением половой потребности. К первым составам относились половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости (ст. 166 карается ограничением свободы сроком не ниже 3 лет со строгой изоляцией), квалифицирующие признаки – сношение, сопряженное с растлением и удовлетворением половой страсти в извращенных формах (ст. 167 карается не ниже 5 лет); изнасилование, то есть половое сношение с применением физического или психического насилия или путем использования беспомощного состояния потерпевшего лица (ч. 1 ст. 169 карается не ниже 3 лет, квалифицирующий признак «самоубийство потерпевшего лица» регулируется ч. 2 ст. 169 и карается лишением свободы сроком не ниже 5 лет). Ко вторым составам относились развращение малолетних и несовершеннолетних (ст. 168 карается лишением свободы сроком не ниже 5 лет), понуждение к занятию проституцией (ст. 170 – не ниже 3 лет со строгой изоляцией), сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовка женщин для проституции (ч. 1 ст. 171 – не ниже 3 лет с конфискацией всего или части имущества), квалифицирующим признаком было «вовлечение в проституцию лица, состоявшего на попечении обвиняемого или не достигшего совершеннолетия» (ч. 2 ст. 171 – не ниже 5 лет) [7].

Но данный кодекс имел много недостатков, в него часто вносились изменения, поэтому в 1926 году был принят новый.

Глава 6 УК РСФСР от 5 марта 1926 г. «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» половые преступления в самостоятельный раздел не выделяли [8]. Вместе с тем, по справедливому мнению А.П. Дьяченко, в названии главы о преступлениях против личности неоправданно отсутствовало специальное указание на уголовно-правовую защиту половой свободы и половой неприкосновенности личности, то есть на непосредственный объект половых преступлений. Расположение статей, устанавливающих ответственность за половые преступления, вслед за статьями о преступлениях против жизни и здоровья и непосредственно перед статьями о преступлениях против личной свободы и достоинства личности свидетельствует, по его мнению, о ценности объекта уголовноправовой охраны. В целях более точного и полного определения объекта половых преступлений автор предлагал изложить название данной главы УК в следующей редакции: «Преступления против жизни, половой свободы и половой неприкосновенности, здоровья, свободы и достоинства личности» [9, с. 119–121].

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. содержал статьи, аналогичные статьям кодекса 1922 г. об ответственности за половые преступления (ст. 151–155). Кодекс 1926 г. объединил в одну статью простое и квалифицированное половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости (ст. 151), при этом увеличил уголовную ответственность за квалифицированный состав до 8 лет.

Также в одну статью были объединены понуждение к занятию проституцией и сводничество (ст. 155). При этом наказуемым являлось уже само понуждение к сожительству. В то же время требовалось доказать наличие именно понуждения к сексуальным действиям: простые предложения зависимым лицам вступить в половые отношения судами не рассматривались как образующие состав данного преступления [10, с. 218].

Статья 168 УК РСФСР 1922 г. вошла в новый кодекс без изменений под № 152.

Квалифицирующими признаками изнасилования, кроме самоубийства потерпевшего, являлись недостижение потерпевшим половой зрелости и изнасилование несколькими лицами (ч. 2 ст. 153). Наказуемым стало понуждение женщины не только в половую связь, но и к удовлетворению половой страсти в иной форме (ст. 154).

В судебной практике по аналогии к изнасилованию относились и другие деяния (например, разъяснением Верховного Суда РСФСР от 16 февраля 1928 г. рекомендовалось квалифицировать как изнасилование вступление в зарегистрированный брак с целью использования женщины в половом отношении) [10, с. 216].

Постановлением ЦИК от 7 марта 1934 г. «Об уголовной ответственности за мужеложство» Уголовный кодекс 1926 г. был дополнен ст. 154-а, предусматривавшей ответственность за добровольное и насильственное (ч. 1) либо с использованием зависимого положения потерпевшего (ч. 2) половое сношение мужчины с мужчиной.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. ответственность за изнасилование была существенно повышена: заключение в исправительно-трудовом лагере на срок от 10 до 15 лет, а за изнасилование несовершеннолетней, а равно изнасилование, совершенное группой лиц или повлекшее за собой особо тяжкие

последствия, была установлена ответственность в виде заключения в исправительно-трудовом лагере на срок от 15 до 20 лет [11, с. 127].

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик от 30 июня 1945 г. «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область» [12] Крымская АССР преобразовывалась в Крымскую область в составе РСФСР. В соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР и Представления Президиума ВС РСФСР «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» от 5 февраля 1954 г. Крымская область передавалась УССР. В документе указано: «Учитывая общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР, Президиум Верховного Совета РСФСР постановляет: Передать Крымскую область из состава РСФСР в состав Украинской ССР» [13].

С этих пор на территории Крыма действует уголовное законодательство УССР, но так как все союзное законодательство было практически идентичным, то никаких изменений в составах половых преступлений не произошло.

Новым этапом явилось принятие УК УССР от 28 декабря 1960 г. [14], вступившего в силу 1 апреля 1961 г. Данный кодекс, как и УК РСФСР 1960 г., вообще не выделял половые преступления в отдельную главу или раздел, а объединяет их с другими преступлениями против жизни, здоровья и свободы личности в Главу III «Преступления против жизни, здоровья, свободы и неприкосновенности личности», но при этом ставит их после жизни и здоровья личности, но перед преступлениями против свободы личности.

Так, УК УССР предусматривал изнасилование (ст. 117), удовлетворение половой страсти неестественным способом (ст. 118), принуждение женщин к половой связи (ст. 119), половые сношения с лицом, не достигшим половой зрелости (ст. 120), развращение несовершеннолетних (ст. 121), мужеложство (ст. 122).

Некоторые статьи, в частности принуждение женщин к половой связи, половые сношения с лицом, не достигшим половой зрелости и развращение несовершеннолетних, имеют простой состав и не испытали значительных изменений.

Изнасилование и мужеложство получили дополнительные квалифицирующие признаки. Так, предусматривается изнасилование, совершенное лицом, ранее совершившим такое преступление; совершенное группой лиц или изнасилование несовершеннолетнего; совершенное особо опасным рецидивистом или повлекшее особо тяжкие последствия, а равно изнасилование малолетнего. В отношении мужеложства квалифицирующими признаками законодатель выделял совершение группой лиц или в отношении несовершеннолетнего, или лицом, ранее совершившим такое преступление.

Новым составом является удовлетворение половой страсти неестественным способом с применением физического насилия, угрозы или с использованием беспомощного состояния потерпевшей. То же деяние, совершенное повторно или группой лиц, особо опасным рецидивистом или лицом, ранее совершившим какое-либо из преступлений, предусмотренных ст. 117 или ч. 2 ст. 122 УК УССР, или повлекшее особо тяжкие последствия, а также совершенное в отношении несовершеннолетнего выступают квалифицирующими признаками.

Следует также отметить, что значительно увеличивалась уголовная ответственность за данную группу преступлений. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 г. «Об усилении ответственности за изнасилование» предусматривалась возможность применения смертной казни за изнасилование, совершенное группой лиц или особо опасным рецидивистом, или повлекшее особо тяжкие последствия, а равно изнасилование несовершеннолетней [11, с. 127–128].

Таким образом, приведенное исследование показывает, что уголовное законодательство советского периода (как РСФСР, так и УССР) разграничивает составы половых преступлений, но не выделяет их в отдельный раздел, обобщая с преступлениями против жизни, здоровья и свободы личности. Это указывает на недостаточное внимание данному виду преступлений. Положительным моментом является развитие квалифицирующих признаков отдельных составов преступлений.

Список литературы:

1. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров об автономии Крымской Советской Социалистической Республики от 18.10. 1921 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/zakoni.htm#tabl>.
2. Шестьдесят шестая годовщина Крымской АССР. Демонстрации и митинги крымских татар / под ред. М. Джемилева. – Лондон, 1987. – 176 с.
3. Игнатов А.Н. Ответственность за преступления против нравственности / А.Н. Игнатов. – М. : Юрид. лит., 1966. – 207 с.
4. Мишота В.А. Предупреждение сексуальных преступлений против несовершеннолетних в семье : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Мишота. – М. : Всерос. науч.-исслед. ин-т, 2000. – 24 с.
5. Уголовное право России. Часть Особенная : [учеб. для вузов] / отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М. : Бек, 1999. – 546 с.
6. История советского уголовного права / А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев, Б.С. Утевский. – Издание 1947 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum107>.
7. УК РСФСР в редакции 1922 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241523&subID=100096269,100096272,100096341,100096497,100096530#text>.
8. УК РСФСР от 5 марта 1926 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3274>.
9. Дьяченко А.П. Определение объектов некоторых половых преступлений / А.П. Дьяченко // Задачи и средства уголовно-правовой охраны социалистических общественных отношений : сб. науч. тр. – М. : Юрид. лит., 1983. – С. 119–121.
10. Курс уголовного права. Особенная часть : в 5 т. / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М. : Зерцало-М, 2002– . – Т. 3. – 2002. – 517 с.
11. Российское уголовное право. Особенная часть : [курс лекций] : в 2 т. / А.В. Наумов. – М. : Юрид. лит, 2004– . – Т. 2. – 2004. – 832 с.
12. Указ Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик от 30 июня 1945 года «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область» // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1958 гг. – М., 1959. – С. 54.
13. Постановлением Совета Министров РСФСР и Представление Президиума ВС РСФСР «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» от 5 февраля 1954 года. ГААРК, НСБ, СИФ, 1954 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/zakoni.htm#tabl>.
14. Кримінальний кодекс Української РСР від 28.12.1960 р. // Відомості Верховної Ради. – 1961. – № 2. – Ст. 14. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2000-05>.

Мидловець М. В. Історія кримінального законодавства про статеві злочини (злочини проти статевої свободи та недоторканості особистості) у Криму в радянський період (1922–1991 рр.) / М. В. Мидловець // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія: Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 128-133.

У статті аналізуються історія еволюції інституту статевих злочинів (злочинів проти статевої свободи та недоторканості особи) у радянський період (1922–1991 рр.) на території Криму. Автор досліджує норми про статеві злочини в Кримінальному кодексу СРСР 1922, 1926 рр., Кримінального кодексу УРСР 1960, що діяли в Криму в досліджуваний період.

Ключові слова: статеві злочини, злочини проти статевої свободи та недоторканості особи, кримінальне законодавство Криму в радянський період.

**HISTORY OF CRIMINAL LEGISLATION ON SEXUAL OFFENSES
(CRIMES AGAINST SEXUAL FREEDOM AND INVIOABILITY OF PERSON)
IN THE CRIMEA DURING THE SOVIET PERIOD (1922–1991)**

*Midlovets M. V.
Taurida National University named after V. I. Vernadsky,
Simferopol*

This article analyzes the history of the evolution of the Institute of sexual crimes (crimes against sexual freedom and integrity of the person) in the Crimea during the Soviet period (1922–1991). The author analyzes the norms on sexual offenses in the Criminal Codes of the USSR 1922, 1926. The Criminal Code of the Ukrainian SSR 1960, acting in the Crimea during the study period.

Key words: sex crimes, crimes against sexual freedom and integrity of the person, criminal law of the Crimea during the Soviet period.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Юридические науки». Том 27 (66). 2014. № 4. С. 134-142.

УДК 340

ЮРИДИКО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ ПРАВА, ПРАВООТНОШЕНИЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ольков С. Г.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

Целью статьи является теоретическое обоснование фундаментальных юридических понятий через авторские юридико-математические модели системы права, правоотношений и юридической ответственности. Автором получены такие научные результаты: 1) обоснованные дефиниции свободы, добра, зла и справедливости; 2) формулировка основной аксиомы права; 3) введение в научный оборот элементарных разно заряженных z - и s -частиц системы права; 4) построение математической модели, связывающей субъективные права и юридические обязанности; 5) построение математической модели идеальных (теоретических) правоотношений; 6) построение математической зависимости деяний от свободы; 7) построение математической зависимости оценки деяний от деяний.

Ключевые слова: право, правоотношение, система права, субъективные права, юридические обязанности, свобода, справедливость, математическая функция, субстанция, энергия, s -частицы, z -частицы, юридическая ответственность, добро, зло.

Введение. Важно понять, что юридическая теория, следовательно, и юридическая практика остро нуждаются в переводе «на рельсы» нормальных точных наук. В юриспруденции за века накопилось слишком много вопросов, на которые нужно дать по меньшей мере удовлетворительные ответы. Человеку со стороны (не юристу) трудно представить, что в той отрасли знания, где измерения должны составлять её суть, эти измерения остаются «за кадром», а важные решения принимаются «на глазок». Даже фундаментальные понятия юриспруденции остаются еще «в тумане». В данной статье мной предпринята очередная попытка расширить границы применения математических методов и «физического мышления» на сферу юриспруденции, начав с её основополагающих явлений, и описывающих их понятий.

Научная новизна статьи состоит в следующем: 1) сформулирована основная аксиома права: в идеально построенной системе права каждое субъективное право в полной мере покрывается юридической обязанностью; 2) показано, что правовая система состоит из пар разно заряженных элементарных z - и s -частиц, которые взаимно «притягиваются», в то время как одноименные заряды «отталкиваются»; 3) установлена зависимость между z и s -частицами системы права в виде уравнения $s=-z$; 4) получено уравнение правового баланса: $g=z+s=0$; 5) доказано, что «работающее» правоотношение следует рассматривать как векторную величину – направленное перераспределение свободы от должника к кредитору; 6) доказано, что количество свободы в замкнутом, закрытом правоотношении остается постоянным, поскольку совокупная свобода, содержащаяся в данном правоотношении, всегда равна единице

и состоит из долей свободы, образующих правоотношение z- и s-частиц; 7) доказано, что в неидеальной правовой системе имеет место неравенство $|z| \neq |s|$, наблюдается очевидный дисбаланс в правоотношении, а следовательно, присутствует нарушение главного правового принципа – принципа справедливости; 8) построена математическая модель, связывающая свободу и деяния субъектов правовых отношений вида: $x = -L$; 9) в виде уравнения $y = x$ в двумерном оценочном пространстве «деяния-оценки деяний» представлена функция справедливости; 10) на основе анализа математических функций, введенной аксиомы и фундаментального понятия свободы даны дефиниции добра, зла и справедливости.

Содержание. Субстанцией (лат. *substantia* – сущность; то, что лежит в основе), заполняющей юридические пространства, является свобода. Свобода (*freedom, liberty*) – это «воздух права», мера взаимодействия (потенциальная энергия) и движения (кинетическая энергия) правовых отношений, возможного и должного, мера добра и зла – количественная (1), переменная величина (2), способная принимать как положительные, так и отрицательные значения (3) в пределах от минус бесконечности до бесконечности: $-\infty < L < \infty$. где *L* – уровень свободы.

В отличие от других переменных свобода (*L*) может точно измеряться в разных единицах измерения, например денежных, временных, пространственных. Свобода на рынках товаров и услуг в различных экономико-правовых отношениях измеряется обычно в денежном эквиваленте. Например, должник (*debtor*) может иметь отрицательную свободу, соответствующую сумме долга, измеренной в рублях и копейках. Эта же сумма в равной мере содержит положительную свободу кредитора (*creditor*). В уголовно-правовых правоотношениях отрицательная свобода – это величина наказания, выраженная, например, в месяцах, сутках или часах ограничения или лишения свободы. В свою очередь она положительна у государства, которому отдает «долг» осужденный. Географически свобода может определяться размерами соответствующей территории, например территории данного государства в квадратных километрах, частного владения в квадратных метрах.

Прежде чем продолжить рассуждения, введем без доказательства **основную аксиому права – аксиому № 1**: в идеальной правовой системе **всякое субъективное право одного субъекта данного конкретного правоотношения должно быть полностью удовлетворено (покрыто) юридической обязанностью другого.**

Свобода заполняет элементарные частицы системы права – субъективные права (*subjective rights*), которые мы назовем z-частицами системы права, и юридические обязанности (*legal obligations*), которые будем называть s-частицами системы права. Субъективное право (z-частица) – это положительно заряженная элементарная частица системы права, поскольку содержит в потенциале положительную свободу (управомоченный субъект по закону (иному нормативно-правовому акту) получает нечто – приобретает дополнительную свободу). Юридическая обязанность (s-частица) – отрицательно заряженная элементарная частица права, содержащая в потенциале отрицательную свободу (субъект, несущий обязанность по закону (иному нормативно-правовому акту), отдает нечто – теряет какую-то долю персональной свободы). Отсюда элементарное правоотношение (*legal relationship*) или простейшая правовая (юридическая) система всегда состоит из двух частиц: субъективного права и юридической

обязанности ($g=z+s$, где g – правоотношение, z – субъективное право, s – юридическая обязанность). Единицей измерения данного правоотношения выступают единицы измерения, в которых измеряется свобода применительно к данному правоотношению.

Всякое элементарное правоотношение (g) содержит в себе внутреннюю свободу (L_{no}) – энергию движения (кинетическая энергия) и взаимодействия (потенциальная энергия) z - и s -частиц, носителями которых в реальных правоотношениях выступают физические и юридические лица в многообразных своих проявлениях. Количество свободы в замкнутом, закрытом правоотношении остается постоянным, поскольку совокупная свобода, содержащаяся в данном правоотношении, всегда равна единице и состоит из долей свободы, образующих правоотношение z - и s -частиц. Владелец субъективного права в данном правоотношении получает ровно столько свободы, сколько её отдает носитель юридической обязанности, а в сумме $p(L_z) + q(L_s) = 1$, где p – доля свободы кредитора, q – доля свободы должника: $p = 1 - q$.

Таким образом, **работающее правоотношение (\bar{g}) следует рассматривать как векторную величину – направленное перераспределение свободы от должника к кредитору**. В начальной стадии правоотношения носитель субъективного права имеет свободу лишь в потенциале (потенциальная свобода кредитора равна единице), а реально обретает её лишь по мере того, как носитель обязанности (должник) своими действиями (кинетическая энергия правоотношения) передает свою свободу (равную реальной единице) в данном правоотношении владельцу субъективного права.

В теории (норме права) конкретное правоотношение должно конструироваться как балансовое, то есть количество свободы в закрытом правоотношении здесь равняется нулю: $g=z+s=0$, поскольку $|z|=|s|$, но z – положительно, а s – отрицательно. Другими словами, субъективное право и юридическая обязанность данного конкретного правоотношения равны по модулю, но противоположны по направлению (знаку).

Представим математическую функцию, связывающую субъективное право и юридическую обязанность. Очевидно, что она будет иметь линейную обратно пропорциональную зависимость с коэффициентом пропорциональности равным минус единице: $s = -z$.

Нетрудно понять, что определять характер связи будет z -частица правовой системы

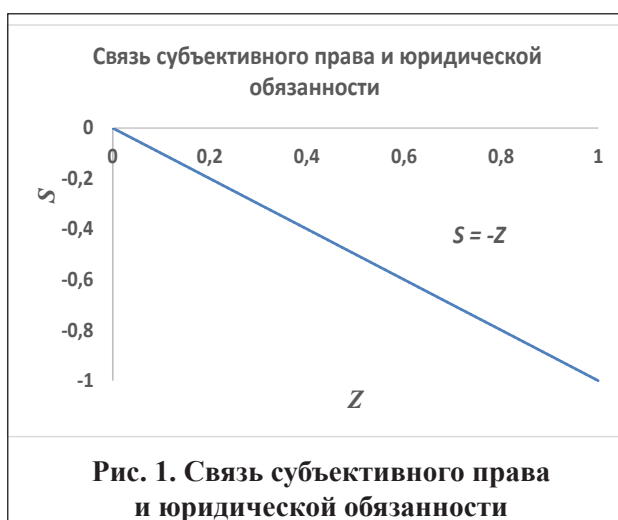

Рис. 1. Связь субъективного права и юридической обязанности

(субъективное право одного субъекта правоотношений должно полностью покрываться юридической обязанностью другого). Именно поэтому она помещена на ось абсцисс, и ей в строгом порядке соответствует s -частица правовой системы, расположенная на ординате в декартовой системе координат. **В идеально построенной системе права каждое субъективное право в полной мере покрывается юридической обязанностью: $s=-z$.**

В данном случае перед нами простая линейная функция вида:

$s=a+bz$, где a – свободный член, а b – первая производная функции; $a=0$, $b=-1$, представленная в IV квадранте декартовой системы координат. Свободный член (a) в модели равен нулю, поскольку отсутствие субъективного права предполагает отсутствие покрывающей его юридической обязанности, что соответствует аксиоме № 1. Параметр b данного уравнения равен минус единице, что отвечает принципу справедливости¹, в полной мере соответствующему аксиоме № 1.

Теперь обратимся к элементарным модельным правоотношениям (не реальным, а теоретическим), в которых связываются субъективные права и юридические обязанности: $g=f(z,s)=z-s=0$, где g – правоотношения – зависимая переменная, а z и s

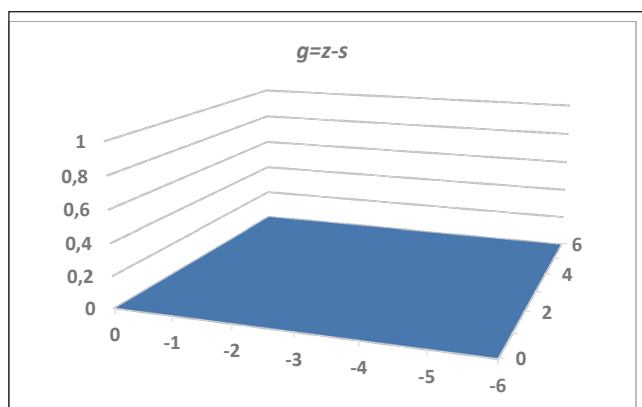

Рис. 2. Поверхность теоретических правоотношений (идеальная функция правоотношений (ИФП))

(независимые переменные) – субъективные права и юридические обязанности. Очевидно, что нормы права должны задавать нулевую поверхность правоотношений в трехмерном оценочном пространстве, так как перед нами абсолютно ровная нулевая поверхность в трехмерном пространстве (со значениями координат по аппликате (расположена зависимая переменная) равными нулю).

Сумма по каждой паре z - и s -частиц равна нулю, что в полной мере соответствует аксиоме

№ 1, утверждающей, что всякое субъективное право одного субъекта должно быть полностью удовлетворено юридической обязанностью другого. При нарушении данного правила правоотношение будет либо незавершенным (положительным: $g>0$), либо избыточным (отрицательным: $g<0$), и функция $g=f(z, s)$ потеряет линейный характер (станет неидеальной). То есть в данном случае имеет место неравенство: $|z| \neq |s|$, наблюдается очевидный дисбаланс в правоотношении, следовательно, присутствует нарушение главного правового принципа – **принципа справедливости**. Принцип справедливости в данном отношении означает равенство субъективных прав и юридических обязанностей и однозначно выражается коэффициентом пропорциональности уравнения равным минус единице в функции $s=f(z)$, что в полной мере соответствует аксиоме № 1.

В положительном правоотношении ($g>0$) субъективное право остается полностью либо частично не закрытым юридической обязанностью ($|z|>|s|$), что говорит о пробеле в законодательстве, регулирующем данное правоотношение.

В отрицательном правоотношении ($g<0$) субъективное право избыточно закрыто юридической обязанностью ($|z|<|s|$), что говорит о нарушении баланса (дисбалансе) в

¹ Более строго принцип справедливости обосновывается в математической модели юридической ответственности.

правоотношении, а следовательно, нарушении главного правового принципа – принципа справедливости.

Балансовое уравнение $g=z+s=0$ уместно назвать **уравнением правового баланса (УПБ)**, оно в полной мере отражает суть аксиомы № 1 и принципа справедливости применительно к любой юридической (правовой) системе.

Важно отметить, что пары частиц в конкретных правоотношениях всегда имеют разные заряды. То есть в правовой системе притягиваются только разноименные заряды – z -частицы и s -частицы. Одноименные заряды – z -частица и z -частица, s -частица и s -частица «отталкиваются». Подобные соотношения в правовой системе невозможны. То есть субъективное право одного субъекта мы не можем закрыть субъективным правом другого в данном правоотношении. То же самое относится и к юридической обязанности. Правоотношение всегда образует только пара: z -частица и s -частица, содержащие в себе конкретные субъективные права и юридические обязанности.

Теперь, понимая смысл и суть свободы, обратимся к такому правовому явлению, как деяние, под которым юридическая теория понимает действие либо бездействие субъектов правовых отношений, имеющие юридическое значение. Всякое деяние характеризуется определенным количеством свободы. При этом **положительная свобода – это зло, а отрицательная – добро**. Поэтому понятия добра и зла всего лишь характеризуют соответствующий вид свободы, не являются первичными и могут быть точно измерены в единицах измерения свободы.

Нулевой уровень свободы в деянии говорит о том, что оно нейтрально – не содержит в себе ни добра, ни зла, следовательно, ни отрицательной (добро), ни положительной (зло) свободы.

Если читатель обратит внимание, то заметит, что понятия добра и зла, представленные в научной литературе, довольно туманны, поскольку их пытаются представить как первичные и самостоятельные категории, описывающие конкретные явления. На самом же деле добро и зло – производные и вторичные понятия, характеризующие конкретный вид свободы в поведении субъектов моральных и правовых оценочных пространств, что удобно показать на математической модели, связывающей свободу и деяния. Обозначим свободу буквой L , а деяния буквой x , и получим зависимость

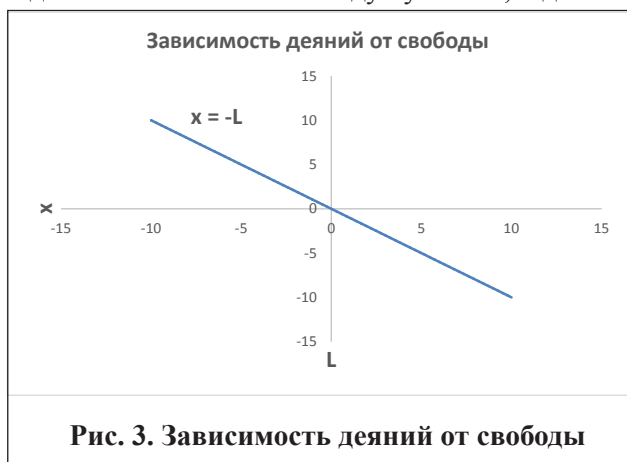

Рис. 3. Зависимость деяний от свободы

$x=-L$. То есть отрицательную линейную функцию, проходящую через II и IV квадранты декартовой системы координат, пропорционально связывающую свободу и деяния. Эта функция показывает распределение добра и зла в деяниях в зависимости от количества и направления (знак) величины свободы. При этом свобода выступает в качестве независимой переменной, а деяния – зависимой.

Нетрудно заметить, что *положительные деяния образуются только при отрицательных значениях уровня свободы* и возрастают по мере уменьшения уровня свободы.

Напротив, *отрицательным деяниям соответствуют только положительные значения уровня свободы*, и величина злодеяний растет по мере увеличения количества свободы.

В начале отсчета содержатся деяния, имеющие нулевой уровень свободы (ни положительный, ни отрицательный), – те деяния, которые мы не можем отнести ни к добру, ни к злу.

Что всё сказанное означает? *Во-первых*, координата (0; 0) на плоскости «свобода-деяния» показывает, что свобода индивида и общества сбалансированы в данном виде деяний – индивид ничего не отдает и не приобретает в ходе общественного отношения. *Во-вторых*, при $L < 0$, $x > 0$ это значит, что в правоотношениях или общественных отношениях индивид жертвует собственной свободой (своими интересами) в пользу общества, на благо других людей или участников правоотношений, увеличивает их персональную свободу, удовлетворяет их потребности, работает на чужое счастье. *В-третьих*, при $L > 0$, $x < 0$ это значит, что индивид или участник правоотношений противопоставляет себя обществу, другим людям, «похищает», «присваивает» себе их свободу в собственных интересах, для удовлетворения своих личных потребностей, достижения персонального счастья, увеличивает персональное благополучие за счет других. При этом неважно, о каких субъектах идет речь. Сюда в равной мере могут относиться физические и юридические лица, государства и их структурные составляющие.

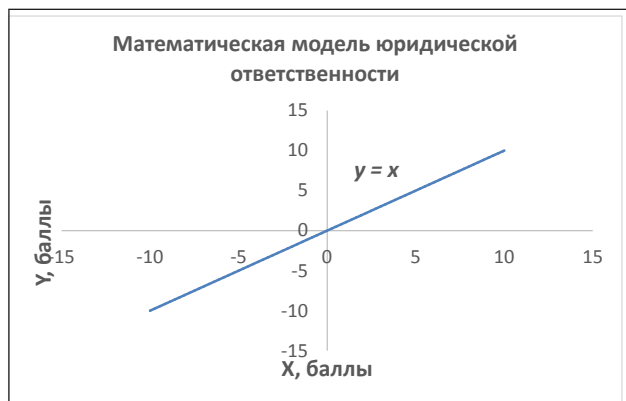

Рис. 4. Математическая модель юридической ответственности с функцией справедливости

Именно поэтому следующая математическая модель – модель юридической ответственности на плоскости [11] (рис. 4) однозначно представляет функцию вида $y=x$, где x – деяния субъектов общественных (правовых) отношений, y – оценка деяния обществом (компетентными органами государства), как *функцию справедливости*.

Индивид как субъект правоотношения в идеале получает ровно такую награду, которую он заслужил, жертвуя личной свободой во имя общества и государства. Это мы видим в первом квадранте декартовой системы координат, представляющей поле позитивной юридической ответственности. Например, субъект правоотношения получает звезду героя России лишь за то, что он совершил подвиг, а подвиг связан с высочайшей долей риска, в частности вплоть до утраты собственной жизни во имя спасения других. С другой стороны, преступник по справедливости получает от общества такое возмездие (наказание), на сумму которого он причинил ущерб другим людям (субъектам

правоотношений), что показано в третьем квадранте (поле негативной юридической ответственности). В функции справедливости чётко и строго выражается баланс общественного и личного интереса в правоотношениях. Функция справедливости представлена простейшим линейным уравнением вида $y=a+bx$, где x – деяния в баллах, y – оценка деяний в баллах, $a=0$, $b=1$. Вообще говоря, деяния и оценки деяний могут измеряться в любых удобных единицах, например единицах времени или денежных средств. Допустим, что юриста-исследователя интересует вопрос опозданий работников на работу. Опоздание на работу – трудовое правонарушение. Опоздание можно точно измерить в минутах, приняв за нуль время прибытия на работу [12]. С другой стороны, работник может прибывать на рабочее место досрочно, что характеризует его в системе юридической ответственности с положительной стороны. То есть работник, прибывший на рабочее место досрочно, жертвует личной свободой (в данном случае личным временем) в интересах своего трудового коллектива. Работник же, допустивший прогул или опоздавший на работу, действует против интересов и свободы трудового коллектива, незаконно расширяя собственную свободу, за что и несет дисциплинарное взыскание пропорциональное величине его проступка.

Легко заметить, что поле позитивной юридической ответственности расположено в первом (I) квадранте декартовой системы координат, а поле негативной – в третьем (III), что ясно отражает юридико-математический смысл юридической ответственности. Функция справедливости в математической модели юридической ответственности является единственно возможной математической функцией, точно связывающей конкретные деяния и их оценки. Именно поэтому данная математическая функция и получила точное название – функция справедливости. Любая другая (линейная или нелинейная) функция в данной модели не может выступать в качестве эталонной функции справедливости, так как *не будет давать нуль в разности пар «деяние и оценка»*.

Выводы: 1) Основным фундаментальным понятием юриспруденции является свобода, под которой понимается мера возможного и должного, мера добра и зла – количественная (1), переменная величина (2), способная принимать как положительные, так и отрицательные значения (3) в пределах от минус бесконечности до бесконечности: $-\infty < L < \infty$, где L – уровень свободы. В отличие от других переменных свобода (L) может точно измеряться в разных единицах измерения.

2) Правовая система строго состоит из пар разно заряженных элементарных z - и s -частиц, которые взаимно «притягиваются», в то время как одноименные заряды «отталкиваются». Субъективное право (z -частица) – это положительно заряженная элементарная частица права, поскольку содержит в потенциале положительную свободу. Юридическая обязанность (s -частица) – отрицательно заряженная элементарная частица права, содержащая в потенциале отрицательную свободу. Простейшая правовая (юридическая) система, равно как и элементарное правоотношение, всегда состоит из двух частиц: субъективного права и юридической обязанности ($g=z+s$, где g – правоотношение, z – субъективное право, s – юридическая обязанность).

3) Основная аксиома права (аксиома № 1) гласит, что в идеальной правовой системе всякое субъективное право одного субъекта данного конкретного правоотношения должно быть полностью удовлетворено (покрыто) юридической обязанностью другого.

4) В неидеальной правовой системе имеет место неравенство $|z| \neq |s|$, наблюдается очевидный дисбаланс в правоотношении, следовательно, присутствует нарушение главного правового принципа – **принципа справедливости**. В положительном правоотношении ($g > 0$) субъективное право остается полностью либо частично незакрытым юридической обязанностью ($|z| > |s|$), что говорит о пробеле в законодательстве, регулирующем данное правоотношение. В отрицательном правоотношении ($g < 0$) субъективное право избыточно закрыто юридической обязанностью ($|z| < |s|$), что говорит о нарушении баланса (дисбалансе) в правоотношении, следовательно, нарушении главного правового принципа – принципа справедливости.

5) Всякое элементарное правоотношение (g) содержит в себе внутреннюю энергию (L_{10}) – энергию движения и взаимодействия z - и s -частиц, носителями которых в реальных правоотношениях выступают физические и юридические лица в многообразных своих проявлениях.

6) Количество свободы в замкнутом, закрытом правоотношении остается постоянным, поскольку совокупная свобода, содержащаяся в данном правоотношении, всегда равна единице и состоит из долей свободы, образующих правоотношение z - и s -частиц.

7) Работающее правоотношение (ϑ) следует рассматривать как векторную величину – направленное перераспределение свободы от должника к кредитору.

8) Всякое деяние характеризуется определенным количеством свободы. При этом положительная свобода – это зло, а отрицательная – добро.

9) Функция справедливости однозначно описывается в математической модели юридической ответственности уравнением $y=x$, где x – деяния субъектов общественных (правовых) отношений, y – оценка деяния обществом (компетентными органами государства), потому что любая другая функция не будет давать нуль в разности пар «деяние и его оценка».

Список литературы:

1. Ольков С.Г. Измерение приговоров на основе исследования математических функций уголовного наказания (на примере США) / С.Г. Ольков // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 3 (31). – С. 186–196.
2. Ольков С.Г. О справедливом приговоре / С.Г. Ольков // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 2 (30). – С. 203–210.
3. Ольков С.Г. Матрица состояний согласованности точных, субъективных и объективных оценок в системе юридической ответственности. Вероятность нахождения системы судей в справедливом и несправедливом состоянии / С.Г. Ольков // Публичное и частное право. – 2014. – № 1 (XXI). – С. 37–42.
4. Ольков С.Г. Формулы счастья, биосоциального напряжения и их использование для объяснения, прогнозирования и управления юридически значимым поведением / С.Г. Ольков // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института Бизнеса. – 2014. – № 1 (26). – С. 238–243.
5. Ol'kov S.G. General Theory of Tension of Biological and Social Fields / S.G. Ol'kov // Archive Euroeco. – 2014. – Vol. 1. – № 1. – P. 77–82.
6. Ольков С.Г. Пределы эффективности юридической ответственности при применении однотипных наказаний и поощрений / С.Г. Ольков // Актуальные проблемы экономики и права. – № 3. – 2013. – С. 142–145.
7. Ольков С.Г. Абсолютное и относительное напряжение личности и градиент счастья в исследовании преступного поведения / С.Г. Ольков // Актуальные проблемы экономики и права. – № 3. – 2012. – С. 264–272.
8. Ольков С.Г. Общая теория наказаний в свете общей теории юридической ответственности и общей теории политических режимов / С.Г. Ольков // Государство и право. – 2007. – № 8. – С. 55–61.

9. Ольков С.Г. Теория моральных и правовых многомерных оценочных пространств / С.Г. Ольков // Право и политика. – № 2. – 2006. – С. 18–28.

10. Ольков С.Г. Аналитическая юриспруденция (методология юриспруденции) : [учебник] : в 2 ч / С.Г. Ольков. – М. : Издательство «Юрлитинформ», 2013. – 1024 с.

11. Ольков С.Г. Юридическая ответственность и многомерные оценочные пространства / С.Г. Ольков // Актуальные проблемы правоведения. – 2004. – № 1(7). – С. 196–204.

12. Ольков С.Г. О сверхточной математической модели юридической ответственности / С.Г. Ольков // Актуальные проблемы правоведения. – 2007. – № 2. – С. 142–146.

Ольков С. Г. Юридико-математична модель системи права, правовідношень юридичної відповідальності / С. Г. Ольков // Вчені записки Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського. Серія: Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 134-142.

Метою статті є теоретичне обґрунтування фундаментальних юридичних понять через авторські юридико-математичні моделі системи права, правовідносин та юридичної відповідальності. Автором отримано такі наукові результати: 1) обґрунтовані дефініції свободи, добра, зла і справедливості; 2) формулювання основної аксіоми права; 3) введення в науковий обіг елементарних різно заряджених z- і s-частинок системи права; 4) побудова математичної моделі, що пов'язує суб'єктивні права та юридичні обов'язки; 5) побудова математичної моделі ідеальних (теоретичних) правовідносин; 6) побудова математичної залежності діянь від свободи; 7) побудова математичної залежності оцінки діянь від діянь.

Ключові слова: право, правовідносини, система права, суб'єктивні права, юридичні обов'язки, свобода, справедливість, математична функція, субстанція, енергія, s-частки, z-частки, юридична відповідальність, добро, зло.

LEGAL AND MATHEMATICAL MODEL OF THE LAW SYSTEM, LEGAL RELATIONS AND LEGAL LIABILITY

Olkov S. G.

*Taurida National University named after V. I. Vernadsky,
Simferopol*

The purpose of the article is theoretical justification of fundamental legal concepts enterprises through copyright legal-mathematical model of the system of law, legal relations and legal liability. Scientific results obtained by the author: 1) reasonable definition of freedom, good, evil and justice; 2) the formulation of the main axioms of law; 3) introduction to scientific use different elementary charged z- and s-particle systems of law; 4) the structure of the mathematical model linking subjective rights and legal duties; 5) creating a mathematical model of an ideal (theoretical) legal relationship; 6) construction of mathematical dependences of acts from freedom; 7) the building of mathematical based assessment acts from acts.

Key words: law, legal relationship, system of law, subjective of rights, legal responsibilities, freedom, justice, mathematical function, substance, energy, s-particles, z-particles, legal responsibility, good, evil.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПОШИВА ОДЕЖДЫ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ АРЕСТАНТСКИХ ОТДЕЛЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Островский А. А.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

Статья посвящена изучению регламентации такой формы работы заключенных исправительных арестантских отделений Российской империи, как пошив одежды для заключенных и армии. Указывается на положительный экономический эффект такого шага, вызванный дешевизной труда заключенных, системными мерами Главного тюремного управления, использования комплексного подхода в развертывании швейных мастерских. Дается анализ нормативно-правовым актам, регулирующим деятельность таких мастерских, договоров заключенных между Главным тюремным управлением и фирмой «Зингер».

Ключевые слова: исправительные арестантские отделения, регламентация, пошив одежды.

Постановка проблемы. Современные пенитенциарные системы во многих странах озабочены вопросами самокупаемости, а также занятости заключенных производительным трудом. В большинстве случаев этот процесс вызывает сложности организационного, правового и экономического характера. Разрешение этих проблем, как показывает богатая историческая практика, возможно лишь с концентрацией усилий не только соответствующих органов исполнения наказаний, но и при содействии всех необходимых государственных, а в некоторых случаях даже общественных организаций. Использование этого опыта, накопленного также в пенитенциарной системе Российской империи, является необходимым шагом к разработке комплексных, системных подходов для решения подобных задач.

Анализ последних исследований и публикаций. Изучение различных аспектов проблемы привлечения заключенных к производительному труду в Российской империи в большинстве своем комплексно еще не происходило. При этом большинство ученых, затрагивавших в той или иной степени вопросы деятельности пенитенциарных систем, так или иначе затрагивали отдельные аспекты данной проблемы. Исходя из этого, укажем, что историографию проблемы составляют труды таких исследователей, как А.А. Бочаров, В.А. Соболевский, А.И. Шилов, Е.П. Курочкин, М.Н. Гернет, А.Ю. Сибилева и многие другие [1–7].

Изложение основного материала исследования. В Российской империи законодательно было закреплено использование заключенных арестантских рот гражданского ведомства и исправительных отделений исключительно на тяжелых работах. В подавляющем своем числе это было строительство, погрузочно-разгрузочные работы, копка ям, траншей и так далее. Однако государство испытывало нужду применения таких

заключенных и для других целей. Например, как известно, заключенные киевского и московского исправительных отделений выполняли заказы интендантского ведомства (то есть для армии) еще в 1870-х гг. Схемы оплаты арестантского труда, применявшиеся в этом случае, были стандартными. Так, в «Правительственном Вестнике» от 12 июля 1878 г. № 155 находим решение правительства «О порядке распределения денег, выработанных по Московскому и Киевскому исправительным арестантским отделениям гражданского ведомства». Им устанавливались временно, впредь до прекращения работ по обмундированию армии в московском и киевских исправительных арестантских отделениях гражданского ведомства, в изъятие ст. 1014 устава о содержащихся под стражей, следующие правила: вырабатываемые при исполнении заказов интендантского ведомства арестантами московского и киевского исправительных отделений деньги распределяются на 3 равные части, из которых 1 поступала в доход казны; другая – в специальные средства отделений на улучшение содержания и лечение заключенных и другие расходы, упдающие по закону на счет экономических сумм арестантских рот и отделений, а оставшуюся треть следовало обращать в пользу заключенных, распределив между ними попечительства [8, л. 15–15 об.].

Учитывая, что данные события приходятся как раз на очередную русско-турецкую войну, возможно потому и был поручен заключенным процесс пошива армейской формы (дешевле и быстрее). Этим же обосновывается временная мера, так как события происходили экстраординарные. Однако это не стало тогда обычной практикой для прочих подобных мест заключения, а применявшаяся же практика пошива армейского обмундирования силами самой армии сохранилась. Лишь намного позже государство обратилось к этому опыту.

7 марта 1906 г. царем было принято решение об освобождении войск от выполнения своим трудом постройки обмундирования и обуви. Вполне естественно, что прежде чем проявились интересы поставщиков для армии, Главное тюремное управление (далее – ГТУ) сообщило главному интендантскому управлению о желательности предоставить производство обуви и обмундирования тюремным мастерским, а также высказалось о том, что обеспечение мест заключения постоянной работой в определенном размере по заказам военного ведомства позволило бы тюремному ведомству не стесняться затратами на наилучшую постановку мастерских и принимать заказы по возможно умеренным ценам с денежной ответственностью за исправное их выполнение.

Исходя из этого, циркуляром № 8 от 17 мая 1906 г. градоначальникам и губернаторам начальник ГТУ А. Максимовский сообщил, что прежде предварительного разрешения поставленного вопроса, главное интендантское управление признало необходимым установить следующее: 1) какие предметы обмундирования могли бы изготавливаться в тюремных мастерских; 2) в каких пунктах было бы возможно осуществить производство и обуви трудом арестантов; 3) до какой максимальной производительности в течение месяца могут быть доведены мастерские; 4) по каким средне-сложным, обязательным для всех мастерских ценам на каждый предмет обмундирования был бы принят заказ интендантства.

Дальнейшим рассмотрением этого вопроса было выяснено, что наиболее удобным было бы исполнение заказов интендантств в тех тюремных мастерских, которые

были расположены в местах нахождения военных вещевых складов (хотя возможным было предоставление работы мастерским по месту расквартирования войск). И к времени издания циркуляра интендантство занималось изысканием способов к наилучшему удовлетворению потребностей войсковых частей в мелочной портновской и сапожной работе по переделке и починке вещей.

Озадачиваясь развитием арестантских работ в возможно широких масштабах и предполагая, что для некоторых мест заключения заказы интендантства по постройке военного обмундирования окажутся желательными, тем более что мелочная портновская и сапожная работа должна была быть посильной и для самых незначительных тюрем, начальникам тюрем следовало определить какие заказы, в каких размерах и на каких условиях могут быть переданы интендантством для исполнения трудом заключенных и, если тюремные мастерские в состоянии исполнить предъявляемые интендантством требования, заявить подлежащему окружному интендантскому управлению просьбу о сдаче им заказа. ГТУ же со своей стороны готово было помочь в оборудовании мастерских техникой по предварительным расчетам о доходах и расходах, это также касалось и вольнонаемного персонала и так далее [9, л. 218–218 об.].

Переключаясь на большие объемы заказов, тюремные мастерские стали оснащать необходимой техникой для производства. В начале XX в. швейные машины получили большое распространение в тюремных мастерских, и число их с каждым годом увеличивалось. Тем не менее тюремное ведомство при покупке машин начальниками мест заключения не пользовалось преимуществами крупного оптового покупателя. С другой стороны, предоставлялось весьма желательным установить для тюремных мастерских однородные типы швейных машин с целью единообразного оборудования мастерских и облегчения знакомства арестантов с работой на машинах.

Исходя из этого, 21 ноября 1907 г. глава ГТУ П. Курлов губернаторам, начальникам областей и градоначальникам циркулярно сообщил, что ГТУ вошло в соглашение с компанией «Зингер», которая изъявила согласие назначить за свои изделия значительно пониженные цены (которые тоже выслали на места) при условии платежа денег в Санкт-Петербург через посредство ГТУ. А потому предлагалось при необходимости закупки швейных машин обращаться в ГТУ [9, л. 226].

Развертывая сотрудничество с данной компанией, ГТУ циркуляром от 23 августа 1912 г. № 31 губернаторам сообщило, что при работах в тюремных мастерских на швейных машинах, в большинстве случаев приобретаемых у компании «Зингер», предоставившей тюремному ведомству на указанные машины исключительные скидки, бывает иногда надобность в замене износившихся машинных частей и приобретении различных к машинам принадлежностей, в виду чего компании «Зингер» поставлено в обязанность иметь в местных складах запас указанных предметов, достаточный для беспрепятственного удовлетворения потребностей мастерских.

По соглашению с кампанией «Зингер» отпуск машинных частей и принадлежностей тюремным мастерским должен производиться отныне со скидкой преysкуранных цен в размере 20% (кроме иголок). Сообщая об изложенном, ГТУ считало нужным пояснить, что расходы на указанный предмет подлежали отношению на тюремную долю арестантского заработка данного места заключения [9, л. 270].

Учитывая развертывание массового производства, ГТУ циркуляром № 4 от 19 января 1908 г. сообщило губернаторам, что, признав соответственным установить однообразный порядок расчетов по ткацкому производству в мастерских, состоящих в хозяйственном заведывании тюремной администрации, оно составило правила, которые подлежали применению с началом выработки холста из пряжи, поступившей в мастерские по получении настоящего сообщения. При этом там, где порядок счетоводства по оборотным средствам мастерских, ассигнованным из специального фонда на развитие тюремных работ, отличался от предусмотренного правилами, но установлен по соглашению с государственным контролером, он мог быть сохранен в текущем году с тем, чтобы ГТУ было поставлено в известность о принятом на месте порядке счетоводства.

Пряжу, поступившую в мастерские до получения правил, следовало доработать на прежних основаниях. Поставка же пряжи на 1908 г. была утверждена за товариществом Новой Костромской льняной мануфактуры по установленным ценам. Именно к этой фирме следовало обращаться с требованиями на пряжу, руководствуясь п. 5 и 6 правил, если на месте не оказывалось более выгодным приобретать пряжу от других фирм. В соответствии с ценами на пряжу были установлены на 1908 г. следующие цены на холста 16-вершковой ширины (как голландированные, так и не голландированные) при употреблении его на постройку надзирательского обмундирования и арестантской одежды: тик 19 коп., равендук 18 $\frac{3}{4}$ коп., рубашечный холст 16 $\frac{3}{4}$ коп. и подкладочный 15 $\frac{3}{4}$ коп. аршин [10, л. 124].

Сами правила о порядке расчетов по ткацкому производству в тюремных мастерских, состоящих в хозяйственном заведовании тюремной администрации с 4 приложениями, были утверждены 19 января 1908 г. начальником ГТУ П. Курловым [10, л. 125–127].

Правила о порядке счетоводства по оборотным средствам тюремных ткацких мастерских предусматривали следующее: 1) управления, распоряжающиеся заработками заключенных (п. 14 правил и форм кассового счетоводства и отчетности по приему и расходованию заработанных сумм мест заключения, разосланных при циркуляре от 19 апреля 1890 г. под № 11), должны были вести особый счет суммам, ассигнуемым из специального фонда на развитие тюремных работ (п. 2 ст. 4 сметы специальных средств МЮ по тюремной части) в качестве оборотных средств тюремных ткацких мастерских (п. 34 тех же правил).

2) Суммы, выручаемые от продажи изделий мастерских, должны поступать в кассы мест заключения и вноситься кассами в полной цифре поступления в местные казначейства один раз в неделю, если в кассе накопилось более 50 руб., в противном случае по накоплении 50 руб., но никак не менее одного раза в месяц (п. 4 тех же правил).

3) Суммы, поступившие в казначейства в указанном в п. 2 порядке, приобщались к оборотным средствам мастерских (п. 1).

4) Начальники мест заключения по истечении месяца должны были сообщать в распорядительное управление сведения о сумме, причитающейся в уплату заключенным за работу по мастерской в течение месяца. На основании этих сведений сумма, следующая в уплату за труд заключенных, выписывалась из счета оборотных средств

и заносилась на приход в «общий счет заработанных сумм места заключения» (п. 17 тех же правил).

5) Авансы на расходы по производству холста выписывались из счета оборотных средств мастерских, а не из тюремной доли заработной платы.

6) Для учета материалов, приобретаемых для холщево-ткацких работ, следовало вести приходно-расходные материальные книги [10, л. 128].

Своим циркуляром № 84 губернаторам от 8 декабря 1908 г. «О исполнении тюремными мастерскими военных заказов» ГТУ указывало, что многие места заключения давно уже применяли труд заключенных для удовлетворения разнообразных потребностей войск, но дело это не только не развивалось с годами, но иногда почти совершенно прекращалось. Становилось очевидным, что разрозненные усилия местных тюремных деятелей не в состоянии преодолеть препятствия общего и частного характера и потому ГТУ с 1906 г. должно было принять непосредственное участие как в привлечении военных заказов, так и в организации соответственных мастерских, стремясь, прежде всего, устранить формальные стеснения, исходившие из взгляда на тюремное ведомство как на частного предпринимателя, благонадежность которого нуждалась в подкреплении денежными залогами и различными договорными обязательствами.

ГТУ стремилось переломить этот взгляд и добилось определенных успехов в этом направлении. Так, в 1908 г. положением военного совета от 15 мая тюремное ведомство было освобождено от взноса денежных залогов при подрядах и поставках на учреждения военного ведомства. Среди военных заказов уже встретились довольно крупные заказы, поступившие без помощи каких-либо частных посредников, что раньше наблюдалось очень редко. В конце 1908 г. и в начале 1909 г. начали свою деятельность специально оборудованные военно-обмундировальные мастерские, обеспеченные заказами интендантства: при Херсонском исправительном отделении на 10–15 тыс. пар сапог в год, при Томском исправительном отделении на 40 тыс. комплектов обмундирования и 40 тыс. пар сапог, при Псковском исправительном отделении на 42 тыс. пар сапог и при Санкт-Петербургском исправительном отделении на 30 тыс. комплектов обмундирования и 30 тыс. пар сапог.

Одновременно с этим усилился и приток более мелких военных заказов. Так, на 1909 г. всего было получено заказов, известных ГТУ, почти на 400 тыс. руб., а в 1910 г. предвиделось еще большее, так как ГТУ подготавливало к открытию ряд других крупных мастерских и рассчитывало, что местные тюремные деятели в свою очередь сделают все возможное для них в том же направлении. Установив взаимосвязь с интендантским ведомством, ГТУ озаботилось обратить внимание на тюремный труд и руководителя опытом войскового хозяйства на новых основаниях генерала от инфантерии А. Водара, который издал приказ по частям войск, состоящим на опыте, рекомендуя им обращаться в тюремные учреждения.

В этом вопросе не допускались никакие ссылки на отсутствие необходимого оборудования мастерских, недостаток опытных рабочих и ответственность заказов, так как в большинстве случаев вовсе не требовалось дорогого и сложного оборудования для портновских и сапожных работ. На инструкторов же ГТУ готово было давать средства, а при их посредстве можно было постепенно подучать арестантов и, сле-

довательно, прием военных заказов поставить в зависимость не только от наличия рабочей силы, но и от создания в течение известного срока, группы мастеров из не знавших мастерства арестантов. Военное ведомство, конечно, было требовательным в отношении качества работ и сохранности казенного материала, однако Санкт-Петербургские места заключения доказали, что в состоянии выполнять такие заказы.

Исходя из этого, следовало сообщить в ГТУ такие сведения: 1) от каких учреждений военного ведомства поступали заказы в 1908 г. непосредственно и для каких учреждений заказы были даны поставщиками этих учреждений и кем именно; 2) в чем состоял каждый заказ и по каким ценам на каждую вещь по материалам заказчика или с материалом тюрьмы; 3) что именно из каждого заказа было исполнено в 1908 г. и что сдано заказчику; 4) были ли случаи браковки и не было ли каких-либо недоразумений при сдаче заказа; 5) обязывалась ли тюрьма какими-либо договорами или залогами при получении заказа и в чем заключались эти обязательства; 6) показать военные заказы в приложении № 1 к годовой отчетной ведомости отдельно от работ по другим заказам [9, л. 231–231 об.].

Как видим, ГТУ весьма серьезно относилось к заказам военного ведомства, способных обеспечить работой весьма значительное количество заключенных, в том числе и исправительных арестантских отделений, а потому стремилось урегулировать даже мелочные вопросы, способные помочь работе своих мастерских. Так, 29 января 1909 г. циркуляром № 2 губернаторам, начальникам областей и градоначальникам начальник ГТУ Беттихер сообщил, что на основании п. 10 правил о порядке расчетов по ткацкому производству в тюремных мастерских, приложенных при циркуляре 19 января 1908 г. № 4, ГТУ установило на 1909 г. для холстов выработки 1909 г. при приеме их для надзирательного обмундирования и арестантской одежды фиксированные цены [9, л. 232].

Таким образом, можно сделать вывод, что изъятие из обязанностей военных самостоятельно производить для нужд армии униформу и сапоги было использовано ГТУ немедленно. Имевшийся опыт сотрудничества с военным ведомством был собран и консолидирован, созданы современные мастерские в исправительных арестантских отделениях, для которых закуплено современное оборудование. За короткий срок удалось наладить массовые заказы военного ведомства непосредственно местам заключения, что способствовало росту их доходов и занятости заключенных.

Список литературы:

1. Бочаров А.А. Из истории дисциплинарных воинских частей Военно-морского флота Российской империи (1906–1916 гг.) / А.А. Бочаров // Военно-исторический журнал. – 2009. – № 2. – С. 42–45.
2. Соболевский В.А. Правосудие и правопорядок в войсках / В.А. Соболевский. – СПб., 1882. – 631 с.
3. Шилов А.И. Уголовное наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части (правовые и криминологические проблемы) : дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Шилов. – Рязань, 1998. – 239 с.
4. Курочкин Е.П. О преобразованиях в военно-арестантских учреждениях / Е.П. Курочкин // Военный сборник. – 1867. – № 8.
5. Гернет М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. / М.Н. Гернет. – М. : Госюриздат, 1951– . – Т. 2 : 1825–1870 гг. – 1951. – 548 с.
6. Гернет М.Н. История царской тюрьмы / М.Н. Гернет. – М. : Госюриздат. 1952– . – Т. 3 : 1870–1900 гг. – 1952. – 521 с.

7. Сибилева А.Ю. Правовые основы создания и деятельности губернского попечительного о тюрьмах комитета в Таврической губернии // Современные проблемы правовой системы Украины : V Международная научно-практическая конференция (г. Киев, 28 ноября 2013 г.). – С. 104–107.

8. Государственный Архив Автономной Республики Крым. – Ф. 162. – Оп. 2. – Т. 2. – Д. 717 : Циркуляры МВД по Керченскому исправительному арестантскому отделению 14.02. – 31.08.1879 г. – 27 л.

9. Государственный Архив Автономной Республики Крым. – Ф. 162. – Оп. 2. – Д. 1593 : Положение об арестантах: порядок содержания, работа и одежды 25.04.1886 – 25.06.1913 г.

10. Государственный Архив Автономной Республики Крым. – Ф. 162. – Оп. 2. – Д. 1373 : О порядке заготовления арестантской одежды 6.07.1885 – 14.08.1885 г.

Островський А. А. Регламентация пошиття одягу у виправних арештантських відділеннях Російської імперії / А. А. Островский // Вчені записки Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського. Серія: Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 143-149.

Стаття присвячена вивченню регламентації такої форми роботи в'язнів виправних арештантських відділень Російської імперії, як пошив одягу для ув'язнених та армії. Вказується на позитивний економічний ефект такого кроку, викликаний дешевизною праці ув'язнених, системними заходами Головного тюремного управління, використання комплексного підходу в розгортанні швацьких майстерень. Дается аналіз нормативно-правовим актам, що регулювали діяльність таких майстерень, договорів між Головним тюремним управлінням і фірмою «Зингер».

Ключові слова: виправні арештантські відділення, регламентація, пошив одягу.

REGULATION OF SEWING OF CLOTHING IN THE CORRECTIONAL PRISONER SEPARATIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE

*Ostrovskiy A. A.
Taurida National University named after V. I. Vernadsky,
Simferopol*

The article is sanctified to the study of regulation of such form of работых the celled correctional prisoner separations of the Russian empire as doing some sewing clothings for prisoners and army. Specified on the positive economic effect of such step, caused by the cheapness of labour of prisoners, system measures of Main Prison Administration, uses of complex approach, in development of sewing workshops. An analysis is given to the normatively-legal acts regulative activity of such workshops, agreements of prisoners between MPS and firm “Zinger”.

Key words: correctional prisoner separations, regulation, doing some sewing clothings.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Юридические науки». Том 27 (66). 2014. № 4. С. 150-158.

УДК 343.828/(470+571)«18»

ПРАВОВЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1850–1860-Х ГГ.

Сибилева А. Ю.

*Крымский экономический институт,
г. Симферополь*

В статье указывается, что правовые основы организации труда заключенных тюрем Таврической губернии заложили указы 18 апреля 1922 г., 25 марта 1929 г. и «Инструкция Смотрителям тюремных замков» 1832 г. Однако, эти указы были несовершенны и частично оторваны от реальности, так как не учитывали всех особенностей развертывания работ заключенных в конкретных регионах. Исходя из этого, организовать системные занятия заключенных производительным трудом в Таврической губернии долгое время не удавалось. Лишь к концу 1850-х гг. были предприняты относительно удачные попытки организации при тюрьмах региона внешних работ заключенных, и сделаны шаги по созданию различных мастерских внутри самих тюрем. Однако, они были в этот период незначительными и не могли охватить основную массу населения тюрем. Тем не менее этот опыт сыграл свою роль в развитии таких работ в последующем.

Ключевые слова: заключенные, тюрьмы, работы, Таврическая губерния.

Постановка проблемы. Общеизвестно, что и сегодня в разных странах заключенных стараются занять на различных работах. При этом цели ставятся обычно такие: 1) удешевление содержания заключенных и мест заключения, а при наличии возможности и получение прибыли; 2) трудовое перевоспитание заключенных и предоставление им возможности приобретения отдельных специальностей, по которым они могли бы работать после освобождения; 3) удаление праздности в тюрьмах, провоцирующей разложение дисциплины.

При этом применение труда заключенных имеет свои особенности и сложности. Так, при производстве любых работ вне стен мест заключения приходится применять дополнительную охрану, что удорожает процесс работ. В начале XIX в. к охране привлекались инвалидные команды или же представители армейских частей. Кроме того, следует учитывать, что низкая численность заключенных региона и отсутствие общепринятой практики к регулярному и комплексному использованию их труда длительный период времени приводило к тому, что такие случаи были скорее исключением, нежели правилом. Сами же тюрьмы служили скорее местом изоляции, а не исправления, перевоспитания или использования заключенных.

Анализ последних исследований и публикаций. Комплексного изучения различных аспектов проблемы привлечения заключенных к производительному труду в Российской империи не происходило. В ходе исследования удалось выяснить, что лишь немногие ученые в некоторой степени затрагивали вопросы организации трудовой деятельности заключенных в пенитенциарных учреждениях. Историографию про-

блемы составляют труды таких исследователей, как А.П. Саломон, Н.Ф. Лучинский, С.О. Кашнев, Н.П. Тимофеев, С.П. Игнатъев, М.А. Кесслер и многие другие [1–7].

Изложение основного материала исследования. В Российской империи законодательно использование труда заключенных имело длительную практику, однако на организационно-правовом уровне долгое время было закреплено весьма слабо. Так, лишь 18 апреля 1822 г. был принят указ о «О надзоре за крепостными арестантами в тюрьмах и на работах», направленный на облегчение действий войск, занятых конвоированием заключенных во время производства ими работ в Таврической губернии. Им предписывалось содержать заключенных на работах закованными и брить им головы, а сами «работы арестантские раздроблять сколько можно менее, чтобы можно было конвоировать их цепью солдат с заряженными ружьями» и так далее [8, с. 154–155].

Указом же от 25 марта 1829 г. «О расписании крепостей, в которые для работ назначаются арестанты военного и гражданского ведомства» были определены крепости, «в которые впредь до нового назначения определяется высылка из Губерний, ниже показанных как нижних воинских чинов, за 4-й побег судимых, так и другого звания людей, за преступления назначаемых по закону в крепостные работы» [9, с. 194]. Им предписывалось таких заключенных из Таврической губернии отправлять в Херсон [10, с. 7]. Таким образом, принудительные работы заключенных в тюрьмах губернии исключались, а добровольные – не предусматривались.

Наиболее полным документом, предусмотревшим особенности организации труда заключенных, была «Инструкция Смотрителям тюремных замков» 1832 г. В ней данной проблеме была посвящена ч. 3 главы XII «О занятиях по состоянию, полу и возрасту» (п. 236–245). Инструкция указывала, что работы в тюрьмах применялись с целью улучшения «дисциплины, пользы, привычки трудиться, устранения праздности». При назначении работ нужно было обращать внимание на пол, возраст, совершенные преступления, поведение в тюремном замке, время года, физические силы, здоровье и способность каждого заключенного к какому-либо роду занятий, ремеслу или работе.

Работы, к которым рекомендовалось привлекать всех заключенных, считались клейка пакетов, картонок и прочее. Кроме того, для женщин – прядение льна, пеньки и шерсти; сучение бумаги, шерсти и ниток; вязание чулок, фуфаяк и прочего из бумаги, шелка, шерсти и ниток; вышивание шелком, шерстью и нитками; шитье, починка белья и платья. Эти же работы рекомендовались и заключенным чиновникам. А вот для заключенных «простого сословия обоего пола» предусматривались следующие виды работ: печение хлеба, приготовление пищи, приготовление кваса, прислуживание за столом во время завтрака, обеда и ужина; накачивание и разноска воды; носка дров и топление печей; трение сандала и бакаута; производство из смоленого каната ковров и постилок; трепание пеньки и льна; приготовление шерсти и хлопчатой бумаги; расщипывание старого каната в пеньку; производство картонок, корзин камышовых и деревянных; вязание сеток, лаптей; производство из покрочки ковриков, матов, теплых калош и проч.; разбирание шерсти и волоса; заготовка корпии для больниц; работы по поддержанию чистоты в палатах, кухнях, банях, на дворах и садах и так далее

Кроме того, для мужчин из «простого состояния» рекомендовались следующие работы: пиление досок, пиление и рубка дров, шлифование мрамора, гранита и других твердых камней и плиты, растирание красок на масле и скипидаре, приготовление сухих красок, портное, сапожное, столярное, слесарное и токарное мастерство, производство канатов, веревок, бечевки, пенькового шнура, плотничные и земляные работы на дворах и других местах тюрьмы. Для женщин «простого сословия» рекомендовалось мытье полов, стирка белья, мытье посуды и щипание перьев. Несовершеннолетних заключенных рекомендовалось привлекать к тем работам, что были им по силам, а также обучать «Закону Божию, читать, писать и арифметике первым правилам, сколько удобность позволит».

При этом Инструкция предусматривала, что при всех работах или занятиях в рабочих палатах должны постоянно находиться необходимое количество караульных: на мужской половине – приставники, а на женской – приставницы (п. 245). Все работы в тюрьме распределял смотритель, который обязывался вести «нарядные листы упражнений» (п. 247, 248). Сами работы в тюрьме производились «в пользу тюремного замка и на продажу по заказу». Преимущество отдавалось работам по тюрьме. Цена изделий должна была быть «умеренная, а именно: не более того, во что могут обойтись изделия сии по материалам, с надбавкою небольшой суммы за работу» и устанавливалась конторой тюрьмы. Предпочтение отдавалось заказам от заведений общественного презрения, затем «для других богоугодных заведений, и, наконец, для всякого рода казенных мест и частные». Выручаемые деньги предписывалось разделять так: 1/3 использовать для нужд заключенных во время их заключения; другую треть выдавать им при освобождении их из тюрьмы. Если они отправлялись в Сибирь на поселение или на работу, то на эти средства им покупались необходимые вещи. Последнюю треть рекомендовалось использовать на покупку инструментов, материалов и общее содержание работ.

В первой половине XIX в. привлечение заключенных в тюрьмах к работам мало практиковалось. Для этого существовали арестантские роты гражданского и военного ведомства, другие подобные заведения. Работы как одно из средств исправления заключенных долгое время не воспринимались руководством страны. Кроме того, когда эта идея вызрела, ее нужно было вписать в будущую реформу пенитенциарной системы. Так появился проект Положения об исправительных тюрьмах. Их предполагалось создавать «для содержания лиц гражданского звания, приговариваемых к исправительному заключению по судебным приговорам, с целью приучения их к труду и внушения им религиозных и нравственных начал» [11, л. 26].

Реальные же работы заключенных в тюрьмах Таврической губернии были организованы достаточно поздно, да и то не во всех учреждениях. Лишь в августе 1858 г. была создана столярная мастерская в тюрьме Симферополя, в которой 3 заключенных занимались «частными работами за вольную плату» [12, л. 1]. К концу ноября ими было выручено 67 руб. 60 коп., которые были использованы так: закуплен столярный инструмент на 12 руб., 87 коп., материал – на 30 руб. 45 коп., выдано работникам 10 руб. 55 коп. Кроме того, еще докупили материалы на 7 руб. 8 коп.

Известно, к примеру, что одним из заказчиков тюремной мастерской был ялтинский мещанин П. Жуков, заказавший 6 стульев и даже внесший задаток. Но уже в

январе 1859 г., по предписанию президента симферопольского Попечительного о тюрьмах комитета Жуковского, вольные работы арестантами были прекращены. Инструменты из купленных на заработанные арестантом А. Солдатовым деньги оставили на хранении у смотрителя и считалось, что они будут ему выданы по освобождению. Мастерскую закрыли из-за сложностей расчетов, и, очевидно, в связи с некоторыми денежными махинациями отдельных служащих [12, с. 15, 18].

Следует также указать, что закрытие мастерской не лишило возможности зарабатывать желающих этого заключенных, так как по предписанию того же Г. Жуковского от 31 декабря 1858 г. при тюрьме Симферополя была открыта мастерская для починки сапог заключенных [12, л. 16]. С началом работ в тюрьме Симферополя была сделана попытка распространить этот опыт и на другие тюрьмы. Однако, из Евпатории, например, 7 декабря 1859 г. ответили, что само здание заведения имеет лишь 1 большую комнату, где содержатся мужчины. Другие маленькие комнаты заняты женщинами, чиновниками и прочими отдельно содержащимися. Тем объяснялось, что место для устройства какой-либо мастерской было [13, л. 2]. Кроме того, евпаторийцы указывали, что для проведения работ в таких условиях, то есть в камере, например, нужно получить еще и разрешение караула на внос в тюрьму и хранение инструмента [13, л. 3]. Это разрешение и было получено, так как в связи с изменениями в порядке охраны и надзора за тюрьмами военные контролировали лишь наружные стены [13, л. 4].

Однако это согласие военных не решало проблемы при выводе заключенных на работы, будь то двор или наружные работы. Стремясь способствовать организации таких работ, 10 февраля 1860 г. военный губернатор Симферополя и Таврический гражданский губернатор Г. Жуковский сообщил командиру Таврического гарнизонного батальона Ф. Бурмейстеру о том, что он разрешил использовать на работах заключенных тюрьмы Евпатории. Однако майор связался со своим начальством и получил от него ответ, что такие работы дозволены лишь в мастерских при тюрьмах, а в Евпатории такой нет, то есть давать караул для этих заключенных он не имел право. О чем и сообщил Г. Жуковскому в апреле 1860 г. [14, л. 1].

Евпаторийское тюремное отделение, пытаясь развязать ситуацию, в июле 1860 г. просило разрешение Ф. Бурмейстера для работ заключенных «выводить в особенный покой у ворот здания устроенный против караульной комнаты и других и в самой в общей камере под наблюдением караула, по окончании ими работ отбирать в камерах у них инструменты и вещи» [14, л. 3]. На что комбат согласился, но лишь частично.

Тем временем продолжалось расследование по проблеме, из-за которой была закрыта столярная мастерская при тюрьме Симферополя. 6 сентября 1861 г. симферопольский полицмейстер сообщил губернскому попечительному комитету о факте невыплаты денег за работу А. Солдатову, И. Петрову, Е. Прокопаву, Д. Соколову и А. Колобинцеву [15, л. 1]. В результате следствия была найдена расписка Солдатова о получении денег, а по результатам дальнейших действий 19 октября 1861 г. губернский попечительный о тюрьмах комитет решил взыскать с бывшего смотрителя тюрьмы подпоручика Тонконогова положенные Петрову деньги [15, л. 25].

Следует также указать, что список столярного инструмента в тюрьме Симферополя в декабре 1866 г. содержал 21 наименование [16, л. 1].

В начале 1860-х гг., как уже указывалось, шло строительство новой губернской тюрьмы. Согласно ее плану 3 отделения на 3 этаже предназначались для занятия заключенных работами. Из них 2 камеры в правой половине в мужском отделении и 1 камера в левой половине в женском отделении. По предписанию губернатора было составлено предложение об устройстве в этих камерах мастерских, а именно: сапожной, токарной, столярной, бондарной, переплетной, портняжной [16, л. 2–2 об.].

Для исполнения задуманного была составлена «Ведомость инструментов и прочих принадлежностей, которых предположено заготовить при устройстве мастерских и классов для обучения, во вновь отстроенном тюремном замке в г. Симферополе». Общая сумма закупок выходила в 400 руб. [16, л. 3–5 об.]. Был также составлен «План камер в 3 этаже вновь отстроенного тюремного замка в г. Симферополь, назначенные для занятия работами арестантов». В правом флигеле мужского отделения предусматривались столярная, токарная, сапожная мастерские. В мужском отделении главного корпуса предусматривалась швальня и переплетная, в женском отделении главного корпуса – отделение для обучения [16, л. 6]. Предполагалось разместить в камерах в правом флигеле мужского отделения 16 сапожников, 2 токарей и 2 бондарей, в камере в главном корпусе мужского отделения – 4 переплетчика и 36 портных, и в камерах в женском отделении устроить помещение для 50 человек, обучающихся грамоте [16, л. 7].

Впрочем, на долгое время эти планы были отложены. Так, в ответ на предложения МВД «О настоящем положении тюремного вопроса» губернский попечительный комитет ответил, что проект мастерских и школы ими был составлен, но из-за отсутствия средств они не открыты [17, л. 1–7 об.].

Из циркуляра МВД от 8 июля 1867 г. № 151 можно узнать, что негативный опыт Таврической губернии не вписывался в общую картину тюремной жизни империи. В нем отмечалось, что «более других распространены работы в Орловской, Рязанской, Владимирской и Нижегородской тюрьмах». Среди недостатков указывалось на то, что «заработанные деньги <...> выдают арестантам на руки, тотчас по получении» [18, л. 102 об.]. Пришлось на местах опять искать оправдания для своего бездействия. Так из тюрьмы Феодосии писали, что заключенные не работают, потому что для мастерских нет инструмента [18, л. 11].

Впрочем, при желании можно было выдать за работы и такое участие заключенных в хозяйственной жизни заведений, как приготовление пищи, доставка воды, рубка дров и так далее. Исходя из участия заключенных в таких работах, губернское правление 19 июля 1869 г. направило попечительному комитету рапорт симферопольского полицейского управления от 12 июля, «о сокращении срока содержания арестантов в Симферопольской тюрьме за употреблении их в работу» [19, л. 1].

Вышедший в этом же 1869 г. проект Положения об исправительных тюрьмах крымские тюремщики считали весьма интересным [20, л. 6–9]. Кроме того, они указали, что основная проблема с деятельностью мастерских при тюрьмах была в том, что обучавшиеся и работавшие в них заключенные могли быть освобождены по истечении срока заключения, выпущены из-под ареста, переведены в другую тюрьму. Это мешало создать реально работающий механизм обучения арестантов тому или иному делу, наладить эффективную работу мастерских. Исходя из чего и приветствовался проект исправительных тюрем [20, л. 3 об.].

В начале 1870 г. губернским попечительным о тюрьмах комитетом было дано объявление об открытии в тюрьме Симферополя мастерских: столярной, токарной, сапожной, башмачной и переплетной. Желавшие сделать заказы должны были обращаться в контору замка. Таких объявлений напечатали 200 шт. [21, л. 8]. Свой весомый вклад в развитие мастерских при тюрьме г. Симферополя попытался сделать А. Завадовский. Очевидно, поддерживая почин Комитета, он 11 февраля 1870 г. направил в тюрьму импортные токарный и столярный станки производства Дании с необходимыми к ним инструментами, купленные за свой счет для тюремной мастерской [22, л. 1]. Кроме того, он составил «Проект временных правил о производстве работ в симферопольском тюремном замке», который, в частности, предусматривал следующее:

«1. Мастерских на первое время открывается в тюремном замке 6 – столярная, токарная, сапожная, башмачная, переплетная и портняжная.

2. Заведывание мастерскими поручается одному из директоров тюремного замка, по назначению начальника губернии, при содействии смотрителя.

3. В мастерские замка могут быть принимаемы вольные заказы. Заказы принимаются или заведующим мастерскими директором, или смотрителем замка. 4. Для записывания заказов, произведенных работ, заработной платы, прихода и расхода инструментов и денег, ведут 4 книги: 1) для записи прихода и расхода инструментов, 2) материальная, 3) количества исполненных заказов, употребленных для этого рабочих дней и полученной за то платы, и 4) приходно-расходная денежная. Книги эти с именным списком мастеровым и рабочим, содержатся за шнуром и печатью Тюремного комитета и по указанной им форме.

5. Работы в мастерских замка исполняются не иначе как за установленную плату; никто из заведующих замком не имеет права возлагать на заключенных бесплатных работ и без ведома заведующего мастерской.

6. Плата устанавливается тюремным комитетом по указанию опыта: или от штуки или поденная.

7. Заведующий мастерскими и смотрители замка наблюдают, чтобы работы в мастерских производились прочно и успешно, а заказы исполнялись своевременно. За порядком и благочинием в мастерских, за целостью инструментов наблюдает смотритель.

8. Для поощрения заключенных к работам и к изучению мастерства, полученная за исполнение работ плата, по вычете стоимости материалов, делится на 3 равные части, из коих 1 часть поступает на составление запасного капитала; другая для улучшения пищи мастеровым и рабочим, третья – на обеспечение положения их при выбытии из тюремного замка. Последняя записывается в особые книжки, выдаваемые каждому мастеровому и рабочему, с обозначением: когда, кому, сколько и за какую работу поступило на приход, и возвращается не прежде как при выбытии из замка, за собственноручною распискою в книге.

9. Ни на какие другие предметы и надобности не должны быть употребляемы заработанные деньги, за исключением случаев утраты материалов, или инструментов; убыток этот пополняется из общей заработной платы; частные же нужды мастеровых и рабочих могут быть удовлетворяемы из экономических денег, какие будут в остатке от назначаемых на улучшение пищи, коим приход и расход ведут сами мастеровые, и закупки провизии производятся избранным им артельщиком.

10. По истечении каждого месяца производится свидетельство установленных книг, содержащихся в них предметов в натуре и состоянии мастерских; о результатах, по освидетельствовании, записывается в те же книги. Свидетельство производится лицами, назначенными от начальника губернии, вместе с заведующим мастерскими, и об оказавшемся доставляется ими сведение тюремному комитету.

11. Если результаты, по доставленным сведениям, окажутся удовлетворительными и в этом найдено будет особенное содействие и усердие смотрителя замка, то ему, по усмотрению комитета, может быть назначен в пособие к его содержанию соответствующий процент из заработанных денег.

12. Найденные при ревизии упущения и беспорядки относятся к ответственности тех, на обязанность коих лежит заведывание тюремным замком. Проступки мастеровых и рабочих наказываются по Правилам о содержащихся под стражею.

13. Правила эти должны находится в мастерских замка на стенах и в конторе его, с расписанием рабочих часов и дней» [22, л. 2–4 об.].

Став, благодаря своей энергии и благотворительности, одним из директоров попечительного комитета, 28 мая 1870 г., А. Завадовский в письме губернатору предлагал организовать контору из нескольких директоров и смотрителя и предоставить ей различные постройки и заготовления по замку. Цель такого шага – экономия средств. Он предлагал освободившиеся и заработанные деньги направить на отопление и освещение тюрьмы, что было для данного заведения весьма болезненным вопросом [22, л. 16–17 об.].

Слишком энергичная деятельность А. Завадовского рассорила его с многими местными чиновниками, поэтому из директоров замка он был уволен. Но процесс развертывания мастерских не остановился. Так, своим рапортом от 3 июня 1870 г. симферопольский полицмейстер предлагал губернатору, чтобы заключенные сами шили арестантскую одежду. Для этого он рекомендовал обратиться к губернскому военному начальнику с просьбой назначить мастеров с оплатой их труда. Предлагал создать реально действующие портную и сапожную швальни, а также бондарную мастерскую. При этом полицмейстер ссылался на станки А. Завадовского и настаивал, что шитье одежды и обуви для арестантов принесет больше пользы [22, л. 19–19 об.].

Одновременно с этим для подтверждения реальности своих планов он предоставил ведомость заключенных, знающих мастерство, с разделением их на 2 категории: хорошо обученных (сапожное – 3, портняжное – 1, столярное – 1, токарное – 1, переплетное – 2) и мало обученные (сапожное – 5, портняжное – 3, столярное – 2). Всего – 17 чел. [22, л. 21].

Таким образом, можно отметить, что процесс развития работ заключенных в тюрьмах Таврической губернии прошел сложное развитие от практически полного их отсутствия в первой половине XIX в. до постепенного развития во второй половине XIX в. и активном использовании в начале XX в. Правовые основы данного процесса заложила Инструкция смотрителям тюремных замков от 1832 г., впервые определившая порядок и виды работ, которыми могли заниматься заключенные в тюрьмах. Особенности развития тюремной системы во второй половине XIX в. были таковы, что в большинстве уездных тюрем размещались заключенные, отбывающие незначительные сроки заключения. Это не способствовало развитию в них мастерских, так как содержащиеся в тюрьмах не успевали приобрести необходимых навыков и выпускать качественную продукцию.

Список литературы:

1. Саломон А.П. Тюремное дело в России / А.П. Саломон. – СПб. : Типография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1898. – 38 с.
2. Лучинский Н.Ф. Основы тюремного дела / Н.Ф. Лучинский. – СПб. : Тюремный вестник, 1904. – 180 с.
3. Лучинский Н.Ф. О вознаграждении заключенных, пострадавших от несчастных случаев на работах / Н.Ф. Лучинский. – СПб. : Тюремный вестник, 1906. – 25 с.
4. Кашнев С. О тюремной дисциплине / С. Кашнев // Тюремный вестник. – 1897. – № 3. – С. 93–99.
5. Тимофеев Н.П. Тюремные порядки. Из деятельности и наблюдений товарища прокурора: Июнь / Н.П. Тимофеев // Юридический вестник: Июнь. Издание Московского Юридического Общества. – М. : Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1882. – № 6. – С. 284–305.
6. Записка о состоянии ткацкого производства в Юго-Западном крае и содействии к его развитию. Составлена С.П. Игнатъевым. Попечителем над Киевским Исправительным Арестантским отделением Гражданского ведомства. г. Киев, октября 3 дня, 1889 г. – К. : Типография газеты «Киевское слово» ; Большая Владимирская. – 1889. – № 35. – 30 с.
7. Кесслер М.А. Труд в царской тюрьме / М.А. Кесслер // Тюрма капиталистических стран : сб. ст. – М., 1937. – С. 141–191.
8. Полное собрание законов Российской империи. С 1649. Т. XXXVIII. 1822 – 1823. – СПб., 1830. – 1354 с.
9. Полное собрание законов Российской империи : в 55 т. – Собрание второе. – СПб., 1830– . – Т. 4 : Отделение первое. – 1830. – 968 с.
10. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года : в 45 т. – Т. XLIV. – Ч. 2 : Книга штатов. Отделение III и IV. – СПб, 1830.
11. Государственный Архив в Автономной Республике Крым. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 52 : Проект положения об исправительных тюрьмах; прошения арестантов и рапорты смотрителей о выдаче денег и пособиях. 21.07.1856 – 31.08.1873 г.
12. Государственный Архив в Автономной Республике Крым. – Ф. 36, Оп. 1. – Д. 93 : О количестве вырученных денег арестантами Симферопольского тюремного замка за вольные работы. 23.11.1858 – 27.03.1859 г.
13. Государственный Архив в Автономной Республике Крым. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 118 : О принятии предосторожности для устранения побегов арестантов. 12.12.1859 г. 10 л.
14. Государственный Архив в Автономной Республике Крым. – Ф. 36, оп. 1, д. 135. О предоставлении возможности арестантам Евпаторийского острога заниматься работами. 1.04.1860 – 26.10.1861. 10 л.
15. Государственный Архив в Автономной Республике Крым ф. 36, оп. 1, д. 152. О претензии арестантов Солдатова, Петрова, Прокопова, Соколова и Колобищева в неполучении от смотрителя замка заработанных денег. 6.09.1861 – 8.12.1861 г. 41 л.
16. Государственный Архив в Автономной Республике Крым, ф. 36, оп. 1, д. 282. О введении в Симферопольском тюремном замке для арестантов мастерских разного рода (имеется план камер, назначенных для занятия с арестантами). 25.12.1866 – 31.06.1867 г. 17 л.
17. Государственный Архив в Автономной Республике Крым, ф. 36, оп. 1, д. 304. О распоряжению по Симферопольскому тюремному замку, по поводу изданной МВД статьи «О настоящем положении тюремного вопроса». Здесь же переписка об устройстве больницы при тюрьме. 27.11.1867 – 16.05.1869 г.
18. Государственный Архив в Автономной Республике Крым, ф. 36, оп. 1, д. 300. Относительно обозрения директором Департамента полиции исполнительной действительным статским советником Бараном, мест заключения и пересылочной части в некоторых губерниях. 8.07.1867 – 14.10.1867 г.
19. Государственный Архив в Автономной Республике Крым. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 348 : О сокращении срока содержания в остроге арестантов за употребление их в работе. 20.07.1869 – 9.08.1869 г. – 4 л.
20. Государственный Архив в Автономной Республике Крым. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 339 : Положение об исправительных домах. 4.08.1869 – 30.10.1869 г.
21. Государственный Архив в Автономной Республике Крым. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 368 : Об устройстве мастерских в Симферопольской тюрьме. 1870 г. – 55 л.
22. Государственный Архив в Автономной Республике Крым. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 368 : Об устройстве мастерских в симферопольской тюрьме. 1870 г. – 55 л.

Сібілева Г. Ю. Правові та практичні заходи щодо організації праці ув'язнених у Таврійській губернії в 1850 – 1860-х рр. / Г. Ю. Сібілева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського. Серія: Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 150-158.

У статті вказується, що правові основи організації праці в'язнів у Таврійської губернії заклали укази 18 квітня 1922 р., 25 березня 1929 р. та «Інструкція Доглядачам тюремних замків» 1832 р. Проте ці укази були недосконалі та частково відірвані від реальності, оскільки не враховували всіх особливостей розгортання робіт ув'язнених у конкретному регіоні. З огляду на це організувати системне зайняття ув'язнених продуктивною працею в Таврійській губернії довгий час не вдавалося. Лише до кінця 1850-х рр. були зроблені відносно вдалі спроби організації при в'язницях регіону зовнішніх робіт ув'язнених і зроблені кроки щодо створення різних майстерень усередині самих в'язниць. Проте вони були в цей період незначними і не могли охопити основну масу населення в'язнів. Однак цей досвід зіграв свою роль у розвитку таких робіт в подальшому.

Ключові слова: арештанти, в'язниці, праця, Таврійська губернія.

**LEGAL AND PRACTICAL MEASURES FOR ARRANGEMENT OF PRISON LABOR
IN THE TAURIDA GOVERNORATE IN 1850s – 1860s.**

*Sibileva A. U.
Crimean Economic Institute,
Simferopol*

In the article specified, that legal frameworks of organization of labour of the celled prisons of the Taurida province pawned the decrees of April, 18 1922, on March, 25 1929 and “Instruction to Guards of prison locks” 1832 Nevertheless these decrees were unperfect and partly torn off from reality because the features of development of works of prisoners did not take into account all in certain regions. On this basis to organize system employments of prisoners productive labours in the Таврической province not succeeded long time. Only by the end of 1850th the relatively successful attempts of organization at prisons of region of external works of prisoners were undertaken and steps are done on creation of different workshops into prisons. However they were in this period insignificant and could not overcome the bulk of population of prisons. Nevertheless this experience played the role in development of such works in subsequent.

Key words: prisoners, prisons, works, Taurida province.

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ В КОММЕРЧЕСКИХ И ИНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Скворцова О. В.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

Исследованы нормы российского уголовного кодекса, регламентирующие ответственность за преступления, совершенные в сфере экономики против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Обозначены общие характеристики объективных и субъективных признаков составов данной группы деяний, исходя из особенностей положений национального законодательства. Дан анализ особенностей субъекта преступлений данного вида. Указано, что субъектом может быть только служащий организации. В основу определения субъекта положены такие критерии: объем функций, время исполнения функций, место исполнения функций.

Ключевые слова: состав преступления, субъект преступления, коммерческая организация, некоммерческая организация, служащий организации.

Происходящие в России экономическая и политическая реформы повлекли за собой появление многочисленных коммерческих и некоммерческих организаций, служащие которых наделяются управленческими полномочиями в своих структурах, и, злоупотребляя ими, причиняют серьезный вред правам и законным интересам граждан, интересам своих или других организаций, общественным и государственным интересам. Это обстоятельство определило появление в Уголовном кодексе Российской Федерации главы о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях [1] и обуславливает *актуальность* анализа особенностей субъекта преступлений данного вида с учетом специфики деятельности указанных организаций. *Целью* обозначенного исследования является выявление на базе положений действующего законодательства критериев, положенных в основу определения субъекта преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях.

Коммерческие организации – это организации различных форм собственности, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности. Они могут создаваться в форме хозяйственных товариществ и обществ, производственных кооперативов, государственных и муниципальных унитарных предприятий, основанных на праве оперативного управления или хозяйственного ведения [2, ст. 50].

Иные организации – это некоммерческие организации, не имеющие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющие прибыль между участниками. Они могут создаваться в форме потребительских кооперативов, общественных или религиозных организаций (объединений), финансируемых

собственником учреждений, благотворительных и иных фондов, а также и в других формах, предусмотренных законом, для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав и законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ [3].

Любая коммерческая и некоммерческая организация имеет свои органы управления, аппарат, в который входят лица, наделенные определенными полномочиями. Эти полномочия они должны использовать исключительно в интересах службы, то есть в интересах своих организаций, которые не должны противоречить государственным и общественным интересам. Интересы службы в данном случае заключаются в правильном и четком функционировании аппаратов управления этими организациями, надлежащем исполнении управленческими работниками своих функций на благо своих организаций и не в ущерб законным интересам граждан, других организаций, общества и государства в целом [3].

Глава 23 Уголовного кодекса (далее – УК) РФ 1996 года [4] «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» помещена законодателем в раздел VIII, предусматривающий ответственность за преступления в сфере экономики [4]. В связи с этим сферу экономических общественных отношений можно было бы определить в качестве родового объекта данных преступлений. Однако такой вывод является условным, поскольку само название главы 23 УК РФ прямо указывает на определенную несогласованность с названием как всего раздела VIII УК «Преступления в сфере экономики», так и входящих в него глав (главы 21 «Преступления против собственности», главы 22 «Преступления в сфере экономической деятельности») [1].

Родовой объект преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях не является частью типового объекта преступлений в сфере экономики, поскольку общественные отношения рассматриваемых преступлений не являются родом экономических отношений, то есть отношений, обеспечивающих владение, пользование и распоряжение имуществом. Кроме того, преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях от других преступлений, предусмотренных в разделе VIII УК РФ, отличаются, по крайней мере, двумя моментами. Они совершаются, во-первых, в связи с управленческой деятельностью указанных организаций и, во-вторых, специальным субъектом, то есть лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, либо их представителем. Таким образом, помещение главы 23 в раздел VIII УК РФ, несомненно, носит условный характер. Существует позиция, согласно которой с точки зрения построения Особенной части УК РФ более правильным решением было бы поместить рассматриваемую группу преступлений в самостоятельный раздел с одноименным названием. В противном случае к числу преступлений в сфере экономики следовало бы отнести и преступления против интересов государственной службы, для которых названные экономические отношения также могут являться факультативным объектом [5].

Объединяющим признаком рассматриваемой группы преступлений с другими преступлениями, предусмотренными разделом VIII УК РФ, служит то, что они совершаются в связи с экономической и другой предпринимательской деятельностью коммерческих и иных организаций. Анализ составов преступлений, предусмотренных главой 23 УК РФ, показывает, что установленная в них ответственность может быть возложена только на лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, то есть осуществляющих в ней постоянно или временно организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности. При выполнении этими лицами деятельности иного рода, причинившей вред организациям, гражданам, государству, ответственность наступает не по признакам составов преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Стало быть, законодатель делает акцент на вред, причиняемый нормальной деятельности коммерческих и иных организаций, а не экономическим отношениям [5].

Особенностью рассматриваемых преступлений является их совершение в сфере управленческой деятельности коммерческих и иных организаций, не являющихся государственными органами, органами местного самоуправления, государственными или муниципальными учреждениями [1].

Совершение преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях сопряжено с причинением вреда не только самим этим организациям, но и правам и законным интересам граждан, охраняемым законом интересам общества и государства. Поэтому, учитывая специфику их вредоносности, закон до определенного времени предусматривал различный порядок осуществления уголовного преследования (примечание к ст. 201 УК РФ) [5].

До ноября 2013 года в соответствии с п. 2 примечания к ст. 201 УК РФ, если деяние, предусмотренное статьями гл. 23 УК РФ, причиняло вред интересам исключительно коммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, уголовное преследование осуществлялось по заявлению этой организации или с ее согласия. Если деяние причиняло вред интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства, то, согласно п. 3 примечания к ст. 201 УК РФ, уголовное преследование осуществлялось на общих основаниях [4]. Например, директор коммерческого банка за вознаграждение выдал какой-либо организации крупный кредит без надлежащего обеспечения. Получатель кредита своевременно деньги не вернул, чем причинил банку ущерб. В действиях директора имеются признаки злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ) и незаконного получения коммерческого подкупа (ч. 3 ст. 204 УК РФ). Вопрос о его ответственности должен был решаться на основании п. 2 или п. 3 примечания к ст. 201 УК РФ. Если вред был причинен только банку, то привлечение к уголовной ответственности было возможно лишь по заявлению банка или с его согласия. Но если из-за невозврата кредита банк не смог выполнить обязательства перед государством, рассчитаться с клиентами (организациями или гражданами), выплатить заработную плату сотрудникам и так далее и тем самым причинил вред интересам не только своим, но и чужим, то мнение банка значения не имело, уголовная ответственность наступала на общих основаниях. Следует оговорить, что нормы, установленные ранее законодателем в примечании к ст. 201 УК РФ, носят не уголовно-правовой, а уголовно-процессуаль-

ный характер. Основания такого законодательного решения достаточно понятны. Как отмечается в литературе по этому вопросу, государство не должно вмешиваться во внутренние дела такой организации. Она сама должна решить, как поступить с руководителем, причинившим вред ее интересам: простить, принять собственные меры воздействия или же настаивать на привлечении к уголовной ответственности. Однако коммерческие организации взаимодействуют со многими иными организациями и гражданами (клиентами и так далее) и своими неправильными действиями могут причинить вред не только собственнику, но и чужим интересам. Государство не может относиться безразлично к подобным фактам и должно защищать интересы других организаций и граждан, в том числе путем установления уголовной ответственности за причиненный им вред [5].

Более того, в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 2 ноября 2013 года № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6], п. п. 2 и 3 ст. 201 УК РФ утратили свою силу. Данный шаг носит рациональный характер, учитывая тот факт, что субъективная сторона рассматриваемых преступлений характеризуется только умышленной формой вины. А обязательным признаком того же преступления в виде злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами (ст. 202 УК РФ) является специальная цель – извлечение выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесение вреда другим лицам [1].

Как уже отмечалось, субъектом общих преступлений может быть только служащий организации, выполняющий в ней управленческие функции, то есть постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющий организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности (п. 1 примечания к ст. 201 УК РФ) [4].

Организационно-распорядительными считаются обязанности, связанные с руководством деятельностью других людей. К ним, в частности, относятся руководство в целом коммерческой или некоммерческой организацией, структурным подразделением, участком работы, производственной деятельностью отдельных работников (организация и планирование работы, подбор и расстановка кадров, прием на работу и увольнение, организация труда подчиненных, контроль и проверка исполнения, поддержание трудовой дисциплины и тому подобное) [1]. Административно-хозяйственные обязанности связаны с правом распоряжения и управления имуществом (совершение сделок, заключение контрактов от имени организации, установление порядка хранения, переработки и реализации имущества, учет и контроль над расходом материальных ценностей, организация реализации товаров и оказания услуг, получение и выдача денежных средств и документов и тому подобное) [1].

Лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой организации, следует признавать поверенных, представляющих в соответствии с договором интересы государства в органах управления акционерных обществ (хозяйственных товариществ), часть акций (доли, вклады) которых закреплена (находится) в федеральной собственности [1].

Также субъектами ответственности за злоупотребление полномочиями и за коммерческий подкуп могут быть и такие служащие коммерческих и некоммерческих

организаций, управленческие функции которых связаны с правом совершать по службе юридически значимые действия, способные породить, изменять или прекращать правовые отношения, то есть имеющие распорядительный характер. Поскольку здесь имеются в виду, прежде всего, различные специалисты коммерческих и иных организаций, негосударственных и немунципальных учреждений, существует проблема разграничения управленческо-распорядительной деятельности этих служащих-специалистов, в ходе которой они могут совершить преступление против интересов службы, от их сугубо профессионально-производственной деятельности, не связанной с управлением. Например, имеются основания для привлечения к ответственности за преступления против интересов службы преподавателей негосударственных и немунципальных учебных заведений за нарушение обязанностей, возложенных на них как на членов экзаменационных комиссий [1]. Управленческие функции могут выполняться постоянно, временно или по специальному полномочию.

Таким образом, в основу определения субъекта положены такие критерии: а) функции, выполняемые лицом; б) время исполнения отдельных из указанных функций; в) место исполнения указанных функций [1].

Функции подразделяются на такие виды: единоличного исполнительного органа, члена директоров, иного коллегиального исполнительного органа, организационно-распорядительные, административно-хозяйственные. Порядок избрания единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, функции которых исполняет рассматриваемый субъект, их компетенция определяются законодательством РФ, уставными документами [1].

К лицам, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, относятся лица, выполняющие функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лица, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях (например, директор, генеральный директор, член правления акционерного общества, председатель производственного или потребительского кооператива, руководитель общественного объединения, религиозной организации [7].

Время выполнения лицом организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций обозначено трояко: постоянно, временно или по специальному полномочию. *Место выполнения* лицом организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций строго определено в законе. Это коммерческие или иные организации независимо от формы собственности; некоммерческие организации, не являющиеся государственными органами, органами местного самоуправления, государственными или муниципальными учреждениями [1].

Другими разновидностями специального субъекта рассматриваемых преступлений выступают частный нотариус или частный аудитор (ст. 202 УК РФ); частный детектив или работник частной охранной организации, имеющий удостоверение частного охранника (ст. 203 УК РФ). Правовой статус нотариуса закреплен в Основных законодательствах Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 года № 4462-1 [8], аудитора – в Федеральном законе от 30 декабря 2008 года № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» [9]. Государственные нотариусы и государственные

аудиторы признаются должностными лицами и подлежат ответственности по статьям главы 30 УК РФ. Полномочия частного детектива или работника частной охранной организации, имеющего удостоверение частного охранника, урегулированы Законом РФ от 11 марта 1992 года № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [1].

Обобщая вышеизложенное, можно сделать такой вывод: специфика субъекта преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях определяется особенностью рассматриваемых деяний, которая выражается в их совершении в сфере управленческой деятельности коммерческих и иных организаций, не являющихся государственными органами, органами местного самоуправления, государственными или муниципальными учреждениями с учетом конкретных критериев, а именно: объемом, временем и местом выполняемых субъектом функций. Обозначенное имеет как теоретическое, так и практическое значение для процесса квалификации анализируемых деяний и для применения норм, регламентирующих ответственность за их совершение.

Список литературы:

1. Уголовное право России. Часть особенная / отв. ред. Л.Л. Кругликов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 839 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lawtoday.ru/razdel/biblio/ugol-prav/osoben/135.php>.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть вторая: федеральный закон РФ от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СПС Консультант [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://fbu3hmas.ru/index.php?catid=90:bytovye-uslugi&id=235:-----26011996-n-14-&Itemid=80&option=com_content&view=article.
3. Уголовное право России : [учебник для вузов] : в 2 т. / ответственные редакторы и руководители авторского коллектива: д. ю. н., профессор А.Н. Игнатов и д. ю. н., профессор Ю.А. Красиков. – М. : Издательская группа НОРМА- ИНФРА. – М., 1997. – Т. 1 : Общая часть. – 1997. – 639 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bibliotekar.ru/ugolovnoe-pravo-3/index.htm>.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации (с изменениями и дополнениями по состоянию на 1 апреля 2014 года). – М. : Проспект, КноРус, 2014. – 224 с.
5. Курс уголовного права / под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М. : ИКД «Зерцало-М», 2002. – Т. 4 : Особенная часть. – 2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.vuzlib.ru/beta3/html/1/7939/>.
6. Федеральный закон от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 ноября 2013 г. – № 44. – Ст. 5641.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий» // «РГ». – Федеральный выпуск № 5031.
8. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // ВВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357.
9. Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» от 7 августа 2001 г. № 119-ФЗ // СЗ РФ. – № 33. – Ч. 1. – Ст. 3422; Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» от 7 августа 2001 г. № 119-ФЗ // СЗ РФ. – № 51. – Ст. 4829.

Скворцова О. В. Особливості суб'єкта злочинів проти інтересів служби в комерційних та інших організаціях / О. В. Скворцова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія: Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 159-165.

Досліджено норми російського кримінального кодексу, що регламентують відповідальність за злочини, учинені у сфері економіки проти інтересів служби в комерційних та інших організаціях. Окресле-

но загальні характеристики об'єктивних і суб'єктивних ознак складів цієї групи діянь з огляду на особливості положень національного законодавства. Проаналізовано особливості суб'єкта злочинів цього виду. Зазначено, що суб'єктом може бути тільки службовець організації. В основу визначення суб'єкта покладено такі критерії: обсяг функцій, час виконання функцій, місце виконання функцій.

Ключові слова: склад злочину, суб'єкт злочину, комерційна організація, некомерційна організація, службовець організації.

**PECULIARITIES OF THE SUBJECT OF CRIMES AGAINST THE INTERESTS OF SERVICE
IN COMMERCIAL AND OTHER ORGANIZATIONS**

Skvortsova O. V.

*Taurida National University named after V. I. Vernadsky,
Simferopol*

Investigated the norms of the Russian criminal code regulating the responsibility for crimes committed in the sphere of economy against the interests of service in commercial and other organizations. Indicated the general characteristics of the objective and subjective signs of structure of definite group actions, according to the characteristics of national legislation. The subject peculiarities of such crimes are analysed. Indicated that the subject can only be an employee of the organization. Determination of the subject criteria: scope of functions, time of functions, the place of functions performance.

Key words: components of crime, subject of the crime, commercial organization, non-profit organization, employee of organization.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Юридические науки». Том 27 (66). 2014. № 4. С. 166-171.

УДК 341.232.2:343.57

ОСНОВНІ ДОКТРИНАЛЬНІ ПІДХОДИ ЩОДО ПОНЯТТЯ ВІЙСЬКОВИХ ЗЛОЧИНІВ У МІЖНАРОДНОМУ ПРАВІ

Столярський О. В.

*Львівський національний університет імені Івана Франка,
м. Львів, Україна*

У статті аналізуються основні доктринальні підходи щодо розуміння поняття військових злочинів у міжнародному праві. У цьому контексті також досліджуються проблеми становлення та розвитку доктрини міжнародної кримінальної відповідальності. Аналізуються норми міжнародних конвенцій та Статуту Міжнародного кримінального суду, зокрема виявляється їх вплив на нормативне закріплення поняття військових злочинів.

Ключові слова: доктрина, військові злочини, міжнародне право, міжнародна конвенція, статут, Міжнародний кримінальний суд.

Вступ. Незважаючи на те, що норми міжнародного права, якими передбачена відповідальність за військові злочини, зокрема порушення законів і звичаїв війни, в основному були укладені на рубежі XIX–XX століть, проте держави в той чи інший період у різний спосіб намагалися впливати на ці процеси, звертаючись до вже створених норм, наприклад, в період антигітлерівської коаліції в цьому питанні спиралися на відомі норми Гаазьких конвенцій, а також сприяли їхньому розвитку.

Очевидним є те, що міжнародна кримінальна відповідальність виникла і розвивається як один із найважливіших інститутів сучасного міжнародного права, вихідним пунктом для зародження якого стали ідея і визнання агресивних воєн як міжнародних злочинів, що спричиняють міжнародну відповідальність. Ця міжнародна відповідальність могла бути здійснена у двох формах підсудності: національним судом приналежності винної особи або військовим трибуналом потерпілої держави. В окремих випадках держави шляхом укладення міжнародного договору можуть створювати Міжнародний військовий суд (якими, як відомо, є Нюрнберзький і Токійський міжнародні військові трибунали).

Якщо немає вказівки на можливість створення міжнародного військового трибуналу, то цілком зрозуміло, що всі описані судження і висновки були зроблені в кінці XIX століття, коли розробка питань міжнародної кримінальної відповідальності індивідів перебувала лише на початковому етапі наукового дослідження, що спиралося тільки на деякі міжнародні акти. Юристи-міжнародники прагнули обґрунтувати необхідність подальшої гуманізації сфери збройної боротьби, але для підтвердження своїх висновків вони могли використовувати дуже незначну кількість міжнародно-правових документів. Становлення більшості цих актів зводилося до такого: населення і ті, хто воюють, залишаються під охороною і дією норм міжнародного права,

оскільки вони виникли на підставі усталених між народами звичаїв, із законів людяності та вимог суспільної свідомості, мета – це прагнення зупинити потреби війни перед вимогами людинолюбства.

У зв'язку із зазначеним поняття та розуміння військових злочинів у міжнародному праві не є однозначним.

Постановка завдання. Мета статті – спроба наукового аналізу основних доктринальних підходів щодо визначення поняття та розуміння військових злочинів у міжнародному праві, а також аналіз норм міжнародних конвенцій та статутів у цій сфері.

Виклад основного матеріалу. У теорії міжнародного права існують різні підходи вчених щодо розуміння військових злочинів. Однак більшість із них погоджуються з тим, що під поняттям військових злочинів (воєнних злочинів) у міжнародному праві слід розуміти тільки ті злочини, що вчиняються в період міжнародних або неміжнародних збройних конфліктів, тим вони й відрізняються від розуміння поняття окремих військових злочинів у національному праві, зокрема мова йде про ті, що вчиняються в мирний час. У зв'язку із цим насамперед логічно буде з'ясувати, з якого моменту бере свій початок міжнародно-правове закріплення цього поняття.

Загальновідомо, що перші прояви міжнародно-правового регулювання правил ведення військових дій відстежувались ще в давній і середньовічній цивілізаціях.

Так, А.Г. Кібальнік зауважує, що давні греки першими в Європі стали розглядати такі заборони, як «закони війни», при цьому названі «закони» були застосовні і в міжусобних війнах греків (наприклад, такі історично засвідчені в ході Пелопонеської війни між Афінами і Спартою) [1, с. 239].

Як зазначає В.І. Ролінський, регламентація засобів і методів ведення військових дій в історії середньовічної Європи зазвичай пов'язується з формуванням звичаєвого військового права. В історичній науці обґрунтована дуже цікава концепція про те, що саме військові (озброєні) зіткнення мають бути гранично чітко регламентовані, оскільки недотримання «правил гри» під час ведення війни знищує в сторонах конфлікту будь-яке людське «начало». Як тільки одна з причетних до війни сторін ухиляється від військових правил її ведення, тоді або руйнується (хоч би і тимчасово) уся система міжнародного права, або сторона, що порушила ці закони, має бути «вигнана» за межі цієї спільності, тобто поставлена поза межі закону [2, с. 120].

У своєму трактаті «Про право війни і миру» Г. Гроцій писав: «Згідно з тим, що нами взагалі з'ясовано, призвідники війни зобов'язані до відшкодування за скоєне їхніми силами або за їхнього порадою. Вони відповідальні за те, чим зазвичай супроводжується війна, а також за всі звичайні дії, оскільки вони вчинені за їхнім наказом або мали або не мали перешкод із їхнього боку, коли для цього була можливість. І полководці відповідальні за все вчинене під їхньою командою; відповідальні і всі воїни, які брали участь у якій-небудь спільній дії, наприклад у спаленні міста» [3, с. 689].

Однак слід наголосити, що важливі спроби щодо нормативного закріплення поняття військових злочинів, щоправда в контексті притягнення злочинців до відповідальності, були зроблені вже після закінчення Першої світової війни.

Так, 11 листопада 1918 р. була утворена Союзницька комісія для встановлення відповідальності «військових злочинців» (цей термін був використаний уперше). Як наслідок, у Версальському мирному договорі пропонувалося притягнути до відпові-

дальності кайзера Вільгельма II та інших обвинувачених у військових злочинах громадян Німеччини, а також створити міжнародний суд і національні суди для процесів над військовими злочинцями всіх видів. Однак ці пропозиції не були втілені в життя: кайзер врятувався втечею до Голландії, яка відмовилася його видати, а окремі військові злочинці, яких намагалися притягнути до відповідальності, були виправдані або отримали чисто символічне покарання [4, с. 31].

У контексті вищенаведеного окремої уваги заслуговує підхід Ф.Ф. Мартенса щодо розуміння юридичної природи міжнародно-правової регламентації військових дій.

Суть концепції Ф.Ф. Мартенса полягає в тому, що навіть без договірних норм «населення і ті, хто воюють залишаються під охороною і дією основ міжнародного права, оскільки закони ці пов'язані зі встановленими народами звичаями, і законами людяності та суспільної свідомості» [5, с. 154].

Актуальність і цінність цієї концепції були засвідчені часом. Через більш ніж 70 років А.І. Полторак і Л.І. Савинський відзначали: «У праві збройних конфліктів не так вже багато принципів і норм, які могли б конкурувати з концепцією Ф.Ф. Мартенса за широтою охоплення нею відносин, чіткості формулювань і тривалості дії. Очевидний приклад незвичайної живучості міжнародно-правового становлення <...> не втратив ні сили, ні значення» [6, с. 116].

Однак у науці досі немає єдиного поняття про галузь права, що регулює ведення збройних конфліктів. Для позначення такої галузі найчастіше застосовують терміни «право війни», «право збройних конфліктів», «закони і звичаї війни», «правила ведення збройної боротьби», «міжнародне гуманітарне право» [7, с. 63].

Багато західних авторів (наприклад, А. Фердросс, Ф. Бербер) після прийняття Женевських конвенцій 1949 р. стали говорити про те, що всі документи – «право війни», причому під війною треба розуміти лише збройне зіткнення між державами як суб'єктами міжнародного права [8, с. 429].

Популярним у західній доктрині є термін «закони і звичаї ведення війни», порушення яких вважається міжнародним злочином [9, с. 246].

Прихильники позитивного напрямку в міжнародному праві традиційно до порушень законів і звичаїв ведення війни відносили такі:

1) порушення «визнаних» норм ведення воєнних дій самими військовослужбовцями; вчинення під час війни незаконних актів особами, що не входять до складу збройних сил; шпигунство і зраду; мародерство [10, с. 34].

Водночас ці звичаї та закони з точки зору прихильників теорії також були застосовні тільки до збройних конфліктів міжнародного характеру. Як відомо, Додаткові протоколи 1977 р., поширивши положення Женевських конвенцій і на збройні конфлікти неміжнародного характеру, дали змогу усунути підставу говорити лише про «право війни» або про «закони і звичаї ведення війни» у вузькому розумінні.

Нарешті, у науці міжнародного права пропонували обговорювати «право збройних конфліктів», яке мало адаптувати «право війни» до нових умов і бути застосованим до регулювання будь-якого збройного конфлікту, як міжнародного, так і неміжнародного характеру [11, с. 19]. Аналогічного підходу дотримуються й окремі сучасні вчені [12, с. 398].

Однак, незважаючи на різне розуміння, загальною концептуальною основою всіх названих доктрин стало визнання таких принципів ведення військових дій (збройних конфліктів):

1. Принцип гуманності, що ґрунтувався на основоположних міркуваннях гуманності, сформульованих у концепції Ф.Ф. Мартенса, Гаазьких конвенціях і положеннях, а також у Женевських конвенціях та в багатьох інших міжнародних документах.

Так, у ст. 3 III і IV Женевських конвенцій містяться імперативні норми про те, що особи, які безпосередньо не задіяні у воєнних діях, включаючи тих осіб зі складу збройних сил, які склали зброю, а також тих, які перестали брати участь у військових діях унаслідок хвороби, поранення, затримання або за будь-якої іншої причини, повинні за всіх обставин користуватися гуманним поведінням без будь-якої дискримінації з причин раси, кольору шкіри, релігії або віри, статі, походження чи майнового стану або будь-яких інших аналогічних критеріїв. Гуманітарні принципи, викладені в загальній для Женевських конвенцій ст. 3, «є основоположні щодо поваги людської гідності в разі збройного конфлікту, що не має міжнародного характеру» [13].

2. Принцип обмеження воюючих у виборі засобів і методів ведення воєнних дій уперше був сформульований у ст. XXII Гаазького Положення про закони і звичаї сухопутної війни 1907 р.: «Воюючі не користуються необмеженим правом у виборі засобів нанесення шкоди ворогові». Згодом це положення було розвинене в багатьох міжнародно-правових актах. Так, у преамбулі Конвенції про заборону або обмеження застосування конкретних видів звичайної зброї, які можуть вважатися такими, що завдають надмірні пошкодження або мають невибіркову дію, від 10 жовтня 1980 р. сформульовано принцип міжнародного права, згідно з яким «право сторін у збройному конфлікті вибирати методи або засоби ведення війни не є необмеженим», а також принцип, який «забороняє застосування в збройних конфліктах зброї, снарядів і речовин і методів ведення війни, що можуть завдати надмірних ушкоджень або завдати зайві страждання». Заборона невибіркового застосування збройної сили й обмеження у виборі засобів і методів ведення воєнних дій поширена і на збройні конфлікти внутрішнього характеру.

3. Принцип захисту цивільного населення і мирних (цивільних) об'єктів розроблений також у багатьох міжнародних документах. Наприклад, у ст. 51 Додаткового протоколу I зазначено, що цивільне населення й окремі цивільні особи, що користуються захистом від небезпек, які виникають через військові операції, «не повинні ставати об'єктом нападу» [13, с. 51] Далі в цьому ж документі наголошено на забороні, відповідно до якої «цивільні об'єкти не повинні бути об'єктом нападу або репресалій. <...> Що ж стосується нерухомих об'єктів, то воєнні об'єкти обмежують тими об'єктами, які, з огляду на їхній характер розміщення, призначення або використання, мають ефект у військових діях і повне або часткове руйнування, захоплення чи нейтралізація яких за наявних у цей момент обставинах дає явну військову перевагу». Особливо слід наголосити, що складовою цього принципу, згідно зі ст. 52, є своєрідне «правило тлумачення сумнівів», коли «у випадку появи сумнівів у тому, чи використовується об'єкт, котрий зазвичай призначений для цивільних цілей <...> для ефективної підтримки військових дій, передбачається, що такий об'єкт використовують у цивільних цілях» [13, с. 52]. Аналогічні принципи захисту цивільного на-

селення і мирних (цивільних) об'єктів діють також щодо неміжнародних збройних конфліктів [13, с. 13–17].

Важливий вплив на нормативно-правове закріплення поняття військових злочинів здійснив Статут Міжнародного кримінального суду. Він уточнив поняття військових злочинів і значно конкретизував його, зокрема першу категорію таких злочинів, виділених у проекті кодексу, він пов'язав із серйозними порушеннями Женевських конвенцій 1949 р. Окрім цього, зазначений статут значно розширив і конкретизував поняття інших (за винятком першої категорії військових злочинів) серйозних порушень законів і звичаїв, які підлягають застосуванню в міжнародних озброєних конфліктах у встановлених рамках міжнародного права [14].

Проте в основі більшості концепцій юридичної природи й поняття військових злочинів лежать нормативно закріплені принципи.

Висновки. Таким чином, можна підсумувати, що за весь період існування міжнародного права ні міжнародно-правові акти, ні наукова доктрина не змогли вплинути на усвідомлення необхідності повної заборони міжнародних злочинів, передусім найбільш небезпечного з них – агресивної війни. Не змогли вони зайняти позицію, згідно з якою міжнародна кримінальна відповідальність за скоєння військових злочинів мала б бути покладена на конкретних організаторів і виконавців цих злочинів. Відповідно до цього і відбувалося становлення відповідних норм міжнародного права всього історичного періоду, а це у свою чергу й відображалось на розумінні поняття військових злочинів.

Список літератури:

1. Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право : [монография] / А.Г. Кибальник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 252 с.
2. Міжнародне кримінальне право. Загальна і Особлива частини : [навч. посібник] / В.І. Ролінський. – К. : Кафедра, 2012. – 268 с.
3. Гроций Г. О праве войны и мира : в 3 кн. / Г. Гроций. – М., 1956–. – Кн. 3 : Гл. 1–П. 4. – 1956. – 868 с.
4. Марченко А.В. Правовой порядок разграничения процедур экстрадиции и передачи военных преступников международным уголовным трибуналам или Международному уголовному суду / А.В. Марченко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2008. – № 3 (39). – С. 31–35.
5. Решетов Ю.А. Нарушения законов и обычаев ведения войны / Ю.А. Решетов // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / под ред. И.А. Ледях, И.И. Лукашука. – М., 1995. – С. 154.
6. Полторак А.И. Вооруженные конфликты и международное право / А.И. Полторак, Л.И. Савинский. – М. : Наука, 1976. – 416 с.
7. Батырь В.А. Международно-правовая регламентация применения средств ведения вооруженной борьбы в международных вооруженных конфликтах / В.А. Батырь // Государство и право. – 2001. – № 10. – С. 63.
8. Фердросс А. Международное право / А. Фердросс. – М., 1959. – 652 с.
9. Оппенгейм Л. Международное право : в 2 т. / Л. Оппенгейм. – М. : Иностр. лит., 1949–. – Т. 2. – Полуптом 1. – 1949. – 547 с.
10. Allazawi V. Criminal Responsibility under International Law / V. Allazawi. – Nashville, 1968. – P. 34.
11. Арцибасов И.Н. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия / И.Н. Арцибасов, В.А. Егоров. – М., 1989. – 230 с.
12. Каламкарян Р.А. Международное право : [учебник для вузов] / Р.А. Каламкарян, Ю.И. Мигачев. – М., 2002. – 688 с.
13. Додатковий протокол до Женевських конвенцій від 12 серпня 1949 року, що стосується захисту жертв міжнародних збройних конфліктів (Протокол I), від 8 червня 1977 року [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_199.
14. Римский статут международного уголовного суда от 17.07.1998 г. [Електронний ресурс] – Режим доступу : http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_588.

Столярський О. В. Основні доктринальні підходи щодо поняття воєнних преступлень в міжнародному праві / О. В. Столярський // Учені записки Таврицького національного університету імені В.І. Вернадського. Серія: Юридическі науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 166-171.

В статті аналізуються основні доктринальні підходи до розуміння поняття воєнних преступлень в міжнародному праві. В цьому контексті також досліджуються проблеми становлення і розвитку доктрини міжнародної уголовної відповідальності. Аналізуються норми міжнародних конвенцій і Устава Міжнародного уголовного суду, в частині виявляється їх вплив на нормативне закріплення поняття воєнних преступлень.

Ключові слова: доктрина, воєнні преступлення, міжнародне право, міжнародна конвенція, устав, Міжнародний уголовний суд.

**BASIC DOCTRINAL APPROACHES ON THE CONCEPT
OF WAR CRIMES IN INTERNATIONAL LAW**

*Stolyarskiy O. V.
Lviv National University named after Ivan Franko,
Lviv, Ukraine*

The article analyzes the basic doctrinal approaches to understanding the notion of war crimes in international law. In this context, it also examines the problems of formation and development of the doctrine of international criminal responsibility. Analyzes the norms of international conventions and the Statute of the International criminal court, in particular, their impact on the regulatory basis of the notion of war crimes.

An attempt is made to establish the influence of war crimes by the international criminal responsibility. In the formation of the doctrine of international criminal responsibility focused on the personal responsibility of persons guilty of war crimes. However, it should be emphasized that an important attempt to improve the international system of responsibility for violation of the law of war were made after the end of the First world war. However, if there is no indication on the possibility of establishing an international military Tribunal, it is explained and clear: everything described pre-judgments and conclusions were made in the late XIX century, when the development of international criminal responsibility of individuals were only at the initial stage of scientific studies that relied only on some international acts. International lawyers sought to justify the need for further humanization of the sphere of armed struggle, but to confirm their findings, they could use a very small number of international legal instruments. Such as the St. Petersburg Declaration on the abolition of the use of explosive and incendiary bullets (1868); Geneva Convention for the amelioration of the condition of the wounded and sick in armed (1864), which was extended and expanded in 1906; The Hague Declaration on the use of projectiles with the sole purpose to spread poisonous gases and on the use of bullets, easily expandable or plushevaya (1899); the Hague Convention on laws and customs of war (1907). The peculiarity is that neither international law, nor the scientific doctrine of that period failed to act on the awareness of the need for a total ban of international crimes, and the most dangerous of them – aggressive war. They could not take the position that international criminal responsibility for committing military offences should be assigned to specific organizers and performers. Accordingly, and was the emergence and development of international law in the field of international criminal responsibility and in the field of war crimes.

Key words: doctrine, war crimes, international law, international Convention, Statute of the international criminal court.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.982.33

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Бирюков В. В.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

Бирюкова Т. П.

*Крымский государственный медицинский университет имени С. И. Георгиевского,
г. Симферополь*

В статье рассматриваются вопросы теории и практики современной криминалистики. Авторы раскрывают информационную сущность расследования, называя его разновидностью ретроспективного познания. При этом выделяют роль научных знаний и опыта в познании такого сложного явления, как преступление. Красной нитью через все содержание статьи проходит основная идея, заключающаяся в том, что, как и в любом процессе познания, в расследовании преступлений знания добываются только с помощью знаний. Именно они составляют основной инструментарий следователя и определяют его профессионализм и компетентность.

Ключевые слова: ретроспективное познание, знания, компетентность, информация, источники информации, специальные знания, следовая картина.

Постановка проблемы. Стремительный рост научных знаний, произошедший в последние годы под влиянием информатизации, их интеграция и дифференциация стали реальным фундаментом для решения задач современной науки и практики на принципиально новом уровне. Не стали исключением борьба с преступностью и юридическая наука. Все чаще ученые-юристы для освещения различных вопросов, направленных на совершенствование расследования преступлений и решения научных проблем, используют информационный подход [1, с. 17]. И это не случайно. Любая осознанная деятельность человека связана именно с получением, обработкой и использованием информации. Как разновидность человеческой деятельности, расследование преступлений представляет собой процесс познания, который состоит в выявлении лиц, являющихся носителями информации, необходимой для установления объективной истины по делу, и ее получении; выявлении и исследовании материально-фиксированных следов, образование которых связано с событием преступления, а также других материальных объектов, информация о которых будет

способствовать раскрытию преступления; установлению механизма преступления и определении в нем роли каждого участника и объекта; фиксации, накоплению, осмыслению, оценке и использовании полученной информации.

Цель статьи – рассмотреть вопросы теории и практики современной криминалистики.

Состояние исследования. Познание преступления – процесс управляемый и целенаправленный, его целью является установление факта события преступления, преступников и определение их вины, выявление обстоятельств, способствовавших его совершению и др. Полученная в результате такого познания информация становится основой для установления объективной истины по делу, определения роли и места в нем каждого участника. Она лежит в основе квалификации преступления и действий его участников, правовой оценки их действий с позиций норм действующего уголовного закона. В отличие от общего познания, расследование преступлений носит ретроспективный, опосредованный характер и заключается в сборе информации о событии прошлого, восстановлении информационной картины происшедшего путем построения его условной модели по крупницам от частного к общему [2, с. 5–7]. Осуществляется такое познание в рамках расследования уголовных дел с соблюдением требований действующего УПК специальными субъектами с обязательной фиксацией информации о его ходе и результатах в предусмотренных законом формах. Это создает условия многократного использования результатов познания для установления различных обстоятельств по делу, в зависимости от ситуации, а также проверки тех же обстоятельств и обоснованности выводов досудебного следствия судом и представителями обвинения и защиты.

Результаты и качество расследования в значительной мере зависят от профессиональных качеств лица, которое его осуществляет, от арсенала знаний, которыми он обладает и умения применять их на практике. Знания представляют собой осознанную и осмысленную информацию. Основным их источником и потребителем является практика, где они реализуются через методы, методики, приемы и технологии. В теории науки указанный инструментарий проходит научное осмысление на уровне диссертаций и монографий. В учебном процессе научно-обоснованные результаты представлены в учебных пособиях и учебниках, а также методических рекомендациях, рассчитанных на подготовку специалистов определенной квалификации. Осмысленные следователем, они возвращаются на практику и выступают в качестве инструмента познания, создавая условия установления истины при расследовании конкретных фактов, а также для роста профессиональных знаний применяющего. Опыт, приобретенный специалистом на практике, также представляет не что иное, как эмпирические знания. Отметим, что знания добываются только с помощью знаний, и чем большим запасом таковых обладает следователь и умеет их осмысленно и целенаправленно использовать, тем выше его профессионализм. Сказанное служит еще одним подтверждением того, что расследование преступлений представляет собой сложный информационный процесс.

Содержательно преступление можно представить как совокупность взаимодействий объектов материального мира, происходящие под влиянием умышленных или неумышленных деяний человека. При совершении преступления люди пользуются

приобретенными в процессе жизнедеятельности знаниями, опытом и навыками. Для достижения преступной цели обычно применяют оружие и разнообразные технические средства, навыками работы с которыми они обладают. В последние годы все чаще принимают на вооружение последние достижения научно-технического прогресса, включая информационные технологии, компьютерную и другую технику. «Навыки могут отразиться в выборе лицом способа преодоления преград, средств и орудий взлома и так далее» [3, с. 61] – удачно замечает В.Н. Чулахов. Профессионализм современных преступников, навыки и применяемые ими средства и технологии проявляются в способах совершения преступлений и отображаются в следовой картине. Именно поэтому анализ следовой картины создает реальные условия для получения сведений о личных качествах преступника [4, с. 31]. Для ее исследования могут быть привлечены специалисты из разных областей знаний: криминалисты, судебно-медицинские эксперты, травматологи, хирурги, психологи и другие. Каждый из них, познавая определенную грань объекта исследования, глубоко вникая в сущность проблемы, благодаря наличию комплекса специальных знаний, составляющих его профессиональный инструментарий, предлагает свое видение события преступления и личности преступника, его внешности, строения и повреждений определенных частей тела, профессиональных навыков, психологических качеств, интеллекта. В сумме такая совокупность информации охватывается понятием криминалистической характеристики преступления и ее составной части – характеристики личности преступника. В процессе расследования она используется комплексно, с целью установления преступника и обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию по делу.

Во время совершения преступления, как и при любом другом взаимодействии, следы формируются как в неживой природе, так и в живой – в памяти людей. На объектах неживой природы следообразование происходит упрощенно, как отображение свойств и признаков следообразующего объекта на следовоспринимающем. Проявляются они в виде изменений физических или химических свойств объектов, которые произошли в результате взаимодействия. Такие изменения принято называть следами преступления. Особое место среди них занимают следы механического контакта. Отраженные на поверхности одного объекта, они являются зеркальной копией поверхности другого, причем не всей, а лишь участка, который непосредственно вступал в контакт. По таким отражениям возможно осуществление криминалистической идентификации, благодаря чему устанавливают факт взаимодействия объектов в прошлом, а также решают задачи диагностического, ситуационного и классификационного характера. Они способствуют установлению преступников и уяснению механизма преступления.

Процесс восприятия отражений человеком носит более сложный, активный характер. На него существенно влияют его субъективные качества. Все, что им воспринято, осмысливается, кодируется и хранится в памяти. Очевидец непреднамеренно, на бытовом уровне воспринимает и познает определенные проявления наблюдаемого им события и становится носителем информации об объектах, которые к нему были причастны. При этом он оценивает его, как и любой рядовой акт жизнедеятельности, нередко не предполагая, что наблюдал событие преступления.

Познание преступления следователем, как и другими субъектами расследования происходит опосредованно и целенаправленно путем исследования объектов неживой природы и получения информации от людей. Особым источником информации, которая может способствовать установлению отдельных обстоятельств, выступают различные информационные системы. Среди них важное место принадлежит криминалистическим, непосредственно предназначенным способствовать раскрытию преступлений [5, с. 5–7]. Необходимость установления истины по делу обуславливает необходимость тщательного исследования всех потенциальных источников информации.

Следователь не в состоянии непосредственно наблюдать процесс совершения преступления. По отношению к расследованию оно всегда представляет собой событие прошлого.

Хотя познание преступления происходит опосредованно, при производстве ряда следственных действий следователь сам получает и формирует информацию о нем – он исследует место происшествия, обстановку и взаиморасположение объектов, обнаруживает следы, возникновение которых связано с событием преступления и действиями преступника. С целью проведения следственных действий на качественном уровне, выявления и изъятия следов или объектов, он использует научно-технические средства и привлекает специалистов. Ряд объектов изымает в качестве вещественных доказательств. В случаях, когда для их исследования возникает необходимость в использовании специальных знаний, назначает и производит экспертизы. «Успех раскрытия преступлений во многом зависит от участия в нем высококвалифицированных специалистов, вооруженных современными знаниями...» [6, с. 121] – отмечают Г.Н. Мухин, О.Г. Каразей и Д.В. Исютин-Федотков. Таким образом, следователь, специалист и эксперт непосредственно исследуют обстановку, материальные объекты и их следы при осмотре места происшествия или в ходе иных следственных действий. Суд, представители обвинения и защиты, как правило, осуществляют такое познание опосредованно, пользуясь информацией, зафиксированной первоначально в протоколах следственных действий и приложениях к ним, выводах экспертиз и других процессуальных документах. А те объекты, которые изъяты в качестве вещественных доказательств, могут исследовать повторно.

Люди являются носителями информации (кроме случаев, когда их тело является объектом исследования), которая является результатом восприятия ими непосредственно события и причастных к нему объектов. Таким образом, следователь пользуется результатами наблюдений других лиц. Иными словами, он познает познанное другими, хранящееся в их памяти. Причем эти результаты уже осмыслены носителем информации – человеком. Получаемая таким образом информация несет в себе существенную долю субъективности и сформирована с учетом базовых знаний конкретного человека, его образования и уровня развития, интеллекта, физических возможностей, психического состояния и так далее. Сам же процесс ее получения и передачи в определенной степени зависит от заинтересованности лица в установлении объективной истины по делу. Для получения достоверной информации от таких носителей следователь тщательно готовится к следственным действиям, выбирает и применяет эффективные в сложившейся ситуации тактические приемы. Получен-

ная информация фиксируется в протоколах и приложениях к ним. Как и в случае с данными, полученными от объектов вещной обстановки, нередко суд, прокурор и защитник пользуются информацией, которая была получена и зафиксирована на до-судебном следствии. Они могут оценить ее и проверить на предмет достоверности, допустимости, достаточности и принадлежности, а также непосредственно перепроверить, допросив повторно свидетелей, потерпевших и обвиняемых.

Разумеется, непременным условием качественного осуществления расследования является наличие у субъекта познания необходимого комплекса базовой информации, опираясь на которую он и осуществляет познание. Ее составляют его профессиональные знания, навыки и умения. Хотя такая информация непосредственно и не связана с событием преступления, без нее познать преступление и провести расследование невозможно. Она направляет процесс познания в определенное русло, придает ему целеустремленности. Любая профессиональная деятельность человека требует наличия у него обязательного минимума знаний, умений и навыков, которые позволяют ему правильно выполнять работу, достигать необходимых результатов. Предполагается, что базовый минимум знаний он получает в процессе обучения по специальности. Для следователя этот минимум включают: знания действующего законодательства и умение его применять; криминалистики; уголовного права и процесса; оперативно-розыскной деятельности и других юридических наук. При расследовании преступлений в зависимости от ситуации может возникнуть необходимость в использовании других самых разнообразных знаний.

Подводя краткие итоги сказанному, отметим, что расследование преступлений представляет собой процесс ретроспективного познания, которое осуществляется уполномоченными на то субъектами с соблюдением норм действующего законодательства. При этом знания о преступлении и его участниках добываются с помощью комплекса знаний, которые благодаря научному осмыслению криминалистикой, преобразовываются в инструмент познания – методы, методики и технологии. В качестве источников информации выступают люди, объекты неживой природы и информационные системы. Результатом такого познания выступает информация о событии преступления в целом, а также о роли и значении в этом событии каждого причастного объекта. Оно осуществляется опосредованно через познание свойств объектов и изменений, произошедших в них в результате преступления, путем от частного к общему. В ходе расследования следователь оперирует не объектами и событиями, а информацией о них. Он оценивает ее, учитывая значимость для уяснения события преступления в целом, его механизма, установления отдельных объектов и фактов, их конкретной роли в расследуемом событии. Основываясь на информации, он осуществляет правовую оценку произошедшего и квалифицирует его в соответствии с нормами действующего уголовного законодательства.

Ход и результаты расследования фиксируются в предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством формах. Зафиксированная таким образом в ходе до-судебного следствия информация, создает условия для опосредованного познания преступления судом и представителями обвинения и защиты, оценки и проверки ее на предмет достоверности, относимости, достаточности и допустимости. В комплек-

се с даними, отриманими в ході судового розбирательства дела, она використовується для винесення приговора судом.

Висновки. Таким образом, расследование преступлений представляет собой информационный процесс, направленный на установление истины по расследуемому событию. Результатом всего расследования, как и каждой его составляющей, выступает информация, облеченная в процессуальную форму. Его объективность зависит от используемого инструментария и компетентности субъектов расследования. В этом процессе знания добываются с помощью знаний. Здесь существует прямая зависимость – чем совершеннее наши знания, тем совершеннее инструментарий, тем более объективные и достоверные знания мы получаем в процессе познания (в этом случае – в расследовании). Объективность и достоверность полученных знаний позволяет правильно применить другие знания – знания уголовного права и, соответственно, правильно оценить событие и квалифицировать деяния его участников с позиций норм действующего уголовного закона.

Список литературы:

1. Лук'янчиков Є.Д. Методологічні засади інформаційного забезпечення розслідування злочинів : монографія / Є.Д. Лук'янчиков. – К. : Нац. акад. внутр. справ України, 2005. – 360 с.
2. Лузгин И.М. Расследование как процесс познания : учеб. пособие / И.М. Лузгин. – М., 1969. – 180 с.
3. Чулахов В.Н. Криминалистическое исследование навыков и привычек человека / под ред. Е.Р. Россинской. – М. : «Юрлитинформ», 2004. – 176 с.
4. Одерій О.В. Основи методики розслідування вбивств на замовлення та вбивств, учинених під час здійснення релігійних ритуалів : монографія / О.В. Одерій, А.О. Шульга. – Донецьк : ДЮІ ЛДУВС ім. Е.О. Дідоренка, 2010. – 328 с.
5. Бірюков В.В. Інформаційно-довідкове забезпечення розслідування злочинів : навч. посібник / В.В. Бірюков. – Луганськ : РВВ ЛДУВС, 2009. – 112 с.
6. Мухин Г.Н., Каразей О.Г., Исютин-Федотков Д.В. Криминалистическое моделирование личности неустановленного преступника и его преступного поведения: научно-практическое пособие / под ред. Г.Н. Мухина. – М. : Юрлитинформ, 2012. 208 с.

Бірюков В. В., Бірюкова Т. П. Інформаційні основи розслідування злочинів / В. В. Бірюков, Т. П. Бірюкова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія : Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 172-177.

У статті розглянуто процес розслідування злочинів як різновид ретроспективного пізнання, спрямованого на отримання, фіксацію, аналіз і використання інформації для встановлення злочинців та істини по справі.

Ключові слова: ретроспективне пізнання, знання, компетентність, інформація, джерела інформації, спеціальні знання, слідова картина.

THE INFORMATIONAL BOTTOMS OF FACT-FINDING OF CRIMES

Birjukov V. V.
Taurida National University named after V. I. Vernadskiy,
Simferopol
Birjukova T.P.
Crimea State Medical University named after S. I. Georgievskiy,
Simferopol

Fact-finding process as a variety of the retrospective knowledge directed on obtaining, bracing, the assaying and usage of the information for establishment of criminals and true on case is considered.

Key words: retrospective cognition, knowledge, competence, information, sources of information, expertise, trace the picture.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Юридические науки». Том 27 (66). 2014. № 4. С. 178-183.

УДК 347.963;343.1

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В СТРАНАХ СНГ

Кошман А. В.

В статье исследуются и анализируются полномочия прокуроров Республик Беларусь, Казахстана, РФ, Узбекистана в уголовном судопроизводстве, а также проблемные вопросы, связанные с их реализацией.

Ключевые слова: прокурор, полномочия, уголовное судопроизводство.

Постоянно меняющаяся ситуация в странах СНГ, в том числе и в правовом поле, поиск места и роли прокуратуры и ее влияния на развитие общества вызывает постоянную дискуссию среди научных работников и практиков этих стран.

Организационно-правовые аспекты деятельности прокуратуры в уголовном судопроизводстве исследовались в трудах С.А. Альперта, Д.М. Бакаева, А.Д. Берензона, Ю.Е. Винокурова Ю.М. Грошевого, В.С. Зеленецкого, П.М. Каркача, Г.К. Кожевникова, Ф.М. Кобзарева, А.Ф. Козусева, Б.В. Коробейникова, Н.И. Мычко, В.Д. Финько, И.Я. Фойницкого, В.П. Рябцева, А.Ф. Смирнова, А.Я. Сухарева.

Целью статьи является проведение сравнительного анализа некоторых полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве в странах СНГ, выявление, как общих тенденций, так и особенностей трансформации статуса прокурора в уголовном судопроизводстве.

В процессе подготовки данной публикации проанализированы полномочия прокуроров в уголовном судопроизводстве в республиках Армении, Беларусь, Казахстан, РФ, Украине.

Известный российский ученый И.Я. Фойницкий отмечал, что в истории насаждения законности институт прокуроров имел высокое значение, он сослужил огромную службу для перехода от системы управления по личному усмотрению к системе управления по закону [12, с. 523].

После обретения независимости в указанных государствах построение правовой системы началось не с чистого листа, в каждой из республик некогда союзного государства имела правовая база в виде Конституций, кодексов и законов.

В СССР как союзном государстве с 25.12.1958 основы уголовного судопроизводства и определявший единый правовой статус прокурора Закон СССР от 30.11.1979 «О прокуратуре СССР» были едиными.

Развитие статуса прокуроров практически началось с принятия Конституций и законов независимых государств о прокуратурах, после последовало принятие уголовно-процессуальных кодексов, определивших полномочия прокуроров в уголовном судопроизводстве.

Формирование статуса прокуроров в уголовном судопроизводстве в странах СНГ можно подразделить на несколько периодов. Первый период – 1991–2000 гг., когда в указанных странах были приняты конституции, и отраслевые законы, закрепившие статус прокуратур как централизованных систем с законодательным закреплением их полномочий.

Конституция Республики Армения от 05.07.1995 в ст. 103 закрепила, что прокуратура является единой системой, которую возглавляет Генеральный прокурор [1].

В Конституции Республики Узбекистан от 08.12.1992 [2] в главе XXIV определен статус прокуратуры как единой централизованной системы, осуществляющей надзор за точным и единообразным исполнением законов на территории республики.

Практически одновременно был принят Закон Республики Узбекистан от 09.12.1992 «О прокуратуре». 29.08.2001 закон принят в новой редакции, сохранив полномочия прокурора по осуществлению надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание, предварительное следствие [3].

Закон Республики Казахстан от 21.12.1995 «О прокуратуре» с изменениями и дополнениями также сохранил полномочия прокуроров по осуществлению надзора за законностью следствия и дознания [4].

При этом закон конкретизирует полномочия прокурора в указанном направлении деятельности. В соответствии со ст. 38 Закона Республики Казахстан «О прокуратуре» прокурор, осуществляя надзор за законностью досудебного расследования:

- 1) получает для проверки от органов досудебного расследования уголовные дела, документы, материалы и иные сведения об уголовных правонарушениях, о ходе оперативно-розыскной деятельности, негласных следственных действий, досудебного расследования;
- 2) проверяет соблюдение законности при приеме, регистрации, разрешении заявлений и сообщений о совершенных или готовящихся уголовных правонарушениях;
- 3) поддерживает либо отказывает в поддержании перед следственным судьей ходатайства органа уголовного преследования о санкционировании содержания под стражей или домашнего ареста подозреваемого, обвиняемого, санкционирует применение залога;
- 4) в необходимых случаях начинает и проводит досудебное расследование, дает указания о производстве досудебного расследования;
- 5) отменяет незаконные постановления лиц, осуществляющих досудебное расследование;
- 6) если в ходе досудебного расследования были допущены нарушения прав участников процесса и других граждан, незаконные методы расследования, ставит вопрос об ответственности виновных лиц;
- 7) в случаях неполноты досудебного расследования, а также установления допущенных нарушений законности возвращает уголовное дело на дополнительное расследование либо прекращает его в полном объеме или в отношении конкретных лиц;
- 8) утверждает обвинительный акт, протокол об уголовном проступке, направляет уголовное дело в суд для рассмотрения по существу;
- 9) требует при необходимости от руководителей следственных подразделений и органов дознания проведения проверок в подчиненных им органах в целях устранения нарушений закона, обеспечения полного раскрытия уголовных правонарушений;
- 10) рассматривает жалобы на действия (бездействие) и решения лица, осуществляющего досудебное расследование, руководителей органов досудебного расследова-

ния; 11) проверяет соблюдение установленного законодательством порядка и условий содержания под стражей лиц, в отношении которых мерой пресечения избрано содержание под стражей; 12) выполняет иные установленные законом полномочия. Указания прокурора в пределах его компетенции являются обязательными для лица, осуществляющего досудебное расследование.

В Конституции Республики Беларусь, принятой 15 марта 1994 г., в главе 7 закреплён статус прокуратуры как единой централизованной системы. [5]

Закон Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» от 29 января 1993 г. в редакции от 8 мая 2007 г. наделил прокуратуру полномочиями по осуществлению надзора за исполнением законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, дознания, предварительного следствия [6]. При этом полномочия прокуроров при осуществлении надзора за исполнением законов в ходе досудебного производства при производстве предварительного следствия и дознания в Республике Беларусь в законе не конкретизированы, а определяются уголовно-процессуальным кодексом.

В РФ в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» в ст. 30 указано, что полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами [7].

Таким образом, в Республиках Армении, Беларусь, Казахстан, РФ, Украине, по нашему мнению, начинает формироваться два направления законодательного закрепления полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве: 1) с конкретизацией полномочий прокуроров в отраслевых законах; 2) без конкретизации полномочий в отраслевых законах со ссылкой на уголовно-процессуальное законодательство.

Вторым периодом формирования полномочий прокуроров в уголовном судопроизводстве можно назвать 2000–2014 г., когда в странах СНГ начинается разработка новых уголовно-процессуальных кодексов.

В Республики Беларусь УПК принят 16.07.1999, в РФ УПК принят 18.12.2001, но процесс поиска новых процессуальных форм уголовного судопроизводства был длительным.

Основными проблемами, которые необходимо было разрешить, были: искоренение волокиты при регистрации заявлений и сообщений о совершенных преступлениях, вопрос равенства прав обвинения и защиты по сбору и предоставлению суду доказательств, обеспечение эффективного и беспристрастного правосудия.

В этот период и возник вопрос о том, каким должен быть правовой статус прокурора в уголовном судопроизводстве, он должен иметь широкие, как и прежде, полномочия по надзору за следствием и дознанием или эти полномочия должны остаться только за дознанием, а следствие должно иметь полную самостоятельность, и тем самым будет достигнута эффективность уголовного судопроизводства в достижении самой цели уголовного судопроизводства – по привлечению виновных в совершении преступления лиц и защите прав потерпевших.

Предлагалось и другое решение: прокурор – процессуальный руководитель досудебного расследования, но в этом случае не будет ли подмены надзора и контроля и

способен ли прокурор совместить функции надзора и процессуального руководителя досудебного расследования?

В Украине 13.04.2012, в Республике Казахстан 04.07.2014 были приняты новые уголовно-процессуальные кодексы. В соответствии с УПК Украины прокурор приобрел статус процессуального руководителя досудебного расследования, имеющий полномочия по реагированию на процессуальные нарушения во время расследования уголовных правонарушений, полномочия по проведению и согласованию следственных (розыскных) действий, а также участия в суде при рассмотрении ходатайств о предоставлении разрешения на проведение следственных (розыскных) действий; надзорные полномочия и полномочия прокурора при участии в судебном рассмотрении уголовных дел.

В Республике Казахстан согласно УПК прокурор имеет надзорные полномочия в уголовном судопроизводстве в части следствия и дознания, а также право принимать к производству любое уголовное дело и проводить по нему расследование, пользуясь полномочиями следователя.

Надзор за законностью досудебного расследования в этих странах осуществляет уполномоченный на то прокурор.

Несколько по-иному сложилась правовая ситуация в РФ, где в результате реформирования следствия прокуратуры и создания Следственного комитета, на наш взгляд, произошло сужение прав прокурора при осуществлении надзора за проведением предварительного следствия.

В УПК РФ 05.06.2007 в соответствии с Федеральным законом № 87-ФЗ были внесены изменения, в том числе и ст. 37, определяющую полномочия прокурора, в соответствии с которыми прокурор был лишен права возбуждать уголовные дела, поручать его расследование дознавателю, следователю, нижестоящему прокурору либо принимать его к своему производству; участвовать в производстве предварительного расследования и в необходимых случаях давать письменные указания о направлении расследования, производстве следственных и иных процессуальных действий либо лично производить отдельные следственные и иные процессуальные действия; давать согласие дознавателю, следователю на возбуждение уголовного дела в соответствии со ст. 146, отстранять следователя от дальнейшего производства расследования, если допущено нарушение требований УПК РФ при производстве предварительного расследования, отменять незаконные или необоснованные постановления следователя [8].

По нашему мнению (и правоприменительная практика подтвердила это), прокурор был лишен важных полномочий, позволяющих как стороне обвинения полностью осуществлять процессуальную деятельность в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

В соответствии со ст. 37 УПК РФ прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, следовательно, поэтому он должен иметь в этих целях широкий спектр полномочий. Ведь в правовой системе государства действенная систе-

ма законодательных противовесов способна не только предотвратить нарушения закона, но и обеспечить реальную защиту прав граждан и юридических лиц.

Серьезную обеспокоенность этой проблемой высказывают не только прокуроры, но и научные работники. Так, А.С. Александров [9], Т.К. Рябинина [10] полагают, что ограничение полномочий прокурора негативно скажется на роли прокурора по выполнению задач уголовного судопроизводства.

Принятые изменения в УПК РФ в соответствии с федеральными законами от 02.12.2008 № 226-ФЗ, от 28.12.2010 № 404-ФЗ восстановили ряд надзорных полномочий прокуроров в уголовном судопроизводстве в части права истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела.

На наш взгляд, при расширении надзорных полномочий прокуроров в уголовном судопроизводстве речь не должна идти о сужении полномочий следователя.

Таким образом, в постсоветских республиках в уголовном судопроизводстве сформировались следующие статусы прокуроров: 1) прокурор, имеющий право возбуждать уголовные дела, (начинать), и проводить расследование, а также надзорные полномочия как в отношении следствия, так и дознания, и полномочия государственного обвинителя в ходе судебного производства по уголовному делу; 2) прокурор как процессуальный руководитель досудебного расследования; 3) прокурор, имеющий надзорные полномочия в отношении дознания и следствия и полномочия государственного обвинителя в ходе судебного производства по уголовному делу.

На наш взгляд, углубление экономических связей между странами Содружества независимых государств требует и унификации законодательства, в том числе и уголовно-процессуального, и определения статуса прокурора, обладающего всеми полномочиями для достижения целей уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 г. / Национальное собрание Республики Армения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus>.
2. Конституция Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 г. Информационный портал Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.moymir.uz/konstitusiya>.
3. Закон Республики Узбекистан «О прокуратуре» от 29 августа 2001 г. с изменениями [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.moymir.uz/konstitusiya>.
4. Закон Республики Казахстан «О прокуратуре» от 21 декабря 1995 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://prokuror.gov.kz/rus/o-prokurature/normativnye-pravovye-akty/zakon-o-prokurature>.
5. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=6351>.
6. Закон Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» от 8 мая 2007 г. № 220-3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=6351>.
7. Федеральный закон «О прокуратуре РФ» от 17.01.1992 № 2202-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.genproc.gov.ru/documents/legal-base/document-59>.
8. Уголовно- процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 №174-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.consultant.ru/popular/upkrf>.
9. Александров А.С. К вопросу о создании единого следственного комитета // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2010. – № 6 (76). –18 с.
10. Рябинина Т.К. И вновь к вопросу о правовом статусе прокурора в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. – 2008. – №1.

11. Винокуров Ю.Е. Прокурорский надзор : [учебник] / Ю.Е. Винокуров. – 9-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2011. – 490 с.

12. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Изд. 4-е. Том 1 / И.Я. Фойницкий. – С-Пб. : Типография т-ва «Общественная Польза», 1912. – 523 с.

Кошман А. В. Порівняльний аналіз повноважень прокурора у кримінальному судочинстві в країнах СНД / А. В. Кошман // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія : Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 178-183.

У статті досліджуються і аналізуються повноваження прокурорів Республік Білорусь, Казахстану, РФ, Узбекистану в кримінальному судочинстві, а також проблемні питання, пов'язані з їх реалізацією.

Ключові слова: прокурор, повноваження, кримінальне судочинство.

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE POWERS OF THE PROSECUTOR
IN CRIMINAL PROCEDURE IN THE STATES OF CNS**

Koshman A. V.

In the article probed and analyzed the powers of prosecutors of the Republic of Belarus, Kazakhstan, Russia, Uzbekistan in criminal procedure, as well as the problematic issues related to their implementation.

Key words: prosecutor, powers, criminal procedure.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Юридические науки». Том 27 (66). 2014. № 4. С. 184-189.

УДК 343.98

ІНФОРМАЦІЙНА БЕЗПЕКА ДОПИТУ ЕКСПЕРТА В РЕЖИМІ ВІДЕОКОНФЕРЕНЦІЇ

Моїсєєв О. М.

*Донецький національний університет,
м. Донецьк, Україна*

Досліджено проблему забезпечення інформаційної безпеки під час допиту судового експерта в режимі відеоконференції. Доведено доцільність розроблення та нормативно-правового закріплення загальної стратегії забезпечення інформаційної безпеки процесуальних дій, які проводяться в дистанційному режимі.

Ключові слова: процесуальні дії, дистанційне судове провадження, допит експерта, режим відеоконференції, інформаційна безпека.

Сучасне суспільство рухається шляхом активного розвитку інформаційно-комунікаційних технологій. Інформатизація охоплює всі основні сфери життя суспільства, а отже, і розвиток вітчизняного законодавства набуває нових тенденцій. Зокрема, однією з новел, запроваджених Кримінальним процесуальним кодексом України 2012 року, стало використання відеоконференцз'язку під час досудового та судового провадження в кримінальній справі. Проте не втрачають актуальності проблеми комунікативної взаємодії експерта з учасниками кримінального провадження в дистанційній формі. Крім того, запровадивши таку новацію, законодавець залишив не вирішеними низку питань, одним із яких є забезпечення інформаційної безпеки під час допиту особи в режимі відеоконференції.

Таким чином, у ст. 1 Закону України «Про судову експертизу» зміст поняття «судова експертиза» визначено як дослідження експертом на основі спеціальних знань матеріальних об'єктів, явищ і процесів, які містять інформацію про обставини справи, що перебуває в провадженні органів дізнання, досудового й судового слідства [1]. За результатами проведення зазначеного дослідження експерт складає висновок, що є одним із передбачених Кримінальним процесуальним кодексом України джерел доказів.

Такі науковці, як Т.В. Авер'янова [2], А.І. Вінберг [3], О.О. Ейсман [4], Н.І. Клименко [5], В.Я. Колдін [6], М.Я. Сегай [7], В.Ю. Шепітько [8], О.Р. Шляхов [9] та інші у своїх працях приділили багато уваги дослідженню висновку експерта. Однак у світлі активного розвитку інформаційних технологій не отримало розв'язання питання забезпечення інформаційної безпеки під час дистанційного досудового розслідування та судового провадження.

Отже, метою цієї роботи вважаємо дослідження проблем забезпечення інформаційної безпеки під час допиту експерта в режимі відеоконференції та розроблення відповідних рекомендацій для суб'єктів кримінального провадження, які забезпечують процес дистанційного допиту.

У літературі наукового спрямування висловлено пропозицію щодо розширення положень статей 232 та 336 Кримінального процесуального кодексу України нормою щодо участі експерта в досудовому та судовому провадженні в режимі відеоконференцв'язку. Також доведено, що така взаємодія експерта з іншими учасниками кримінального провадження не тільки сприятиме скороченню витрат на відрядження для судового експерта й дозволить мінімізувати відволікання його від основної роботи, а й значною мірою підвищить ефективність проведення експертизи в судовому засіданні та допиту експерта стосовно проведеного ним дослідження. Для впровадження змін до положень указаних статей авторами висловлено рекомендацію щодо доцільності обладнання спеціальних кімнат для проведення відеоконференцій не тільки в судах, а й у державних експертних установах, відповідальність за функціонування яких необхідно покласти на керівників цих установ [10].

Звертаючись безпосередньо до Кримінального процесуального кодексу України (далі – КПК України), бачимо, що згідно з п. 3 ст. 232 КПК України використання в дистанційному досудовому розслідуванні технічних засобів і технологій повинно гарантувати належну якість зображення й звуку, а також інформаційну безпеку. Учасникам слідчої (розшукової) дії має бути забезпечено можливість ставити запитання й отримувати відповіді осіб, які беруть участь у слідчій (розшуковій) дії дистанційно, реалізовувати інші надані їм процесуальні права та виконувати процесуальні обов'язки, передбачені КПК України [11]. Викликає сумнів можливість стовідсоткового забезпечення якості зображення й звуку, а також інформаційної безпеки, оскільки створення та роботу технічних пристроїв зв'язку забезпечують конкретні працівники, до того ж використання таких пристроїв пов'язане з технічними складнощами в плані передавання інформації (наявність шумів), які зумовлюють специфіку процесів відображення (тобто передавання та отримання) інформації, властиву конкретним пристроям зв'язку.

Оскільки вітчизняне законодавство впевнено наближається до стандартів європейських країн, вважаємо доречним розгляд поняття інформаційної безпеки з позиції країн Європейського Союзу, де питання забезпечення інформаційної безпеки суспільства незмінно перебувають у центрі уваги.

Усе більшого збитку підприємницькій діяльності громадян і організацій, а також діяльності державних органів завдає поширення в комп'ютерних мережах шкідливих програм, здійснення несанкціонованого доступу до інформаційних ресурсів, поширення «інформаційної» макулатури (спаму).

Розширюється застосування сучасних інформаційних технологій для вчинення злочинних діянь у сфері порушення конституційних прав і свобод людини й громадянина, ведення економічного та промислового шпигунства, розкриття відомостей, що становлять особисту, сімейну, комерційну, державну та інші охоронювані законом таємниці.

Посилюється небезпека використання сучасних інформаційних технологій для завдання збитку політичним, економічним, військовим чи іншим інтересам держави з боку терористичних організацій і ворожих держав [12, с. 14].

Усе це переконливо свідчить, що метою створення системи забезпечення безпеки інформаційних технологій є запобігання або мінімізація збитку (прямого чи непрямого, матеріального, морального або іншого), якого зазнають суб'єкти інформаційних відносин від небажаного впливу на інформацію, її носії та процеси обробки.

Забезпечення інформаційної безпеки характеризується діяльністю щодо недопущення шкоди властивостям об'єкта безпеки, зумовленим інформацією та інформаційною інфраструктурою, а також засобами та суб'єктами цієї діяльності [12, с. 37].

Розглянемо детальніше критерії інформаційної безпеки, якими є такі:

1) доступність означає, що інформація відкрита для доступу, а засоби її передавання функціонують, незважаючи на такі можливі негативні події, як вимкнення електроживлення, стихійні лиха, нещасні випадки або напади;

2) аутентифікація – підтвердження заявленої ідентичності юридичних осіб або користувачів;

3) цілісність – підтвердження, що інформація, яку було надіслано, отримано або збережено, є цілою і незмінною;

4) конфіденційність – захист повідомлень або збереженої інформації від несанкціонованого перехоплення й перегляду [13, с. 94].

Інформаційні загрози реалізуються у такому вигляді: 1) порушення адресності та своєчасності інформаційного обміну, протизаконного збору та використання інформації; 2) здійснення несанкціонованого доступу до інформаційних ресурсів та їх протиправного використання; 3) розкрадання інформаційних ресурсів із банків і баз даних; 4) порушення технології обробки інформації [14, с. 20].

Політика ж Європейського Союзу у сфері забезпечення інформаційної безпеки ґрунтується на таких складових:

1) забезпечення прикладного характеру правових норм на основі загального розуміння основних питань інформаційної безпеки й спеціальних заходів її забезпечення;

2) необхідність постійного вдосконалення правового регулювання з урахуванням технічного прогресу та зумовлених ним нових загроз;

3) потреба в доповненні ринкових механізмів політичними заходами;

4) формування європейського внутрішнього ринку інформаційно-комунікаційних послуг [13, с. 94].

Важливим нормативно-правовим актом, ухваленим у сфері забезпечення інформаційної безпеки, є Рекомендації Комісії Європейських Співтовариств 94/820/ЕС від 19 жовтня 1994 року, що стосуються правових аспектів електронного обміну даними [15]. Електронний обмін даними – це міжкомп'ютерний обмін діловими, комерційними та фінансовими електронними документами (наприклад, замовленнями, платіжними інструкціями, контрактними пропозиціями, накладними, квитанціями) [16, с. 60].

Згідно із цими рекомендаціями всі економічні суб'єкти й організації, що здійснюють свою торговельну діяльність із використанням електронного обміну даними, повинні спиратися на Європейську типову угоду про електронний обмін даними. Особливу увагу приділено питанням безпеки повідомлень електронного обміну даними, зокрема процедурам і заходам безпеки від ризиків несанкціонованого доступу, змінення, затримки, знищення або втрати інформації, конфіденційності та захисту персональних даних.

Для забезпечення захисту інформації від несанкціонованого доступу учасники кримінального провадження мають дотримуватися основних принципів захисту інформації, а саме:

1) принципу обґрунтованості доступу, який полягає в обов'язковому виконанні двох основних умов: користувач повинен мати достатню «форму допуску» для отримання інформації необхідного йому рівня конфіденційності, водночас означена інформація необхідна йому для виконання його процесуальних функцій;

2) принципу достатньої глибини контролю доступу, за яким засоби захисту інформації повинні містити механізми контролю доступу до всіх видів інформаційних і програмних ресурсів автоматизованих систем, які за принципом обґрунтованості доступу слід розподіляти між користувачами;

3) принципу розмежування потоків інформації, відповідно до якого для убезпечення від порушення безпеки інформації, що може статися в момент запису секретної інформації на несекретні носії та в несекретні файли, її передачі програмам і процесам, непризначеним для обробки секретної інформації, а також у процесі передачі секретної інформації незахищеними каналами і лініями зв'язку, а отже, необхідно здійснювати відповідне розмежування потоків інформації;

4) принципу чистоти повторно використовуваних ресурсів, який полягає в очищенні ресурсів, що містять конфіденційну інформацію, під час їх видалення або звільнення користувачем до перерозподілу цих ресурсів іншим користувачам;

5) принципу персональної відповідальності, згідно з яким кожен користувач повинен нести персональну відповідальність за свою діяльність у системі, включаючи будь-які операції з конфіденційною інформацією і можливі порушення її захисту, тобто будь-які випадкові чи навмисні дії, які призводять або можуть призвести до несанкціонованого ознайомлення з конфіденційною інформацією, її викривлення чи знищення, або ж роблять таку інформацію недоступною для законних користувачів;

6) принципу цілісності засобів захисту, яким передбачено, що засоби захисту інформації в автоматизованих системах повинні точно виконувати свої функції відповідно до названих принципів і бути ізольованими від користувачів, а також обладнаними спеціальним захищеним інтерфейсом для засобів контролю, сигналізації про спроби порушення захисту інформації та впливу на процеси в системі [14, с. 35–36].

У Європейському Союзі до основних заходів протидії загрозам інформаційної безпеки відносять такі:

1) підвищення обізнаності, що передбачає проведення інформаційних та освітніх кампаній та обмін передовим досвідом у розглядуваній сфері;

2) запровадження Європейської системи попередження та інформування;

3) забезпечення технологічної підтримки, пов'язаної зі стратегією розвитку системи інформаційної безпеки;

4) забезпечення ринково орієнтованих способів стандартизації та сертифікації;

5) забезпечення безпеки в урядових установах;

6) міжнародна взаємодія, що передбачає як розширення діалогу між державами-учасниками з приводу підвищення ефективності забезпечення інформаційної безпеки підприємництва [13, с. 96–97].

Звертаючись до дослідження проблем забезпечення інформаційної безпеки під час допиту експерта в режимі відео конференції, важливо зазначити, що допит є одним із засобів пізнання слідчим (судом) подій, фактів й обставин, які він не сприймав безпосередньо, шляхом сприйняття свідчень осіб про ці факти, обставини, події. Основне в допиті – інформація, основні психологічні особливості якої є такими: 1) під час допиту допитуваний розв'язує цілу низку розумових завдань, постановлених слідчим (судом) та ним самим; 2) вербальне передавання інформації, пов'язане з наявністю бажання, інтересу, потреби передати слідчому (суду) опис подій; 3) у процесі допиту допитуваний викладає не власне сприйняття, а лише спогад, враження про нього; 4) у ході допиту свідка, підозрюваного, обвинуваченого у всіх випадках із боку слідчого (суду) потрібна активна розумова діяльність; для забезпечення високої психічної активності допитуваного необхідно викликати й підтримувати в нього відповідний емоційний стан [17, с. 6]. Інакше кажучи, формування показань як комплекс складних психологічних процесів відбувається за активної участі особи допитуваного. Тому важливими умовами проведення дистанційного допиту є забезпечення належної якості зображення та звуку. З цією метою слідчий, прокурор чи слідчий суддя повинні залучити до участі в проведенні слідчої дії в режимі відеоконференції фахівця, який має спеціальні знання та навички застосування відповідних технічних засобів і технологій.

Проведення відеоконференції має передбачати забезпечення інформаційної безпеки, тобто необхідно гарантувати захищеність інформації та інфраструктури, що її підтримує від випадкового або навмисного впливу природного чи штучного характеру, що може завдати шкоди кримінальному провадженню, призвести до розкриття таємниці досудового розслідування, змісту показань, наданих під час слідчої дії, даних про осіб, які перебувають під державним захистом тощо [18].

Підсумовуючи викладене, вважаємо, що подальший розвиток сучасного кримінального процесуального законодавства потребує нормативно-правового закріплення загальної стратегії забезпечення інформаційної безпеки слідчих та судових дій, які проводяться в дистанційному режимі. На особливу увагу заслуговує розроблення процедури поведінки з інформацією, зберігання інформації, захисту цієї інформації від недозволеного розкриття або неправомірного використання.

Список літератури:

1. Про судову експертизу : Закон України від 25 лютого 1994 р. № 4038-ХІІ // Відомості Верховної Ради України. – 1994. – № 28. – Ст. 23.
2. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: курс общей теории / Т.В. Аверьянова. – М. : Норма, 2006. – 480 с.
3. Винберг А.И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы : [монография] / А.И. Винберг – М. : Госюриздат, 1949. – 132 с.
4. Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование / А.А. Эйсман. – М. : Юрид. лит., 1967. – 152 с.
5. Клименко Н.И. Судова експертологія : [курс лекцій] / Н.И. Клименко. – К. : Видавничий дім «Ін Юре», 2007. – 528 с.
6. Колдин В.Я. Судебно-экспертные науки и технологии / В.Я. Колдин, О.А. Крестовников // Теория и практика судебной экспертизы. – М. : МЮ РФ, 2006. – № 1. – С. 12–19.
7. Сегай М.Я. Судебная экспертология: концептуальные основы экспертной методологии / М.Я. Сегай // Теория та практика судової експертизи і криміналістики : збірник матеріалів міжнарод. наук.-практ. конф. / ред. колегія: М.Лі. Цимбал, М.І. Панов, Е.Б. Сімакова-Єфремян та ін. – Вип. 2. – X. : Право, 2002. – С. 36–42.
8. Шепітько В.Ю. Проблеми використання спеціальних знань крізь призму сучасного кримінального судочинства в Україні / В.Ю. Шепітько // Судова експертиза. – 2014. – № 1. – С. 11–18.

9. Шляхов А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение / А.Р. Шляхов. – М. : Юрайт, 2001. – 187 с.
10. Моїсєєв О.М. Експериментальне вивчення дистанційної форми допиту судового експерта / О.М. Моїсєєв, О.А. Легостаєв // Правничий часопис Донецького університету. – 2013. – № 1 (29). – С. 174–181.
11. Кримінальний процесуальний кодекс України від 13 квітня 2012 р. // Офіційний вісник України. – 2012. – № 37. – Ст. 1370.
12. Организационно-правовое обеспечение информационной безопасности : [учеб. пос. для студентов высш. учеб. завед.] / [А.А. Стрельцов и др.] ; под ред. А.А. Стрельцова. – М. : Изда. центр «Академия», 2008. – 256 с.
13. Смирнов А.А. Обеспечение информационной безопасности в условиях виртуализации общества: опыт Европейского Союза : [монография] / А.А. Смирнов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 196 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://spkurdyumov.narod.ru/smimov.pdf>.
14. Малюк А.А. Введение в защиту информации в автоматизированных системах / А.А. Малюк, С.В. Пазин, Н.С. Погожин. – М. : Горячая линия-Телеком, 2001. – 148 с.
15. Commission Recommendation 94/820/EC of 19 October 1994 relating to the legal aspects of electronic data interchange // Official Journal of the European Communities. – 1994. – L 338. – P. 0098-0117.
16. Волик О.Ф. Митні інформаційні технології : [навч. посіб.] / [О.Ф. Волик, О.В.Кашева] ; за ред. П.В. Пашка. – К. : Знання, 2011. – 391 с.
17. Коновалова В.Е. Психология в расследовании преступлений / В.Е. Коновалова. – Х. : Вища школа, 1978. – 143 с.
18. Кримінальний процесуальний кодекс України. Науково-практичний коментар : у 2 т. / [О.М. Бандурка, Є.М. Блажівський, Є.П. Бурдоль та ін.] ; за заг. ред. В.Я. Тація, В.П. Пшонки, А.В. Портнова. – Х. : Право, 2012. – Т. 1. – 2012. – 768 с.

Моїсєєв А. М. Информационная безопасность допроса эксперта в режиме видеоконференции / А. М. Моїсєєв // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Юридические науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 1184-1189.

Исследована проблема обеспечения информационной безопасности при допросе судебного эксперта в режиме видеоконференции. Доказана целесообразность разработки и нормативно-правового закрепления общей стратегии обеспечения информационной безопасности процессуальных действий, которые проводятся в дистанционном режиме.

Ключевые слова: процессуальные действия, дистанционные судебное производство, допрос эксперта, режим видеоконференции, информационная безопасность.

THE PROVIDING OF INFORMATION SECURITY DURING INTERROGATION OF EXPERT IN THE MODE OF VIDEOCONFERENCE

Moiseev A. M.
Donetsk National University,
Donetsk, Ukraine

The problem of information security during remote prejudicial investigation and court proceedings is investigated. The suggestion for implementing of interrogation of expert in the mode of videoconference is founded. The legal basis of the proceedings in the remote form is considered. It is found that, in accordance with Section 3, Article. 232 of Code of Criminal Procedure, the use of technical means and technologies in remote prejudicial investigation should provide the necessary quality of picture and sound, as well as information security. Remote form of interaction will help to reduce the costs of business trips for a court expert. Also reduced the gap expert from operations and greatly enhance the efficiency of the examination in the hearing and questioning the effectiveness of an expert on the examination conducted. The expediency of development and regulatory consolidation of the common strategy of proceedings information security providing, which are conducted remotely, is proved. It is recommended to equip the special offices in the state forensic institutions for video conferencing in court. Responsible for the operation of such offices should be entrusted to the heads of expert institutions. These guarantees mean information security and infrastructure that supports it from accidental or intentional exposure to natural or artificial nature that may harm the criminal proceedings, to result in the disclosure of the secrets of pre-trial investigation, the content of the testimony given during the investigative actions, data on persons who are under state protection, and so on. In addition, the detailed regulation requires careful handling procedures with information, its savings and protection against unauthorized or irregular use.

Key words: legal proceedings, remote judicial proceedings, interrogation of expert, mode of videoconference, information security.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341 616.98:578.828«19»

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БОРЬБЫ С ВИЧ/СПИДОМ В КОНЦЕ XX ВВ.

Клименко Е. П.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

В статье рассмотрен вопрос международно-правового регулирования борьбы с ВИЧ/СПИДОМ в конце XX в. Приведены примеры и раскрыто содержание нормативно-правовых актов, принятых в указанный период, направленных на соблюдение и защиту прав больных ВИЧ. За период с 1988 по 1997 были подготовлены различные декларации, хартии, рекомендации. Например, Лондонская декларация о предупреждении СПИДа 1988 г., Парижская декларация «Женщины, дети и синдром приобретенного иммунодефицита (СПИД)» 1989 г., Декларация прав ВИЧ-инфицированных и больных СПИДОМ людей (Великобритания, 1991 г.) и другие.

Ключевые слова: международно-правовое регулирование, ВИЧ/СПИД.

Актуальность исследования обуславливается необходимостью рассмотрения вопроса правового регулирования борьбы с ВИЧ/СПИДОМ в ретроспективе ввиду высокого распространения на сегодняшний день этого заболевания и обязанностью представителей всех стран мира предпринять меры для борьбы с этой эпидемией, в том числе правового характера.

35 миллионов людей в мире ВИЧ инфицированы, 19 миллионов – не знают свой ВИЧ-положительный статус. Каждая четвертая девочка-подросток и молодая женщина оказываются зараженными ВИЧ в Африке [1].

В России количество ВИЧ/СПИД-инфицированных людей увеличилось с 30 в 1988 г., когда первый случай ВИЧ/СПИДа был зарегистрирован в стране, до более чем 860 000 в 2014 г. [2]. В докладе Федерального научно-методического центра МЗ РФ по профилактике и борьбе со СПИДОМ указывается, что в нашей стране в 2014 г. зарегистрировано 80 000 новых случаев заражения ВИЧ. При таком растущем уровне заболеваемости ВИЧ-инфекцией можно ожидать, что к концу 2015 г. количество случаев достигнет одного миллиона человек, – говорится в докладе [3].

Статистика показывает рост смертности среди инфицированных лиц. Средний возраст тех, кто умер от СПИДа, – не более 35 лет, что, по словам врачей, наносит значительный демографический ущерб. В России число официально зарегистрированных носителей ВИЧ составляет 0,5% населения. Число инфицированных лиц яв-

ляется самым высоким в Иркутске (1,6%), Самарской (на 1,5%) и Свердловской (на 1,4%) областях. В Санкт-Петербурге ставка составляет 1%. Также отмечены 80–100 случаев заражения ВИЧ-инфекцией женщин в день. В основном, молодых женщин в возрасте от 25 до 35 лет [3], что существенно влияет на формирование здоровых демографических показателей в стране.

Такие статистические данные являются предпосылкой к постоянному и детальному изучению проблемы борьбы с ВИЧ/СПИДом и ее правового закрепления.

На сегодняшний день работ, посвященных международному правовому регулированию борьбы с ВИЧ/СПИДом, к сожалению, очень мало. В имеющихся работах исследуется какой-либо отдельный аспект. Например, в работе Л.О. Гостина и В.Дж. Куррана исследуются правовые меры по контролю за СПИДом: требования к отчетности, надзору, карантину и регулированию в общественных местах [4]. В труде Д. Адама Смита и Дэвида Госса «Организация вопросов СПИДа на рабочих местах и меры по противодействию эпидемии (социальные аспекты СПИДа)» [5] содержится обзор теоретических и практических вопросов, которые касаются организационных мер в ответ на ВИЧ/СПИД, приведены примеры нормативно-правовых актов, в которых закреплены права трудящихся, больных ВИЧ/СПИДом.

Схожей проблематикой занимались Д. Паттерсон и Л. Лондон в своем исследовании «Международное право, права человека и ВИЧ/СПИД» [6].

В монографии Э. Дурояй и Г. Мируги-Муканди «Сборник документов и дел по праву на здоровье в Африканской правозащитной системе» приведены документы, направленные на защиту прав больных СПИДом в Африке [7].

Для нашего исследования также представляют интерес работы, в которых рассматривается вопрос взаимосвязи международного права и инфекционных заболеваний в целом. Например, труды профессора права Д.П. Филдера. В его монографии «Международное право и инфекционные заболевания» [8] впервые проведен комплексный анализ соотношения между международным правом и инфекционными заболеваниями. Д.П. Фидлер разрабатывает концепцию микробиологической политики и юриспруденции общественного здравоохранения для обеспечения перспектив и основ для будущих действий правового характера. Автор также осветил свои идеи в ряде статей.

Подобной тематикой занимался Л.О. Гостин [9], в работе которого борьба с инфекционными заболеваниями показана в исторической контексте. Автор показывает процесс реформирования Международных медико-санитарных правил (ММСП) и дает рекомендации для их улучшения.

В работе ученого М.Т. Мариани показано пересечение международного права, сельскохозяйственных технологий и инфекционных заболеваний [10]. В книге рассмотрены и вопросы соотношения между инфекционными заболеваниями и ГМО, а также законодательство в области общественного здравоохранения, международного торгового права и других.

Из трудов зарубежных авторов следует отметить также О. Агинама, исследовавшего глобализацию инфекционных болезней, международного права и Всемирной организации здравоохранения [11].

Из отечественных ученых следует назвать М.А. Медведеву [12], Ю.Д. Сергеева, Е.А. Боговскую [13], Д.Г. Бартенева [14] и других.

В деле борьбы со СПИДом конец XX в. ознаменовался принятием различных деклараций, рекомендаций и хартий, направленных на определение приоритетных направлений и принципов этой деятельности.

На Всемирном конгрессе министров здравоохранения 28 января 1988 г. была принята Лондонская декларация о предупреждении СПИДа.

Всемирный Саммит министров здравоохранения по программам профилактики СПИДа собрал делегатов из 148 стран, представляющих большинство населения в мире. Присутствовали члены из СССР, Австралии, Австрии, Бельгии, Канады, Китая, Финляндии, Франции, Германии, Греции, Гвинеи, Индонезии, Исландии, Индии, Ирландии, Израиля, Японии, Италии, Малайзии, Монако, Нигерии, Панамы и многие другие.

Главой делегации СССР выступал министр здравоохранения СССР Е.И. Чазов; также на саммите присутствовали руководитель лаборатории эпидемиологии и профилактики СПИДа В.П. Сергиев и советник министра иностранных дел А.М. Вавилов.

В п. 3 декларации указывается, что участвующие в декларации представители государств берут на себя разработку национальных программ по предотвращению и сдерживанию распространения ВИЧ-инфекции как часть их систем здравоохранения. В документе сообщалось правительствам о значении создания координационного комитета высокого уровня с целью привлечения по возможности в полной степени всего правительственного сектора и соответствующих неправительственных организаций в планировании и реализации таких программ в соответствии с глобальной стратегией по СПИДу.

В духе резолюции Генеральной Ассамблеи ООН А/42/8 подписавшие декларацию участники обратились:

- ко всем соответствующим организациям системы ООН, включая специализированные учреждения;
- к двусторонним и многосторонним организациям;
- к неправительственным и общественным организациям в поддержку всемирной борьбы со СПИДом в соответствии с Глобальной стратегией ВОЗ. [15, с. 122–124].

Еще одним документом стала Парижская декларация «Женщины, дети и синдром приобретенного иммунодефицита (СПИД)». Она была принята Международной конференцией о последствиях СПИДа для здоровья матерей и детей, в Париже, 27–30 ноября 1989 г. Съезд был проведен с целью заслушать научные сообщения и обсудить политические последствия инфекции вируса иммунодефицита человека (ВИЧ) для этих важных групп населения.

Участники декларации обратились с призывом ко всем правительствам, учреждениям системы ООН, в рамках которой на Всемирную организацию здравоохранения возложена обязанность направлять и координировать глобальную борьбу против СПИДа, межправительственным и неправительственным организациям, сообществам ученых, работникам здравоохранения и социальной сферы, а также общественности в целом обеспечивать такое положение, при котором тестирование на ВИЧ предлагалось бы женщинам и детям как неотъемлемая, но добровольная часть программ здравоохранения, включая консультационные услуги и другую психологическую помощь, при должном соблюдении конфиденциальности [16].

Кроме того, была определена необходимость содействовать безопасному материнству для всех женщин и обеспечивать предоставление женщинам, инфицированным ВИЧ, надлежащей информации, а также доступа к службам здравоохранения, включая службы планирования семьи, консультационное обслуживание и другую психологическую помощь, с тем, чтобы они могли принимать осознанные решения относительно деторождения.

Предлагалось обеспечить такое положение, при котором программы по предупреждению ВИЧ/СПИДа и борьбе с ними оказывали бы необходимую помощь семьям, страдающим от ВИЧ/СПИДа, путем мобилизации медико-санитарных и социальных служб с целью удовлетворения возникающих потребностей, включая потребности семей, подвергающихся дискриминации, неспособных обеспечить уход за детьми, а также потребности брошенных детей или детей, оставшихся сиротами [16]. Помимо вышеназванных рекомендаций, в декларации отмечалась необходимость подчеркивать наличие и доступность медико-санитарной помощи, включая лечение, а также других социальных и вспомогательных служб для женщин и детей, инфицированных ВИЧ, включая рекомендуемые прививки.

В п. 11 документа указывалось, что уместным будет продолжать деятельность по программам охраны, поощрения и по поддержке грудного вскармливания в качестве основного компонента разумной политики в области здравоохранения и питания. В п. 12 отмечена цель обеспечивать надлежащий и безопасный сбор донорской крови и функционирование служб переливания крови, включая использование соответствующих лабораторных методов и показаний для переливания [16].

Одним из источников правового регулирования вопросов ВИЧ/СПИДа на сегодняшний день являются рекомендации Комитета министров Совета Европы, в состав которого входят 47 государств. Например, Рекомендация Комитета министров Совета Европы № R (87)25 государствам-членам, касающаяся общеевропейской политики в области здравоохранения по борьбе со СПИДом, принятая в Страсбурге, в 1987 г.

В ней Комитет министров рекомендует правительствам государств-членов:

- 1) Объявить борьбу со СПИДом срочным национальным приоритетом.
- 2) Тщательно продумать с учетом социально-культурного контекста, наиболее подходящую политику в области общественного здравоохранения для профилактики СПИДа путем составления комплексной стратегии, состоящей из программ и мер, которые:

- научно обоснованы и целесообразны, чтобы препятствовать распространению инфекции с целью охраны здоровья граждан;

- не препятствуют без необходимости с учетом индивидуальных прав на объективную информацию, свободу и частную жизнь.

3. Следовать с этой целью принципам, изложенным в приложении к рекомендации.

4. Активизировать сотрудничество в Европе по проведению исследований по конкретным аспектам борьбы со СПИДом [17].

Через два года был опубликован еще один такой документ, но уже другой направленности. Он называется Рекомендация № R (89)14 по этическим вопросам ВИЧ-инфекции в сфере здравоохранения и социальным условиям от 24 октября 1989 г., кото-

рая вышла в печати в 41 Международном Дайджесте медицинского законодательства № 39 (1990).

В приложении к рекомендации определены три главные этические и юридические проблемы, которые предстоит решать:

- следует ли ввести добровольное тестирование или различные формы скрининга;
- предлагать ли инфицированным те же гарантии обеспечения конфиденциальности, что и другим пациентам;
- следует ли ввести ограничительные меры [18].

В документе содержатся сведения по здравоохранению работников в сфере ВИЧ/СПИДа и граждан, сталкивающихся с этим заболеванием. Кроме того, урегулирован вопрос предоставления социальной помощи больным ВИЧ. Также указывается на целесообразность проведения эпидемиологических исследований.

Продолжая рассмотрение нормативно-правовых актов, посвященные вопросам ВИЧ/СПИДа в конце XX в., хотелось бы отметить еще одну немаловажную Декларацию прав ВИЧ-инфицированных и больных СПИДОМ людей, принятую в Великобритании в 1991 г. Документ направлен на обеспечение следующих прав ВИЧ-инфицированных и больных СПИДОМ людей:

- свобода и безопасность;
- частная жизнь;
- свобода передвижения;
- работа;
- жилье, питание, социальная защита, медицинская помощь и социальное обеспечение;
- право вступать в брак и создавать семью;
- образование [19].

В этом же году подобный документ был подписан Национальной ассоциацией лиц, инфицированных ВИЧ и больных СПИДОМ – Австралийская декларация прав людей, инфицированных ВИЧ и больных СПИДОМ. Она устанавливает ответственность правительства, международных агентств, сервисных служб, частных предприятий, профсоюзов, СМИ, медицинских учреждений, школ, религиозных учреждений и всех австралийцев гарантировать то, что права людей, живущих с ВИЧ, находятся под защитой. Документ обязал правительства разработать кодекс прав ВИЧ-позитивных людей и определил принципы, которые должны войти в него [20].

Во всемирный день борьбы со СПИДОМ 1 декабря 1992 г. была принята Хартия прав лиц с ВИЧ-инфекцией и СПИДОМ южноафриканской Ассоциации по борьбе со СПИДОМ. В ней изложены те основные права, которыми все граждане пользуются или должны пользоваться и в которых не должно быть отказано лицам, больным ВИЧ-инфекцией или СПИДОМ, а также некоторые обязанности. Такими правами являются:

- 1) свобода, независимость, личная безопасность и свобода передвижения;
- 2) конфиденциальность и приватность;
- 3) тестирование;
- 4) образование по вопросам ВИЧ и СПИД;
- 5) занятость;

- 6) медицинские и вспомогательные услуги;
- 7) СМИ;
- 8) страхование;
- 9) наличие гендерных и сексуальных партнеров;
- 10) защита заключенных [21, р. 79-82].

Еще одним международным нормативно-правовым актом по рассматриваемой нами проблематике стала Дакарская декларация, принятая на 4-ой региональной конференции Генеральной Ассамблеей Организации Межафриканского комитета (МАК), организованной совместно ВОЗ и МАК в г. Дакаре 17–21 ноября 1997 г.

В документе указывается, что при совершении любого действия – личного, организационного, профессионального или правительственного – в ответ на эпидемию ВИЧ необходимо руководствоваться такими принципами:

- принцип ответственности;
- принцип участия;
- принцип партнерства и консенсуса;
- принцип расширения прав и возможностей;
- принцип недискриминации;
- принцип конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни;
- принцип адаптации;
- принцип восприимчивости к языку;
- принцип этики в исследованиях;
- принцип запрещения обязательного тестирования на ВИЧ [22, р. 15–16].

Из вышеуказанного следует, что международно-правовое регулирование борьбы с ВИЧ/СПИДом в конце XX в. осуществлялось посредством принятия различных нормативно-правовых актов, направленных на определение приоритетных направлений работы по профилактике, предотвращению и ликвидации эпидемии, а также защиту прав больных СПИДом. Например, деклараций, хартий, рекомендаций и других.

Список литературы:

1. Joint United Nations Programme on HIV/AIDS (UNAIDS). The gap report. Geneva, Switzerland: Joint United Nations Programme on HIV/AIDS (UNAIDS) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.unaids.org/en/media/unaids/contentassets/documents/unaidspublication/2014/UNAIDS_Gap_report_en.pdf.
2. Russia HIV/AIDS cases rise from 30 in 1988 to 860,000 in 2014 – official [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://itar-tass.com/en/non-political/764078>.
3. HIV/AIDS epidemic in Russia takes irreversible character [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://english.pravda.ru/society/stories/27-11-2014/129150-hiv_aids-0.
4. Gostin L. Legal control measures for AIDS: reporting requirements, surveillance, quarantine, and regulation of public meeting places / L. Gostin, W. J. Curran // American Journal of Public Health. – 1987. – Vol. 77. – № 2. – P. 214–218.
5. D. Adam Smith Organizing Aids: Work place and Organizational Responses to the HIV/AIDS Epidemic (Social Aspects of AIDS) / D. Adam Smith, D. Goss. – London, 1995. – 168 p.
6. Patterson D. International law, human rights and HIV/AIDS / D. Patterson, L. London // Bulletin of the World Health Organization. – 2002. – № 80 (12). – P. 964–969.
7. Durojaye E. Compendium of documents and cases on the right to health under the African human rights system / E. Durojaye, G. Mirugi-Mukundi. – Bellville, South Africa: Community Law Centre, University of the Western Cape, 2013. – 316 p.
8. Fidler D.P. International law and infectious diseases / D.P. Fidler. – Oxford : Clarendon Press, 1999. – 412 p.

9. Gostin O. International infectious disease law: revision of the World Health Organization's International Health Regulations / O. Gostin // Journal of the American Medical Association. – 2004. – Vol. 291. – № 21. – P. 2623–2627.
10. Mariani M.T. The Intersection of International Law, Agricultural Biotechnology, and Infection Disease / M.T. Mariani. – Leiden, The Netherlands: Koninklijke Brill NV, 2007. – 250 p.
11. Aginam O. Globalization of infectious diseases, international law and the World Health Organization: opportunities for synergy in global governance of epidemics / O. Aginam // New England Journal of International and Comparative Law. – 2005. – № 11 (1). – P. 59–74.
12. Медведева М.А. Роль міжнародного права в боротьбі з інфекційними захворюваннями / М.А. Медведева // Матеріали доповідей XIV Міжнародної конференції студентів, аспірантів і молодих учених «Ломоносов» / под ред. І.А. Алешковського, П.Н. Костылева. – М.: Издательський центр Факультета журналістики МГУ ім. М.В. Ломоносова [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://lomonosovmsu.ru/archive/Lomonosov_2007/25/madved1@i.com.ua.pdf.
13. Сергеев Ю.Д. О правовом регулировании мероприятий по борьбе с эпидемиями (пандемиями) инфекционных заболеваний / Ю.Д. Сергеев, Е.А. Боговская // Медицинское право. – 2010. – № 4. – С. 3–9.
14. Бартевев Д. Г. Право на охрану здоровья в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Д.М. Бартевев. – Санкт-Петербург, 2006. – 193 с.
15. AIDS prevention and control: invited presentations and papers from the World Summit of Ministers of Health on Programmes for AIDS Prevention. – Aylesbury, Bucks, England, 1988. – 169 p.
16. Парижская декларация «Женщины, дети и синдром приобретенного иммунодефицита (СПИД)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/parisdec.shtml.
17. Recommendation R(87)25 to member States concerning a common European public health policy to fight AIDS, Council of Europe, Committee of Ministers, Strasbourg, 1987 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://wcd.coe.int/com.instranet.InstraServlet?command=com.instranet.CmdBlobGet&InstranetImage=1001008&SecMode=1&DocId=694988&Usage=2>.
18. Recommendation on the Ethical Issues of HIV Infection in the Health Care and Social Settings, Committee of Ministers of the Council of Europe, Strasbourg, October 1989 (Rec. 89/14) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.edqm.eu/site/Recommendation_No_R8914_of_the_Committee_of_Ministers_to_member_states_on_ethical_issues_of_HIV_infection_in_the_health_care_and_social_settings-en-7011-2.html.
19. Декларация прав ВИЧ-инфицированных и больных СПИДом людей, подписана общественными организациями Великобритании [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.likar.info/coolhealth/article-35299-deklaratsiya-prav-vich-infitsirovannyih-i-bolnyih-spidom-lyudeybr-sup-titledeklaratsiya-prav-vich-infitsirovannyih-i-bolnyih-spidom-lyudey-podpisana-obschestvennyimi-organizatsiyami-velikobritanipodpisana-obschestvennyimi-organizatsiyami-velikobritanisup>.
20. Declaration of the rights of people with HIV/AIDS [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://aep.lib.rochester.edu/node/42488>.
21. The AIDS Consortium. – Critic Health. – 1992. – № 40. – P. 79–82.
22. African Network on Ethics, Law and HIV Proceedings of the Intercountry Consultation. HIV and Development Regional Project for Sub-Saharan. – Africa, Dakar, Senegal, 1995. – 148 p.

Клименко К. П. Міжнародно-правове регулювання боротьби з ВІЛ/СПІДОМ у кінці ХХ ст. / К. П. Клименко // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія : Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66), № 4. – С. 190-197.

У статті розглянуто питання міжнародно-правового регулювання боротьби з ВІЛ/СПІДОМ у кінці ХХ ст. Наведено приклади та розкрито зміст нормативно-правових актів, прийнятих у зазначений період, спрямованих на дотримання та захист прав хворих на ВІЛ. За період з 1988 по 1997 були підготовлені різні декларації, хартії, рекомендації. Наприклад, Лондонська декларація про попередження СНІДу 1988 р., Паризька декларація «Жінки, діти і синдром набутого імунodefіциту (СПІД)» 1989 р., Декларація прав ВІЛ-інфікованих та хворих на СНІД людей, Великобританія, 1991 р. та інші.

Ключові слова: міжнародно-правове регулювання, ВІЛ/СПІД.

**INTERNATIONAL LEGAL REGULATION
OF THE FIGHT AGAINST HIV/AIDS IN THE END OF XX CENTURY**

Klimenko K. P.
Taurida National V. I. Vernadsky University,
Simferopol

The relevance of the study is determined by the necessity of consideration of the question of legal regulation of fight against HIV/AIDS in retrospect due to the high prevalence today of this disease and the duty of the representatives of all countries to take measures to combat this epidemic, including of a legal nature.

35 million people worldwide infected with HIV, 19 million – don't know their HIV-positive status. Every fourth teenage girl and a young woman infected with HIV in Africa. In Russia the number of HIV/AIDS-infected people has increased from 30 in 1988, when the first case of HIV/AIDS was registered in the country to more than 860,000 in 2014. In the report of the Federal scientific-methodological center for Health Ministry of the Russian Federation for the prevention and control of AIDS indicates that in our country in 2014 registered 80 000 new cases of HIV infection. With this growing rate of HIV infection, it can be expected that by the end of 2015 the number of cases will reach one million people, – the report says. Such statistics are a prerequisite to continuous and detailed study of the problem of HIV/AIDS and its legal status.

In the article the question of international legal regulation of HIV/AIDS at the end of XX century is examined. The author gives examples and discloses the contents of normative-legal acts adopted in the specified period, aimed at the observance and protection of rights of HIV patients. For the period from 1988 to 1997 various declarations, charters, recommendations were prepared. For example, the London Declaration on AIDS prevention, 1988, The Paris Declaration on Women, children and the acquired immunodeficiency syndrome (AIDS) 1989, the Declaration of the rights of HIV-infected and AIDS patients, UK, 1991 and Recommendation R(87)25 to member States concerning a common European public health policy to fight AIDS, Council of Europe, Committee of Ministers, Strasbourg, 1987. Many of these documents are aimed at ensuring the following rights of HIV-infected and AIDS patients: freedom and security; privacy; freedom of movement; work; housing, food, social security, medical assistance and social services; the right to marry and to found a family; education.

Key words: international legal regulation, HIV/AIDS.

**Бірюков Валерій
Васильович –**

доктор юридичних наук, професор, професор кафедри кримінального процесу та криміналістики Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського

**Бірюкова Тетяна
Петрівна –**

кандидат юридичних наук, доцент, доцент кафедри судової медицини з курсом права Кримського державного медичного університету імені С.І. Георгіївського

**Бугасв Валерій
Олександрович –**

кандидат юридичних наук, доцент, завідувач кафедри кримінального права та кримінології Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського

**Волошин Іван
Олексійович –**

старший викладач кафедри кримінального права та кримінології юридичного факультету Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського

**Герасименко Володимир
Олександрович**

доцент кафедри кримінального права та кримінології юридичного факультету Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського

**Губанова Олена
Вікторівна –**

кандидат юридичних наук, доцент кафедри кримінального права та кримінології юридичного факультету Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського

**Гумеров Тимур
Альбертович –**

кандидат юридичних наук, доцент кафедри кримінального процесу та судової діяльності Єлабужського інституту (філії) Казанського (Приволзького федерального університету)

**Каралкіна Тетяна
Валеріївна –**

асистент кафедри господарського права Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля

**Кашенко Сергій
Григорович –**

доктор історичних наук, професор кафедри історії та теорії держави і права юридичного факультету Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського

- Кисельова Олена Іванівна –** кандидат юридичних наук, старший викладач кафедри АГПФЕБ Сумського державного університету
- Клименко Катерина Петрівна –** студентка II курсу магістратури юридичного факультету Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського
- Кошман Олексій Володимирович – Кошман Володимир Олексійович –** прокурор у відставці, старший радник юстиції
- Куницька Ольга Михайлівна –** аспірант кафедри теорії, історії держави і права Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського
- Куницька Ольга Михайлівна –** старший викладач кафедри фінансового права та правового регулювання господарської діяльності юридичного факультету Білоруського державного університету
- Курабцева Ганна Павлівна –** кандидат юридичних наук, доцент кафедри історії і теорії держави та права Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського
- Макухін Олександр Олександрович –** викладач кафедри підприємницького та екологічного права Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського
- Мидловець Марія Василівна –** аспірант кафедри історії та теорії держави і права юридичного факультету Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського
- Моїсєєв Олександр Михайлович –** доктор юридичних наук, професор, завідувач кафедри кримінального права и процесу Донецького національного університету
- Ольков Сергій Геннадійович –** доктор юридичних наук, професор кафедри кримінального права та кримінології юридичного факультету Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського

**Островський Артем
Анатолійович –**

аспірант кафедри історії та теорії держави і права
Таврійського національного університету імені
В.І. Вернадського

**Семенова Анастасія
Володимирівна –**

студентка V курсу юридичного факультету
Сумського державного університету

**Сердюк Вікторія
Олександрівна –**

кандидат юридичних наук, доцент кафедри теорії та
історії держави і права Національного університету
державної податкової служби України

**Сібілева Анна
Юріївна –**

асистент кафедри спеціальних правових наук
Кримського економічного інституту

**Скворцова Ольга
Володимирівна –**

кандидат юридичних наук, доцент кафедри крими-
нального права та кримінології юридичного факультету
Таврійського національного університету імені
В.І. Вернадського

**Сонін Олег
Євгенович –**

кандидат історичних наук, доцент кафедри цивіль-
ного та трудового права Таврійського національного
університету імені В.І. Вернадського

**Сорокін Руслан
Олексійович –**

кандидат юридичних наук, доцент кафедри загально-
теоретичних правових наук Вищої школи економіки
та бізнесу Таврійського національного університету
імені В.І. Вернадського

**Столярський Олег
Васильович –**

кандидат юридичних наук, доцент, доцент кафедри
міжнародного права Львівського національного
університету імені Івана Франка

**Таран Павло
Євгенович –**

кандидат філософських наук, кандидат юридичних
наук, доцент кафедри історії та теорії держави
і права юридичного факультету Таврійського
національного університету імені В.І. Вернадського

**Шармоянц Артур
Норайрович –**

кандидат юридичних наук, доцент кафедри історії
та теорії держави і права Таврійського
національного університету імені В.І. Вернадського

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА; КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Каралкіна Т. В.

Вдосконалення правової роботи
вищих навчальних закладів3

Кащенко С. Г., Таран П. Е.

Право в древнееврейском государстве9

Кошман В. А.

К вопросу о государственности кочевых народов
в сравнении с оседлыми народами.....15

Курабцева А. П.

Ликвидация гетманской системы военного правосудия
и организация военных судов в России в XVIII в.20

Сердюк В. О.

Роль судової правотворчості
в процесі здійснення судової реформи в Україні28

Сорокин Р. А.

Воссоздание единой России как основная цель
деятельности Крымского краевого правительства
под председательством С. Крыма36

Шармоянц А. Н.

Особенности конституции Республики Крым43

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Герасименко В. А.

Земельное и аграрное рейдерство в Крыму47

Кисельова О. І., Семенова А. В.

Історичні передумови формування сучасного
трудового законодавства та його відповідність
сучасному рівню розвитку трудових відносин в Україні60

Содержание

Сонин О. Е.

- Направления совершенствования законодательства
о защите прав работодателя68

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Куницкая О. М.

- Общая правовая характеристика форм (средств)
государственно-частного партнерства
в Республике Беларусь74

Макуhin А. А.

- The historical and legal aspect of value-added tax
formation and development in Russian Federation.....87

Ямненко Т. М.

- До питання правового регулювання
реалізації завдань державного фінансового контролю
у сфері грошового обігу.....93

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Бугаев В. А.

- Предмет причинения имущественного ущерба
путём обмана или злоупотребления доверием.....104

Волошин И. А.

- Анализ функциональных связей правовых норм в уголовном
законодательстве России при квалификации преступлений109

Губанова Е. В.

- Борьба с торговлей женщинами и детьми:
международное законодательство и общественные организации.....115

Гумеров Т. А.

- Преступность в молодежной среде: анализ причин,
расследование, профилактика123

Мидловец М. В.

- История уголовного законодательства
о половых преступлениях (преступлениях против
половой свободы и неприкосновенности личности)
в Крыму в советский период (1922–1991 гг.)128

Содержание

Ольков С. Г.	
Юридикo-математическая модель системы права, правоотношений и юридической ответственности.....	134
Островский А. А.	
Регламентация пошива одежды в исправительных арестантских отделениях Российской империи	143
Сибилева А. Ю.	
Правовые и практические меры по организации труда заключенных в Таврической губернии в 1850–1860-х гг.....	150
Скворцова О. В.	
Особенности субъекта преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях	159
Столярський О. В.	
Основні доктринальні підходи щодо поняття військових злочинів у міжнародному праві	166

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Бирюков В. В., Бирюкова Т. П.	
Информационные основы расследования преступлений	172
Кошман А. В.	
Сравнительный анализ полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве в странах СНГ	178
Моїсєєв О. М.	
Інформаційна безпека допиту експерта в режимі відеоконференції.....	184

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Клименко Е. П.	
Международно-правовое регулирование борьбы с ВИЧ/СПИДОМ в конце XX вв.	190

ДЛЯ ЗАМЕТОК